

ОБЩЕСТВО и ЭКОНОМИКА

НАУКА
— 1727 —

6

2024

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№ 6, 2024

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор журнала –
Е.Б. Ленчук, доктор экономических наук

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П.Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Галина Анисимова. Патерналистское государство и гражданское общество: проблема социально-экономического неравенства ...	5
Сергей Капканщиков. «Парадокс бережливости» в современной России и механизм его нейтрализации инструментами социальной политики	14
Базынан Бизенгин, Мадина Энеева, Елена Сарбашева, Халимат Уянаева. «Билет в будущее» или окно возможностей Республики Кыргызстан	32

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Валентина Доржиева. О стратегии развития фармацевтической промышленности и формировании технологического суверенитета России в контексте перспектив евразийского партнерства	49
Юлия Вологова. Государственные корпорации в реализации научно-технологической политики России	61

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Наталья Сорокина. Дефицит рабочей силы в индустриальных регионах России: может ли межрегиональная миграция способствовать смягчению проблемы?	82
--	----

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Екатерина Романчук. Последствия изменения климата для наиболее уязвимых слоев населения государств Центрально-Азиатского региона	93
---	----

CONTENTS

THEORETICAL ECONOMICS

G. Anisimova. The paternalistic state and civil society: the problem of socio-economic inequality	5
S. Kapkanschchikov. The effect of the paradox of thrift on modern Russia and the ways of countering it with social fiscal instruments	14
B. Bizengin, M. Eneeva, E. Sarbasheva, Kh. Uyanaeva. A ticket to the future or a window of opportunity for the Republic of Kyrgyzstan	32

ECONOMIC POLICY

V. Dorzhieva. On the strategy for the development of the pharmaceutical industry and the formation of technological sovereignty of Russia in the context of the prospects of the Eurasian partnership	49
Yu. Vologova. State corporations in the implementation of scientific and technological policy of Russia	61

REGIONAL DEVELOPMENT

N. Sorokina. Labour shortage in industrial regions of Russia: can interregional migration help mitigate the problem?	82
---	----

WORLD ECONOMY

Ye. Romanchuk. On the consequences of climate change for the most vulnerable populations in the Central Asian region	93
---	----

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

© 2024

УДК: 338.22

Галина Анисимова

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: anisimovagalina@bk.ru)

ПАТЕРНАЛИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Вопросы социально-экономического неравенства и расслоения общества весьма актуальны для современной России. При этом нет объективного обоснования существующему сегодня в российском обществе неравенству, которое подрывает основы формирования гражданского общества. Доказана необходимость активной роли государства в регулировании уровня социально-экономического неравенства.

Ключевые слова: патерналистское государство, гражданское общество, социально-экономическое неравенство, уровень доходов, государственное регулирование.

DOI: 10.31857/S0207367624060018, **EDN:** bxlclu

Многие зарубежные и российские исследователи отмечают, что за последнее столетие происходило существенное возрастание роли государства в регулировании экономики [См.: 2]. Так, американский экономист Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX в. были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» [18. С. 9]. Также другой американский экономист Дж. Стиглиц делает подобное теоретическое заключение: «То, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» [16. С. 11].

И российские ученые отмечают ту же тенденцию: «Врастание государства в хозяйственную жизнь социума за последние сто лет было неуклонным и, можно даже сказать, стремительным» [6. С. 4]. И далее: «Государство сегодня становится активным экономическим субъектом. Таким образом, происходит переплетение: экономика все больше подпадает под влияние государства (идет, так сказать, огосударствление экономики), а государство все глубже погружается в экономику» [16. С. 12]. Современное государство уже глубоко вторглось в экономику и является самым мощным агентом экономических отношений.

По мнению большинства экономистов, государство в современных условиях, выступая основным экономическим актором, существенное значение должно придавать регулированию социальных процессов, особенно уровню социального и экономического неравенства. Проблема неравенства сегодня заняла одно из центральных мест в политической жизни гражданского общества и во многих социальных и экономических науках.

В мировой научной литературе проблемы социально-экономического неравенства обсуждаются уже давно. Уже упомянутый Дж. Стиглиц пишет: «Неравенство есть причина и следствие провалов политической системы, и именно оно ведет к росту нестабильности нашей экономической системы» [16. С. 36]. И далее: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость» [16. С. 38]. Особенно актуальна эта проблема для современной России, т.к. по показателям экономического неравенства наша страна занимает одно из первых мест в мире. Высокий уровень неравенства является важной негативной характеристикой российского общества. И при этом нет какого-либо объективного обоснования существующему сегодня в российском обществе социально-экономическому неравенству, которое тормозит развитие гражданского общества.

С начала 90-х годов XX в. в России ясно наблюдается экономическое неравенство и процессы социального расслоения общества. Например, коэффициент фондов, рассчитываемый как отношение средних доходов 10% наиболее богатого населения и 10% населения, имеющего наименьшие доходы, показывает чрезмерно высокий уровень неравенства. За тридцатилетний период (1992–2022) значение коэффициента фондов в России существенно выросло. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2023 г. – уже в 13,8 (рис. 1).

В советский период в России было весьма незначительное социально-экономическое расслоение. Децильный коэффициент (который рассчитывался как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3–5 раз, что было равно или даже ниже, чем в скандинавских странах, которые считаются образцом социально ориентированной экономики [См.: 3]. С 1990-х годов в современной России возникли новые тенденции – рост неравенства и социальный раскол общества. Государство как бы устранилось от регулирования этой проблемы.

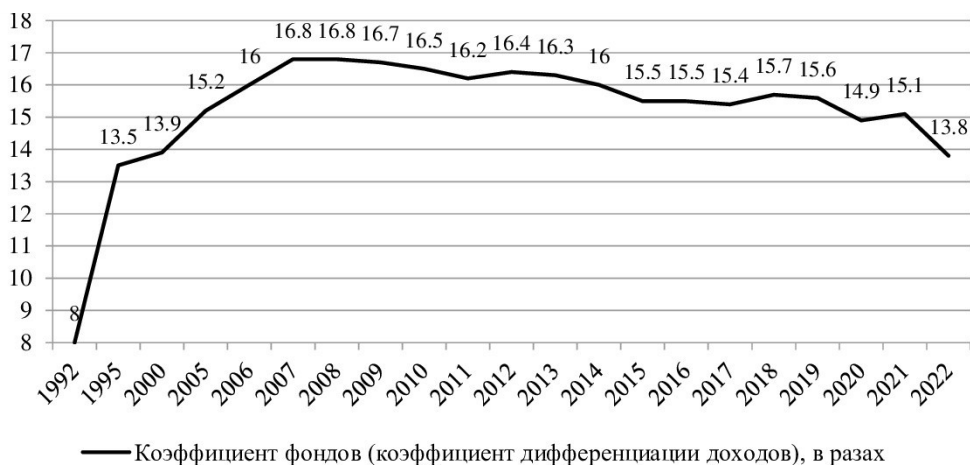

Рис. 1. Динамика коэффициента фондов

Источники: [10; 11. С. 130; 15. С. 97].

И хотя с 2013 г. коэффициент фондов сокращается, его величина чрезмерно велика. Можно сделать вывод о переходе дифференциации доходов в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства, несущие угрозу социальной стабильности общества [См.: 5]. Не случайно академик РАН Л.И. Абалкин отмечал: «Разрыв в доходах между бедными и богатыми в России катастрофичен... С точки зрения социальной безопасности разрыв должен быть не более чем 1 к 8. Иначе это чревато ростом напряженности в обществе и — что, пожалуй, самое важное — сокращением доверия к власти» [1. С. 78]. Сегодня, как уже отмечалось, разрыв в доходах составляет 13,8 раз. И это является существенным тормозом развития гражданского общества.

Постсоветский период характеризуется ростом концентрации доходов в руках богатых и сверхбогатых. Как свидетельствует российская официальная статистика, доля доходов 20% наиболее богатого населения увеличивается. Если в 1992 г. им принадлежало 38,3% доходов, то в 2022 г. — уже 45,6% всех доходов, т.е. наиболее богатые 20% населения концентрируют почти половину доходов всего населения (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение общего объема денежных доходов
по 20-процентным группам населения**

Показатель	1992 г.	2002 г.	2022 г.
Денежные доходы — всего, процентов	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:			
первая (с наименьшими доходами)	6,0	5,6	5,7
вторая	11,6	10,4	10,5
третья	17,6	15,4	15,4
четвертая	26,5	22,8	22,8
пятая (с наибольшими доходами)	38,3	45,8	45,6

Источники: [11. С. 130; 12. С. 135; 15. С. 97].

В результате Россия является страной, где самыми высокими темпами растет численность долларовых миллиардеров. Исследовательская компания Wealth-X в 2023 г. опубликовала ежегодный доклад, посвященный численности миллиардеров в мире и динамике их совокупного состояния. Согласно этим исследованиям, Россия занимает шестое место по числу долларовых миллиардеров. По подсчетам Wealth-X, их число в России по сравнению с 2022 г. выросло на 4,7%, составив 112 человек. Совокупное состояние российских миллиардеров выросло с 353 до 505 млрд долл. [19].

В современных условиях наблюдается увеличение богатства небольшого числа миллиардеров и обеднения значительного количества людей в стране. Согласно официальной статистике, среднедушевые доходы населения растут. Так, за период 2017–2022 гг. они увеличились примерно на 30% (табл. 2). И это в среднем. Но положительный рост этой средней величины искажает реальную картину бедственного положения большинства людей в стране.

Таблица 2

Динамика доходов населения

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Номинальные денежные доходы населения						
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	31 897	33 361	35 506	36 240	40 304	44 937
в процентах к:						
2017	100	104,6	111,3	113,6	126,4	140,9
2018		100	106,4	108,6	120,8	134,7
2019			100	102,1	113,5	126,6
2020				100	111,2	124,0
2021					100	111,5
Реальные денежные доходы населения						
в процентах к:						
2017	100	101,7	103,6	102,2	106,1	104,5
2018		100	101,9	100,5	104,4	102,8
2019			100	98,6	102,4	100,8
2020				100	103,8	102,2
2021					100	98,5
Реальные располагаемые денежные доходы населения						
в процентах к:						
2017	100	100,7	101,9	99,9	103,2	101,2
2018		100	101,2	99,2	102,5	100,5
2019			100	98,0	101,3	99,3
2020				100	103,3	101,3
2021					100	98,1
Медианное значение среднедушевого денежного дохода населения (в месяц), руб.	23 870	24 795	26 364	27 036	30 083	34 806
Модальное значение среднедушевого денежного дохода населения (в месяц), руб.	13 369	13 774	14 759	15 513	17 012	20 429
Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения; руб. в месяц)	10 088	10 287	10 890	11 312	11 653	13 919

Источники: [13. С. 96; 14. С. 144; 15. С. 74, 107].

Величина среднедушевых доходов рассчитывается как среднее значение между сверхдоходами миллиардеров и нищенскими доходами бедняков. Хотя среднедушевые денежные доходы населения выросли, это доходы не реальные, а номинальные. Как показывают данные табл. 2, большая часть населения имеет доходы (модальное значение) практически вполнину меньше среднедушевых. Резкий разрыв в доходах населения подрывает основы сплоченности общества.

«Капитализм, — пишет известный западный экономист Л. Туроу, — предполагает лишь одну цель — индивидуальный интерес и максимальное личное потребление. Но жадность отдельного человека попросту не является целью, способной удержать общество вместе на сколько-нибудь долгое время» [17. С. 306]. Т.е. «рыночная» демократия, когда рынок отодвигает государство на задворки общества, служит обогащению отдельных лиц и расколу общества, а подлинная демократия посредством государства служит материальному благополучию большинства людей и сплачивает общество. Как верно отмечается в отечественной литературе: «В демократическом государстве гражданское общество сливается с государством. Или, говоря точнее, демократическое государство становится институтом гражданского общества» [4. С. 27].

Можно заключить, что путь к процветанию общества состоит в преодолении чрезмерного экономического неравенства, к осознанию чего должен прежде всего прийти правящий класс данного общества и направить государственную политику на решение социальных проблем общественного развития.

В нашей стране в начале 90-х годов XX в. была разрушена система государственного патернализма, что повело к развертыванию неуправляемых процессов, особенно в социальной сфере. В итоге российское общество раскололось на несколько слоев с различными доходами, интересами и стилем поведения.

Исследуя проблемы социально-экономического неравенства, надо иметь в виду, что существуют объективные основы его существования в современных условиях. Это физические и умственные характеристики конкретного человека, которые определяют производительность его труда и социальное место в обществе. Поэтому абсолютного равенства в настоящее время быть не может.

Тут вполне уместно мнение Р.С. Гринберга, которое вполне справедливо: «Мы сегодня знаем, что социальная справедливость — это не равенство в нищете, а разумная мера дифференциации зажиточности. Да, талантливый менеджер, инженер, ученый должны жить лучше, чем бездельник. Но мы понимаем: люмпенизация миллионов людей, нищенские зарплаты учителей и других представителей “рядовой” интеллигенции при нарастании слоя долларовых миллиардеров — это путь не к стимулированию активного творческого труда, а к экономически неэффективному и социально несправедливому типу общества» [7. С. 8].

При всем этом надо иметь в виду, что социально-экономическое неравенство оказывает заметное влияние на экономические и социальные характеристики общества. Чрезмерное неравенство может тормозить экономический рост и подрывать основы сплоченности современного общества. Чрезмерное неравенство также создает препятствия к формированию эффективной рыночной экономики. Как отмечает американский исследователь Дэнни Дорлинг: «Рынки начинают разваливаться, как только некоторые его участники получают больший

стартовый капитал, чем остальные, или в процессе накапливают больше средств. Чем менее равны условия на рынке, тем менее эффективен он будет» [8. С. 182]. И далее: «Рынки неэффективны там, где некоторые люди богаты, а большинство бедно» [8. С. 183].

В этом отношении можно вспомнить позицию А. Маршалла. С одной стороны, как писал он, «равное распределение национального дохода» приведет лишь к разорению многих предпринимателей. К тому же в этом случае доходы народных масс «близко не поднимутся даже временно к уровню, предсказуемому социалистическими ожиданиями “Золотого века”». Однако с другой стороны, нет никакой необходимости и потому морального оправдания для существования крайней нищеты бок о бок с огромным богатством. Неравномерность богатства... — серьезный дефект в нашем экономическом устройстве. Любое уменьшение его, достигнутое средствами, которые не подрывают мотивов свободной инициативы и силы характера, было бы, по-видимому, явным общественным достижением» [9. С. 132–133].

В мировой экономике накоплен определенный опыт разумной экономической политики, при которой экономическое неравенство является вполне умеренным и дает ощутимый экономический и социальный результат. Речь идет о социальном рыночном хозяйстве, или социальном государстве, опыт которого характерен прежде всего для стран Северной Европы. Эти страны характеризуются сравнительно невысоким экономическим неравенством и устойчивым экономическим ростом.

Демократические страны применяют прогрессивную шкалу налогообложения. Россия же с 2001 г. отказалась от такого подхода и практикует единую ставку подоходного налога (13%), в том числе на минимальную зарплату. Правда, с 2021 г. в России появилась так называемая прогрессивная шкала налогообложения доходов. При доходах более 5 млн руб. в год она составляет 15% с суммы превышения.

В конце февраля Президент России анонсировал переход к «более справедливому» налогообложению, заявив о прогрессивном налоге, параметры которого разрабатывают Госдума и правительство. Пока предполагается, что базовая ставка 13% не будет снижена ни для кого, а категории граждан, для которых она вырастет, пока не определены. Определение сумм и этапов, с которых будут браться повышенные налоги, находится на стадии формирования. Предполагается, что если доход составляет 1 млн руб. в год, тогда налог будет 15%, если 3 млн руб., налог — 17%, от 5 млн руб. — 20%. Но это пока условные цифры, обсуждаемые в законодательных органах.

Применение единого налога, по сути, представляет собой мультипликатор неравенства: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются. Подобной практики в настоящее время придерживаются: Болгария и Румыния (10%), Белоруссия и Молдавия (12%), Саудовская Аравия (20%).

В большинстве стран действуют прогрессивные шкалы налогообложения доходов физических лиц (табл. 3), а в некоторых из них налоги с минимальных доходов не берутся (Швеция, Швейцария). В то же время наиболее состоятельные граждане платят высокие налоги. Например, в Дании ставка налога составляет 0–56%, в Финляндии 0–55%, в Германии 14–45%, в США 10–37%.

Таблица 3

Мировые налоговые ставки 2024 г.

Страна	Индивидуальный подоходный налог (%)
Аргентина	9–35
Австрия	25–55
Белоруссия	12
Бельгия	25–50
Болгария	10
Бразилия	7,5–27,5
Германия	14–45
Дания	0–56
Индия	10–30
Молдавия	12
Россия	13–15
Румыния	10
Саудовская Аравия	20
США	10–37
Финляндия	0–55
Франция	11–45
Швеция	0–25
Швейцария	0–11,5
Эстония	20

Источник: [20].

Реалии постсоветской России полностью опровергают либеральную экономическую концепцию, декларирующую минимизацию участия государства в регулировании экономики. Как показали прошедшие десятилетия, безграничная либерализация не обеспечивает ни модернизации, ни экономического развития. В результате проводимой либеральной государственной политики огромное число населения страны оказалось на грани или даже за чертой бедности и лишь очень незначительная часть населения процветает, имея огромные богатства.

Без активной перераспределительной государственной политики экономический рост не приводит к снижению масштабов неравенства и бедности. Основным инструментом ее реализации является планирование. Однако было бы неверным ориентировать планирование на достижение полного экономического равенства. Следует учесть, что в обществе с неоднородным трудом, с разной производительностью труда и квалификацией занятых будет неправильно стремиться к равенству зарплат и доходов. Только на основе планирования и четких расчетов можно определить оптимальный уровень неравенства, соответствующий степени неоднородности труда, измеряемой его производительностью по различным видам деятельности и квалификациям.

Для решения этой задачи необходимо вспомнить и использовать практику разработки баланса национального дохода, который является основой народнохозяйственного планирования и характеризует процесс образования, распределения и использования доходов общества. Баланс позволит определить и увязать объемы произведенного и использованного национального дохода; доходов государства, юридических и физических лиц; образование общественных фондов потребления; финансовых ресурсов и вторичных (производных) доходов населения; объем и структуру конечного использования национального дохода.

Литература

1. *Абалкин Л.* Взгляд в завтрашний день. М.: ИЭ РАН, 2005. 126 с.
2. *Анисимова Г.* Государственный патернализм: социально-экономическое неравенство и динамика инвестиций // Общество и экономика. 2022. № 11. С. 30–39.
3. *Анисимова Г.В.* Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 1. С. 61–77.
4. *Воейков М.И.* Государство, рыночная экономика и гражданское общество // Общество и экономика. 2022. № 10. С. 17–32.
5. *Воейков М.И., Анисимова Г.В.* Социально-экономическое неравенство: российские тенденции // Россия и современный мир. 2017. № 1 (94). С. 46–61.
6. *Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С.* Экономическая природа государства: новый ракурс: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2018. 54 с.
7. *Гринберг Р.* Слово к читателю // Мир перемен. 2010. № 4. С. 5–10.
8. *Дорлинг Д.* Равенство. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. 224 с.
9. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. III. М.: Прогресс, 1993. 594 с.
10. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=Распределение+общего+объема+денежных+доходов+и+характеристики+дифференциации+денежных+доходов+населения> (дата обращения: 10.04.2024).
11. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2001: Стат. сб. // М.: Росстат. 2001. 463 с.
12. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат. сб. // М.: Госкомстат России. 2003. 463 с.
13. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат. сб. // М.: Росстат. 2019. 352 с.
14. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021: Стат. сб. // М.: Росстат. 2021. 373 с.
15. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023: Стат. сб. // М.: Росстат. 2023. 284 с.
16. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 2015. 512 с.
17. *Туроу Л.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск: Сибирский хронограф. 1999. 432 с.
18. *Хиггс Р.* Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум. 2016. 415 с.
19. Billionaire Census 2023 [Сайт]. URL: <https://altrata.com/reports/billionaire-census-2023> (дата обращения 20.03.2024).
20. Key Data on World Taxes, Income Tax Rates, Tax Rates Comparison Table, Business & Finance Worldwide [Сайт]. URL: <https://www.worldwide-tax.com/> (дата обращения 15.04.2024).

Galina Anisimova (e-mail: anisimovagalina@bk.ru)

Ph.D. in Economic, Associated Professor, Leading Researcher, Institute of Economics (RAS)
(Moscow, Russian Federation)

THE PATERNALISTIC STATE AND CIVIL SOCIETY: THE PROBLEM OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY

The issues of socio-economic inequality and stratification are quite relevant for modern Russia. At the same time, there is no objective justification for the inequality existing within the Russian population today, which undermines the basis for the formation of civil society. In the article the need for an active role of the state in regulating the level of socio-economic inequality is substantiated.

Keywords: paternalistic state, civil society, socio-economic inequality, income level, government regulation.

DOI: 10.31857/S0207367624060018, **EDN:** bxlclu

© 2024

УДК: 330.357.

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики

филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополь

(г. Севастополь, Российская Федерация)

(e-mail: kapkansv@mail.ru)

«ПАРАДОКС БЕРЕЖЛИВОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МЕХАНИЗМ ЕГО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТАМИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье обоснованы суть «парадокса бережливости», причины его проявления в ряде зарубежных стран и современной России; автор подчеркивает избыточную подходящую дифференциацию населения, недостаточность социальных гарантий и стремление финансовых властей наращивать суверенные фонды в условиях неполной занятости. Классическая связь категорий (сбережения — инвестиции — рост ВВП) противопоставляется кейнсианской (потребление — рост ВВП — инвестиции) и доказывается несравненно большая применимость последней в нашей стране в современных условиях. Раскрывается эволюция доли сбережений в российском национальном продукте за последние три десятилетия с указанием факторов, ее детерминирующих. Доказывается необходимость динамической оптимизации соотношения между потреблением и сбережением для ускорения роста российской экономики. При обосновании способов нейтрализации «парадокса бережливости» основной упор делается на повышение результативности государственной социальной политики посредством решительного перехода от категориального принципа ее формирования к принципу адресности.

Ключевые слова: потребление, сбережения, валовое накопление, валовые национальные сбережения, «парадокс бережливости», государственная социальная политика.

DOI: 10.31857/S0207367624060022, **EDN:** bxjjld

Одной из ведущих макродиспропорций в российской экономике, свидетельствующей об ее объективно неравновесном характере, выступает хроническое превышение валовыми национальными сбережениями объема валового накопления, которое закономерно ввергает национальное хозяйство в состояние многолетнего инвестиционного кризиса. Наличие разрыва между этими индикаторами конъюнктуры, доходившего в последние десятилетия порой даже до чудовищной отметки в 8–12% ВВП, означает, что немалая доля создаваемого национального продукта не используется внутри нашей страны ни на потребление, ни на накопление, выступая незадействованным резервом ее экономического роста. Получается, что, располагая немалым потенциалом сбережений, отечественная экономика в течение значительного периода времени наглядно демонстрирует свою неспособность превратить их в результативные капиталовложения. И одной из ведущих причин подобного неравновесия выступает, в нашем понимании, избыточная бережливость экономических субъектов, существенно превышающая стремление компаний инвестировать.

Надо признать, что представители классической школы ничего особо опасного в подобной бережливости не усматривают. Более того, такое поведение

всех хозяйственных субъектов всемерно поощряется, поскольку сбережения однозначно расцениваются в качестве финансовых источников инвестиций. К тому же в экономике закрытого типа совокупные объемы обоих этих индикаторов экономической конъюнктуры неизменно приближаются друг к другу. В случае же временного подрыва равновесия между ними в процесс выравнивания включается быстро меняющаяся процентная ставка, которая оперативно обеспечивает восстановление нарушенного относительного баланса, причем, что крайне важно, без выхода национального хозяйства из состояния полной занятости производственных ресурсов. В данной ситуации всплеск сберегательной активности домохозяйств, корпораций и государства, по сути, гарантирует инвестиционный бум и стремительное наращивание национального продукта. Так, А. Смит в свое время утверждал, что наращивание сбережений создает некий фонд, который поддерживает и расширяет производительные силы страны. Развивая данное классическое положение, нобелевский лауреат Ф. фон Хайек рассматривал сбережения в качестве надежного залога предстоящего хозяйственного прогресса: откладывая сегодня, экономические агенты гарантируют благоприятные для них условия на завтра.

Однако, по мнению кейнсианцев, процентная ставка лишена способности к достижению сбалансированности сбережений и инвестиций. Если ее уровень действительно во многом детерминирует объем инвестиций, то на объем сбережений решающее влияние оказывает вовсе не процент, а располагаемый доход. Воздействие на сбережения и инвестиции различных факторов предопределяет в качестве типичного случая их количественное несоответствие друг другу, неизбежность выхода национальной экономики из состояния полной занятости в ту или иную сторону и, как результат, регулярное обострение в ней проблем безработицы или инфляции. В кейнсианской концепции параллельное наращивание сбережений и инвестиций возможно только при повышательной конъюнктуре, когда значительная бережливость (особенно при приближении к пику цикла) позволяет затормозить инфляционный процесс, что становится немаловажным фактором расширения инвестиционной активности компаний в долгосрочной перспективе.

Известно, что во второй половине XX в. одним из явных мировых лидеров по уровню сберегательной активности выступала Япония, что действительно явилось значимой причиной «экономического чуда» в этой азиатской стране и проявившегося здесь подлинного инвестиционного бума. Однако начиная с 1992 г. в пропорции между потреблением и сбережением обозначился резкий разворот, и сбережения кардинальным образом сократились в связи со стагнацией экономики и, соответственно, замедлением динамики реальных доходов населения (в 1992–2001 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП не превышали здесь 1%), заметным ускорением ценоповышательных процессов, отрицательными реальными процентными ставками по депозитам, улучшением состояния пенсионной системы, заметно ослабившей мотивацию к созданию личных накоплений на «черный день» и главное — кардинальным изменением мировосприятия граждан, которые все более предпочитали жить сегодняшним днем, не заглядывая слишком далеко вперед. И если в 2013 г., например, французские домохозяйства

имели норму сбережений на уровне 9,49%, немецкие — 9,08%, итальянские — 3,76% (а российские и вовсе 14,1%, не говоря уже о китайских, которые в 2012 г. сберегали 40,7% располагаемого денежного дохода), то японские — минус 0,05% [23. С. 151]. Как результат, прежний девиз «сбережения — это благо» ушел в тень, что повлекло за собой существенный спад инвестиционной активности компаний, которые представляют экономику этого «дряхлеющего дракона».

Однако при понижительной конъюнктуре динамика сбережений и инвестиций вполне может оказаться разнонаправленной. На данной стадии цикла в стране может наблюдаться настоящий всплеск бережливости. Так, наемные работники в этот кризисный период могут всерьез опасаться массовых увольнений, а покупатели будут стремиться приобретать товары, например жилье, лишь после их существенного удешевления. В подобной ситуации многие домохозяйства (а также фирмы и государственные структуры) начинают сознательно демонстрировать переход на отчетливо кризисную модель потребления, составными элементами которой выступают всемерное урезание своих текущих расходов, покупка товаров исключительно со скидками во имя максимального наращивания спасительных в столь нестабильной среде сбережений. Избыточная бережливость становится социальным злом, неким «главным злодеем» именно в обстановке рецессии, когда в стране и без того ощущается острый дефицит потребительского и инвестиционного спроса. В условиях кризисной неопределенности чрезмерные сбережения превращаются в дополнительный фактор экономического спада в связи с действием так называемого «парадокса бережливости».

Обоснованный кейнсианской теорией, этот парадокс состоит в том, что попытки общества слишком много сберегать не делают его богаче. Чем больше домохозяйства, фирмы и государство откладывают на «черный день», тем быстрее он настает. Чрезмерно сберегая в настоящее время, страна лишает себя будущих сбережений. Ведь каждый сбереженный рубль — это неизрасходованный рубль, не направленный на приобретение ни потребительских, ни инвестиционных, например жилья, благ. А потому он не превращается в доход какого-то производителя товаров и услуг. Поставленная им на рынок продукция не находит своего покупателя, из-за сокращения потребительского спроса происходит накопление товарных запасов. Общенациональная бережливость и рост совокупных накоплений влекут за собой спад активности покупателей, который рано или поздно побуждает торговые фирмы меньше заказывать продукции у производителей, что оборачивается банкротством множества предприятий, падением их инвестиций, нарастанием безработицы, снижением заработной платы. В ходе сжатия ВВП и, соответственно, располагаемого дохода уменьшается не только потребление домохозяйств, но и в еще большей степени их новые сбережения. Более того, при сокращении текущих доходов люди не только прекращают осуществлять дополнительные накопления, но и вынуждаются к активной трате своих сбережений предшествующего периода. В конце концов завышенная норма личных сбережений приводит к тому, что население в целом становится не богаче, а беднее, обрекая себя на серьезное сокращение активов.

Согласно так называемой «дилемме заключенного», обоснованной в теории игр, каждый игрок всегда стремится максимизировать свой собственный выигрыш,

совершенно не заботясь о выигрыше других. И в результате безусловного доминирования эгоизма над сотрудничеством каждый сберегающий субъект заведомо не станет отказываться от сбережений сегодня во имя не только абстрактных общественных, но даже своих долгосрочных частных интересов. Получается, что сбережения могут выступать одновременно и безусловным благом для отдельного человека, и явным злом для общества в целом — в случае, если они расширяются в кризисный период, когда в стране ощущается острый дефицит совокупных расходов: становясь избыточными, такие сбережения стремительно приближают наступление экономического кризиса. Так что термин «парадокс бережливости» характеризует поистине парадоксальные результаты пагубного стремления экономических субъектов в кризисный период неуклонно наращивать собственные сбережения, что в конце концов влечет за собой неминуемое сокращение последних. На этом основании Дж. Кейнс решительно выступал против того проявления британской морали, которое сформировалось в долгий период правления королевы Виктории (1837—1901). В рамках нее всемерная бережливость расценивалась в качестве не только безусловной добродетели, но и надежного залога дальнейшего процветания нации, что на деле бывает далеко не всегда. Во времена Великой депрессии он неоднократно обращался к лондонским женщинам, посещавшим магазины, с предложением приобрести себе новое платье, для того чтобы их мужья смогли, наконец, найти для себя рабочее место.

«Парадокс бережливости» действует слабее в случае, если чрезмерные сбережения и, напротив, малое потребление уменьшают спрос на приходящие в страну импортные товары (например китайские) и значительно сильнее, если сжатие совокупных расходов негативно сказывается на объеме реализации отечественной продукции. Рассматриваемый парадокс обычно проявляется в развитых странах из-за закономерного наращивания склонности к сбережению по мере увеличения доходов, падения спроса в результате уже достигнутого удовлетворения первоочередных потребностей. К тому же в последние десятилетия сформировалось целое поколение довольно молодых людей, решительно отказывающихся от покупок многих материальных благ в интересах наращивания сбережений. В то время как старшее поколение, сформировавшее свой стиль потребления в обстановке бурного глобального роста, по сей день не выражает желания отказываться от реализации своих многообразных потребностей (и именно на них делают сегодня главную ставку представители рекламного бизнеса), многие представители молодежи, напротив, предпочитают проживать в переполненных общежитиях или съемном жилье, воздерживаться от создания семей и приобретения дорогостоящих автомобилей и при этом наращивать сбережения в банках, питаясь фаст-фудом, даже несмотря на нередко отрицательные реальные процентные ставки по депозитам. Их неуверенность в сколько-нибудь заметном росте своих доходов в обозримой перспективе, в обретении и последующем сохранении рабочих мест, в финансовых возможностях пенсионного обеспечения в будущем закономерно увеличивает их склонность к сбережению. Тем самым увеличивается угроза попадания многих западных стран в дефляционную ловушку, для которой характерна усиливающаяся комбинация откровенно стагнирующей экономики и неуклонного снижения общего уровня цен.

Но можно ли сделать вывод, что «парадоксу бережливости» подвержены только государства «золотого миллиарда»? Думается, что едва ли. Некий «парадокс в квадрате» состоит в чрезмерном сбережении жителей и гораздо менее богатых стран. Известно, что чрезмерная доля частных сбережений в ВВП Китая, помимо сложившегося менталитета, долгие годы объяснялась вполне обоснованным опасением домохозяйств оказаться в состоянии нищеты из-за предусмотренных государством явно недостаточных социальных гарантий — в условиях, когда неуклонно росли цены на жилье, основная часть медицинских и образовательных услуг предоставлялась на платной основе, способность обеспечить безбедную старость оказывалась под большим вопросом. В КНР как стране с бурно растущим населением действие «парадокса бережливости» усиливалось и растущим демографическим дисбалансом. Проводимая здесь с 1980—1990-х годов «политика одного ребенка» привела к резкому нарушению соотношения полов, когда на 100 девочек приходилось 120—125 мальчиков, что побуждало многие семьи чуть ли не с самого момента рождения сына копить средства для успешного заключения брака. Поведение российских домохозяйств в последние годы тоже никак не вписывается в закономерности кейнсианской функции сбережения. В периоды роста национальной экономики они склонны наращивать свои потребительские расходы, причем зачастую темпами, даже опережающими прирост доходов (за счет стремительного расширения банковских кредитов и накопления задолженности). Так, явно завышенная потребительская активность была характерна для россиян накануне кризисов 2008 и 2014 г., когда опасения скачка цен и, соответственно, обесценения сбережений толкали их поспешное приобретение как нужных, так и ненужных товаров.

Некоторый рост продаж потребительских товаров наблюдается и в 2023—2024 гг. в результате роста номинальных (и отчасти реальных) доходов граждан под воздействием всплеска государственных расходов на реализацию гособоронзаказа, повышение зарплаток работников оборонных и связанных с ними предприятий, выплату денежного довольствия военнослужащим, занятым в Специальной военной операции, возведение фортификационных сооружений компаниями строительного сектора и др. Эти бюджетные средства повышают совокупный спрос, в том числе через инструменты ипотечного и потребительского кредитования.

При углублении кризисных явлений (как это случилось в 2009 и 2015 г.) наши сограждане из предосторожности резко переходили к тактике накопления наличных денег и расширения банковских депозитов, хотя именно в такие периоды подобная бережливость наиболее пагубно влияла на макроэкономическую ситуацию и препятствовала преодолению очередной рецессии. Как отмечают И.С. Букина и В.Е. Маневич, «в 2015 г. снижение доходов побудило домохозяйства меньше потреблять и больше сберегать» [4. С. 6]. Ситуация, обозначаемая понятием «парадокс бережливости», особо усложнилась в постсанкционной России, чьи граждане в значительной мере выступают сознательными приверженцами именно сберегательной модели своего поведения в обстановке стремительно нарастающей в мире геополитической напряженности. Конечно, сбережения свойственны сегодня далеко не всем, а лишь примерно 42% россиян. Как отмечают Е.М. Аврамова и В.Н. Титов, «более благоприятные условия в этом плане у супружеских пар без детей, а также многопоколенных домохозяйств с полной

семьей среднего поколения. Наименьшие шансы обладать таким «запасом прочности» у неполных семей» [1. С. 79]. Тем не менее продление на 2024 г. обозначившегося ныне восстановительного роста отечественной экономики немыслимо без перехода от сберегательной концепции к потребительской, гарантирующей неуклонное нарастание агрегированного спроса и улучшение на этой основе инвестиционного климата в стране. В подобной ситуации нобелевский лауреат П. Кругман настойчиво отстаивает кейнсианский тезис «Экономить следует во время бума, а не спада» [14. С. 86]. И если это правило нарушается, то во избежание крупного сжатия совокупных расходов бюджетно-налоговая экспансия властей должна (даже ценой нарастания циклического бюджетного дефицита) перекрыть «парадокс бережливости», проявляющийся в излишне экономном поведении российских домохозяйств в условиях высокой степени неопределенности будущего и многолетней стагнации благосостояния у значительной их части (в результате чего реальные доходы россиян в 2022 г., по разным оценкам, оказались на 6,5–8% ниже, чем в 2013 г.).

Важнейшими причинами действия «парадокса бережливости» в России, на наш взгляд, являются:

1) невысокий, по меркам развитых стран, уровень социальных гарантий населения. Большинство россиян вовсе не убеждены в том, что в случае тяжелого заболевания они смогут оплатить свое лечение; при необходимости получить профессиональное образование — добиться его бюджетного финансирования; после вступления своих детей в брак — оформить ипотечный кредит и обеспечивать всей семьей его своевременное погашение, а при наступлении пенсионного возраста — безбедно проживать на правительственные трансферты. Нарастающая скорость технологических перемен, связанная прежде всего с развитием цифровой экономики и развертыванием искусственного интеллекта, усиливает неопределенность даже ближайшего будущего граждан, в котором многие из них вполне могут утратить рабочее место. Немало пессимизма в социально-экономических прогнозах добавляет осознаваемый гражданами России факт сохраняющейся опоры отечественной экономики на сырьевую модель, которая, как известно, развивается чрезмерно циклично и к тому же является недостаточно трудоемкой, заведомо не порождающей высокий спрос на труд. Неслучайно С.А. Власов и Е.Б. Дерюгина связывают высокую сберегательную активность россиян с их недоверием к государству, что объясняется «дефолтом 1998 г. и высокой зависимостью экономики от состояния сырьевых рынков и экономик стран торговых партнеров». В условиях откровенно невысокой социальной защищенности даже далеко не самые обеспеченные социальные слои начинают активно изыскивать способы сбережения хотя бы небольшой части своего текущего дохода на «черный день» [5. С. 107]. Ведь известно, что, в соответствии с концепцией «перманентного дохода» нобелевского лауреата М. Фридмана, текущий уровень потребления домохозяйств зависит не только от их нынешних доходов, но и от ожидаемых доходов в будущем. Поэтому, помимо вынужденной экономии, связанной с неуклонным падением реальных доходов, существует еще и некая «предупредительная» экономия, обусловленная опасением развертывания общеэкономической ситуации в стране в неблагоприятном направлении. Для значительной части жителей прежних и новых российских

регионов уровень неуверенности в будущем резко возрос после событий февраля 2022 г., связанных с началом СВО на Украине. Все эти обстоятельства побуждают домохозяйства к ослаблению текущей потребительской активности, что неотвратимо ухудшает инвестиционный климат из-за закономерного сокращения ожидаемой инвесторами прибыли вследствие массового отказа населения от покупок. Именно в такой социальной среде отчетливо проявляется их тяга к накоплению защитных активов. «Повышенная склонность сберегать, то есть откладывать все большую часть располагаемого дохода, связана, — отмечает Гж. Колодко, — с неопределенными перспективами на будущее, старением населения и изменениями в структуре потребления» [13. С. 7];

2) ярко выраженная избыточная подоходная и поимущественная дифференциация населения, усиление которой сопровождается перераспределением доходов от домохозяйств с низким и средним доходом, для которых характерна невысокая предельная склонность к сбережению, в пользу домохозяйств с высоким уровнем дохода, а также крупным корпорациям, чья склонность к сбережениям оказывается существенно выше [26. С. 137]. В то время как многие бедные оказываются чрезмерно закредитованными и начисто лишены возможностей крупных накоплений (которые отсутствуют сегодня у 47% жителей страны), богатые россияне, не пользуясь кредитами на регулярной основе, отчетливо демонстрируют обладание крупными депозитами: в настоящее время насчитывается около 86 тыс. банковских счетов объемом свыше 20 млн руб. Получая в результате этого солидные дополнительные доходы в виде процента, они фактически кредитуют своих менее обеспеченных сограждан через посредничество банков, что еще более укрепляет и без того действующий в стране механизм чрезмерного подоходного расслоения. Как результат, с одной стороны, часть представителей наиболее социально уязвимой части российского общества вынуждена любой ценой накапливать сбережения из-за стремления погасить свою задолженность перед кредитными учреждениями и создать хотя бы минимальный финансовый резерв на «черный день», а значит, затягивать пояса, формированием денежного запаса всемерно ограничивая собственное потребление, вплоть до элементарных физиологических потребностей. И через сжатие потребительского спроса это воздействует на отечественную экономику не менее негативно, чем траты состоятельных людей в зарубежных путешествиях или при покупке дорогостоящих импортных товаров. С другой стороны, и у богатых россиян тоже появляются чрезмерные (и нередко «вынужденные») сбережения, во многом связанные с ограниченностью суток 24 часами, за которые не так-то просто потратить многомиллионные доходы. Так что сберегательный мотив поведения богачей имеет существенные качественные отличия от мотивов бедняков. «Вследствие нарастания неравномерности распределения дохода среди разных групп населения, — считал В.Т. Рязанов, — появляются избыточные сбережения у небольшой, самой состоятельной группы населения (“золотого процента”), которая не склонна тратить значительные средства на потребительские товары» [22. С. 14]. Ссылаясь на позицию нобелевского лауреата Дж. Стиглица, утверждающего, что несправедливость в распределении способствует повышению сберегательной активности, В. Клинов отмечает: «Российский опыт неравномерного

распределения доходов также сопровождается высокой нормой сбережений, но при неблагоприятном инвестиционном климате наблюдается масштабный отток капитала» [12. С. 140]. При этом низкий уровень внутрироссийских инвестиций как раз и связан с «передозировкой» сбережений и, напротив, острым дефицитом потребления. «Бедные получают слишком мало, чтобы быть активными потребителями, — пишет Б.Г. Ивановский, — а богатые, наоборот, получают слишком много, чтобы приблизиться к среднему уровню потребления» [18. С. 69]. В результате этого сокращается столь нужный инвесторам потребительский спрос, который в значительной степени переводится за пределы нашей страны. «Богатые люди, — резонно замечает В.П. Горегляд, — редко пользуются продуктами отечественного производства, и не случайно достаточно большая утечка капитала связана с тем, что свои нужды они удовлетворяют, в основном, за рубежом» [6. С. 12]. При этом наиболее состоятельные слои российского общества склонны не только приобретать преимущественно импортные товары, но и проводить свой отпуск (с характерными для этого периода масштабными тратами) за рубежом — если, конечно, они не проживают там на постоянной основе. В условиях высокого неравенства, как отмечает П. Капелюшников, богатые сберегают слишком много, и «из-за избытка сбережений у высокодоходных групп совокупный спрос оказывается недостаточным; вследствие этого долговременный рост затухает, и экономика скатывается в “вековую стагнацию”» [9. С. 135];

3) реализуемая фискальными властями неоклассическая концепция бюджетной политики, состоящая в бездумном накоплении финансовых резервов в обстановке неполной занятости ресурсов. Подобные действия правительства выражаются в бюджетном профиците, искусственно создаваемом либерально настроенными финансовыми властями за счет хронического недофинансирования социально-культурной сферы [10. С. 132—139] и раздувании за счет него Фонда национального благосостояния. Как результат, в структуре валовых национальных сбережений увеличивается доля сбережений государства, а сберегательная квота оказывается из-за этого неоправданно высокой для страны со средним уровнем благосостояния населения. Конечно, имеется целый ряд стран с высокими темпами экономического роста или чрезвычайным богатством недр, в которых норма валовых сбережений намного выше российской. Так, в 2023 г. ее наивысший уровень был отмечен в Ирландии (61,2%), Катаре (57,0%), Сингапуре (54,6%), ОАЭ (47,8%), Китае (44,0%). Но и Россия по норме валовых национальных сбережений в 29,8% заметно превосходила уровень таких гораздо более богатых стран, как Норвегия (29,7%), Дания (29,7%), Германия (26,2%), Австрия (26,1%), Япония (24,7%), Франция (21,8%), Италия (21,2%), США (18,2%), Великобритания (16,4%), что указывает на факт наличия в нашей стране значительного макроэкономического перекоса в соотношении сбережений и потребления, препятствующего ее хозяйственному развитию. Многолетняя тяга российского Минфина к накоплению суверенных фондов может служить примером поведения для всех частных субъектов экономической системы, тоже побуждая их к неоправданной экономии, и тем самым обрекает национальную экономику на откровенно вялые среднегодовые темпы роста.

Помимо этих фундаментальных причин, имеется немало менее значительных, которые тем не менее заметно интенсифицируют проявления «парадокса

бережливости». Так, излишние сбережения россиян иногда становятся попросту вынужденными, например в обстановке эпидемии коронавируса и связанных с ней серьезных карантинных ограничений на физическое перемещение людей. Действительно, для пандемийного 2020 г. в России, как и в большинстве других стран, была довольно характерной комбинация сократившихся доходов населения и возросшей нормы личных сбережений. Сегодня же, в условиях интенсификации украинского конфликта, кризисная ситуация в сфере авиационных пассажирских перевозок не может не сказываться негативно на внутреннем туризме, функционировании индустрии отдыха и целом ряде других сфер, предполагающих мобильность населения. Кроме того, если в Западной Европе рабочий день обычно заканчивается в 16 часов, после чего многие люди разбредаются по кафе и магазинам (не говоря уже о странах Южной Европы, Азии, Латинской Америки с сиестой, то есть длительным послеобеденным отдыхом с 13–14 часов), то вхождение России в пятерку самых работающих стран мира в немалой степени препятствует потребительской активности экономически активного населения: свободного времени для покупок зачастую у него уже не остается. Оно, безусловно, имеется у пенсионеров, однако факты старения российского населения и некоторого увеличения ожидаемой продолжительности жизни в до- и постпандемийный периоды сами по себе являются мощными ограничителями потребительского спроса и факторами реализации накопительной стратегии многих российских пожилых семей, в большинстве своем стремящихся оставить наследство своим детям и внукам.

Действие «парадокса бережливости» наглядно проявляется в неуклонном увеличении общего объема вкладов в банковскую систему России до 37,8 трлн руб. в декабре 2022 г. параллельно с повышением среднего размера депозита с 183 тыс. руб. в 2020 г. до 275 тыс. руб. (а в Москве и до 1,04 млн руб.). Спустя всего полгода, в начале июля 2023 г., россияне хранили в коммерческих банках уже 39,3 трлн руб., и это без учета немалых средств на эскроу-счетах, применяемых в интересах безопасности сделок на рынке строящейся недвижимости, а также крупных депозитов в зарубежных банках в размере 73 млрд долл. (6,36 трлн руб.). А поскольку российские банки, в свою очередь, предоставили им примерно 30 трлн руб. кредитных ресурсов, постольку можно смело утверждать, что население нашей страны выступает в роли «чистого кредитора» банковской системы. В этих условиях трудно сегодня согласиться с мнением И. Погосова, утверждавшего в публикации 2011 г., когда отечественная экономика уже начинала буксовать, о необходимости изменения «пропорций между сбережением и конечным потреблением (повышение нормы сбережения) за счет понижения темпов роста конечного потребления» [19. С. 15]. Думается, что вряд ли сокращение оборота розничной торговли в рамках сберегательной модели поведения благоприятствовало тогда (и тем более способствует сегодня) достижению естественного объема ВВП. Однако, ссылаясь на опыт США, где уже в течение длительного периода наблюдается фактическое замораживание реальной заработной платы в интересах жесткой экономии на издержках производства и повышения конкурентоспособности американской экономики, отечественные неолибералы в рамках органично присущей им концепции «экономики предложения» настойчиво предлагают столь же жестко

противодействовать тенденции к росту доходов (и, соответственно, потребления) россиян параллельно со всемерным поощрением их к сбережениям на «черный день». Так, под лозунгом «накопления основного капитала за счет внутренних сбережений», А. Кудрин и О. Сергиенко считали чрезвычайно актуальной задачу восстановления нормы сбережений в России на уровне не ниже 30% ВВП [16. С. 7]. Между тем в условиях сохраняющейся и поныне неполной занятости производственных ресурсов акцент в экономической политике на неуклонном наращивании валовых национальных сбережений принципиально не способен вывести отечественную экономику на траекторию устойчивого экономического роста, безальтернативно связанного с инвестиционным подъемом. И уверенный выход из санкционного кризиса 2022 г. тоже предполагает акцент вовсе не на сбережения, а именно на стимулирование потребления.

Наращивание склонности к сбережению оправдано только в случае, если уровень сбережений в стране явно недостаточен для удовлетворения инвестиционного спроса. Но если валовые национальные сбережения оказываются больше инвестиций, а именно такая макроэкономическая диспропорция сохраняется в России уже много лет подряд, то увеличение склонности к потреблению оказывается куда более значимым фактором подъема ВВП. В. Маневич резонно утверждал, что «рост сбережений не должен опережать рост инвестиций. Если это макроэкономическое условие не выполняется, то снижение доли расходов на потребление и увеличение доли сбережения приведут скорее к торможению, чем к ускорению роста» [17. С. 41]. Поэтому преодоление сохраняющегося и поныне инвестиционного кризиса в нашей стране невозможно без разработки и реализации государственной программы дестимулирования сбережений. Всемерно поощрять необходимо именно потребление россиян, но только не расточительное и не демонстративное потребление российской элиты, которое к тому же сопровождается покупкой дорогостоящих зарубежных товаров и услуг. При этом для повышения доли потребления и соответствующего сокращения доли сбережений в доходе домохозяйств требуется вовсе не сокращение налогов, а, напротив, их увеличение, если речь идет о налогообложении сверхдоходов и дорогостоящего имущества, повышении акцизов на предметы роскоши.

Не секрет, что бурное развитие новых индустриальных стран в свое время лишь на 1/6 было обусловлено наращиванием инвестиционной активности их экономических субъектов, в то время как ведущим компонентом столь впечатляющего хозяйственного прогресса оказался всплеск их потребительского спроса. Тот факт, что в 2000–2012 гг. среднегодовое повышение заработной платы в городах Китая превысило 13%, свидетельствует о стремлении властей этой бурно продвигающейся к глобальному доминированию страны искать главные источники дальнейшего роста ВВП на внутреннем рынке. Конечно, нельзя не согласиться с мнением В. Рязанова, что в перспективе это приведет к снижению нормы инвестиций в ВВП, замедлению экономического роста и экспортной динамики [21. С. 16], во многом за счет повышения затрат на оплату труда в структуре издержек производства. Однако в краткосрочном периоде страны с догоняющим типом развития получают от подобного стимулирования потребительского спроса ощутимую хозяйственную выгоду.

Нежелание и неготовность многих россиян активно расходовать свои текущие доходы на удовлетворение своих материальных и духовных потребностей побуждают фискальные и монетарные власти к выработке мер по нейтрализации угроз, связанных с действием «парадокса бережливости». Если не принимать во внимание их серьезность и не предпринимать активных контрдействий, то регулярного наступления кризисов перепроизводства и всех связанных с ними негативных социально-экономических последствий избежать не удастся. Одним из центральных звеньев формирующегося сегодня механизма дестимулирования сберегательной активности граждан нашей страны выступает торможение роста их реальных доходов, которое закономерно ограничивает норму сбережения, причем в комбинации с хроническим воспроизводством ценоповышательных процессов, вновь и вновь формирующим инфляционные ожидания и поощряющим потребление. В качестве другого звена выступает последовательное давление Банка России и крупнейших коммерческих банков на процентные ставки по депозитам физических лиц, которые регулярно (хотя и не в настоящее время, когда ключевая ставка Банка России поднялась до 18%) оказываются не выше темпов протекающей в стране инфляции. Надо признать, что подобные способы поощрения потребительской активности широко используются и за рубежом. Так, швейцарский банк ABS в 2016 г. ввел некую плату за хранение вкладов — минус 0,125% годовых. Тем самым фактически признается, что для увеличения тяги к потребительским тратам нужно формировать ситуацию, когда получать кредитные ресурсы в банковской системе и немедленно расходовать их на приобретение отечественных товаров и услуг оказывается предпочтительнее наращивания сбережений. Однако результативность подобных действий денежных властей вызывает серьезные сомнения. Кейнсианская теория не устает доказывать, что, чем ниже становится ставка процента по вкладам в условиях невысокой конъюнктуры, тем больше появляется у небогатого населения стимулов решительно отказывать себе в покупках и, соответственно, наращивать свои сбережения для формирования требуемой, например для безбедной старости, суммы для компенсации упущенной выгоды. И действительно, резкое сокращение доходности депозитов в коммерческих банках в 2020 г. вовсе не остановило дальнейшего нарастания вкладов.

Куда более результативным инструментом поощрения покупательской активности является, на наш взгляд, разумно построенная социальная политика государства, которая, в случае формирования ее адекватной российской разновидности, в состоянии успешно противодействовать всем трем указанным выше причинам чрезмерной бережливости. Во-первых, она способна стать центральным звеном механизма укрепления уверенности населения нашей страны в том, что заявленные властями гарантии их социальной защищенности будут неукоснительно обеспечены. Во-вторых, задействие ее многочисленных апробированных мировым опытом инструментов (особенно высокопрогрессивной шкалы личного подоходного налога) в состоянии гарантировать переход от избыточного подоходного расслоения россиян, которое через целый ряд экономических и социально-экономических механизмов серьезно тормозит экономический рост, к расслоению нормальному, этот рост стремительно ускоряющему [11. С. 52–53].

В-третьих, остро необходимое в современной России расширение финансовых основ ее реализации может стать мощным противовесом к дальнейшему накоплению государственных фондов финансовых ресурсов и нейтрализации тем самым вклада Минфина в усиление «парадокса бережливости».

Важнейшим звеном правительственного курса на нейтрализацию «парадокса бережливости» мы признаем соответствующие заявления тех первых лиц страны, которые пользуются доверием у населения (например, о предстоящем наращивании объема финансирования социально-культурной сферы), которые способны укрепить уверенность граждан в завтрашнем дне. Правда, еще в 1970-е годы Р. Барро, опираясь на представления Д. Рикардо, пытался опровергнуть тезис Дж. Кейнса о целесообразности расширения государственных (включая социальные) расходов в обстановке кризиса. Он аргументировал это осознанием экономическими агентами (поскольку в экономике, якобы, «не бывает бесплатных обедов») неотвратимости расплаты в будущем за бюджетные расходы через бюджетный дефицит и, соответственно, повышение налоговой и (или) долговой нагрузки, что побудит их уже сегодня накапливать сбережения для выплат своих предстоящих налогов или правительственных долгов. Однако не секрет, что в условиях неполной занятости производственных ресурсов разумно потраченные дополнительные бюджетные средства за счет быстрого восстановительного роста ВВП и расширения налогооблагаемой базы вполне могут не сопровождаться сколько-нибудь заметным усилением бюджетного неравновесия, которое потребовало бы подобного увеличения сберегательной активности населения.

Судя по структуре расходов казны, российское государство долгие годы находилось довольно далеко от критериев социального, несмотря на декларативные утверждения финансовых властей о безоговорочном выполнении всех взятых ими на себя обязательств (назвать которые завышенными было довольно сложно). Так, если на образование в странах ОЭСР расходовалось в 2015 г. в среднем 12,6%, а на здравоохранение и спорт — 18,7% бюджетных средств, то в России — всего 9,9 и 10,8% соответственно. Гораздо более значимыми для правительства становились расходы на национальную оборону (12,1%), а также на национальную безопасность и правоохранительную деятельность (7,0% бюджетных расходов). Для сравнения: в странах ОЭСР на эти цели тратится 5,1 и 4,3% соответственно [2. С. 9]. Единственная статья федерального бюджета, по которой в 2017 г. зафиксировано перефинансирование расходов, — на содержание службы исполнения наказаний. Поэтому не поспоришь с М.Г. Делягиным, который заявил о необходимости разделять в те недавние времена реальные и провозглашаемые приоритеты правительства [7. С. 8]. Если первые реализовывались безоговорочно, то вторые зачастую лишь по «остаточному принципу», причем нередко лишь в конце года. Понятно, что в условиях СВО трудно всерьез рассчитывать на сколько-нибудь серьезный прогресс в финансировании социальной политики. И действительно, если доля госрасходов на оборону в федеральном бюджете 2024 г. составит 29,3%, то на социальные нужды будет выделено всего 21,1%, что является минимумом с 2011 г.

Между тем кардинальный выход из ловушки избыточных сбережений и во многом обусловленной ими хронической бедности — укрепление социальных гарантий населению через обеспечение более равномерного доступа всех групп

населения к рентным доходам государственного бюджета от использования огромного ресурсного богатства России. Решение этой ключевой задачи в принципе не может быть достигнуто без решительного отказа (хотя бы после достижения ключевых целей СВО) от дальнейшего расширения Фонда национального благосостояния вплоть до момента достижения отечественной экономикой фазы подъема — при безусловной трате всех поступающих в ближайшее время в бюджетную систему налоговых и неналоговых доходов на реализацию социальных (конечно, в оптимальной пропорции с инвестиционными) целей. Только в случае искоренения курса на приоритетное сбережение значительной части рентных доходов российских сырьевых экспортеров финансовые власти могут всерьез рассчитывать на то, что и другие экономические субъекты тоже последуют их потребительскому, а не накопительному примеру. Так, направление существенно большей доли средств федеральной казны на решительную декоммерциализацию сфер образования, здравоохранения, культуры и спорта позволило бы россиянам гораздо свободнее тратить свои текущие доходы на приобретение одежды, обуви, качественных продуктов питания, жилья. Неслучайно нобелевский лауреат П. Кругман использует «парадокс бережливости» в качестве весомого аргумента в пользу необходимости наращивания государственных расходов в условиях кризиса на социальные цели. Известно, что завершенная в 2020 г. в КНР социальная реформа, сопровождавшаяся формированием системы социального страхования (которая охватывает 1,36 млрд человек) и пенсионной системы (в которую теперь входит 1 млрд человек), через укрепление уверенности в завтрашнем дне расценивается в качестве решающего способа переориентации населения этой крупнейшей страны со сберегательной на потребительскую активность.

Повышение результативности участия социальной политики в деле устранения «парадокса бережливости» достигается через решительную нейтрализацию российскими властями следующих угроз социальной безопасности. Во-первых, крайней несправедливости всей системы подоходного и поимущественного налогообложения физических лиц, в рамках которой основная налоговая нагрузка (как соотношение налоговых отчислений к семейным бюджетам) накладывается на менее состоятельных россиян, выводя по многим направлениям их гораздо более обеспеченных сограждан из-под принятого в мире жесткого фискального пресса. Исходя из этого, решающей предпосылкой устранения избыточной бережливости является заметное сближение доходов наиболее и наименее состоятельных граждан посредством налогов с упором на личный подоходный налог, взимаемый по прогрессивной шкале. В этой связи нельзя не приветствовать решения российских финансовых властей повысить, хотя и сдержанно, максимальную ставку НДФЛ с 15 до 22%. Во-вторых, излишне высокого удельного веса теневого сегмента ВВП, что крайне усложняет достоверное определение размера фактического дохода отечественных домохозяйств с последующим вычленением среди них семей, в наибольшей степени испытывающих потребность в социальной поддержке. В результате этого получателями социальных пособий зачастую становятся вполне финансово благополучные люди, получающие главный свой доход в нелегальном секторе отечественной экономики.

В последние 15 лет, несмотря в том числе на масштабное финансирование оборонных расходов и СВО, российское государство внедряет все новые программы поддержки россиян, многие из которых обретают статус национальных проектов. Как результат, социальные расходы расширенного правительства стабильно росли, и в 2019 г. они составили 18,8% ВВП, достигнув уровня большей части стран Восточной Европы (за исключением Польши) [25. С. 33]. Однако до сих пор в его унаследованной от СССР патерналистской социальной политике причудливым образом сочетаются:

1) запределный размер разнородных социальных обязательств властей, популистски принятых ими на себя, несмотря на случившуюся кардинальную смену планово-регулируемой модели экономической системы, в которой избыточное огосударствление экономики открывало реальную возможность предоставления широкомасштабных социальных гарантий населению, на регулируемую рыночную модель, где доминирование частной собственности объективно исключает подобное. К тому же многолетнее падение реальных доходов (с небольшими перерывами) в период 2014—2022 гг. серьезно повысило потребность в социальной защите далеко не только безработных, детей, пенсионеров, ветеранов войн, но и немалой части работоспособного населения страны. В этих условиях финансовые возможности правительственных структур уже не позволяют предоставлять гражданам социальные блага вне жесткой зависимости от степени их нуждаемости. Пенсионное обеспечение, социальное обслуживание, услуги образования и здравоохранения поныне заявлены как оказываемые всем гражданам вне зависимости от уровня их дохода в качестве бесплатных социальных благ, хотя до 40% россиян способны активно участвовать в софинансировании их производства;

2) слишком малый объем целевой социальной поддержки, достигающей действительно уязвимым категориям населения (одиноким неработающим пенсионерам, студентам из необеспеченных семей, не располагающим значительными активами инвалидам, многодетным семьям, жителям депрессивных территорий), который резко ограничивает их покупательную способность и усиливает действие «парадокса бережливости». Как отмечают Э.А. Попова и Ю.С. Сизова, «социальная поддержка чаще всего оказывается не нуждающимся людям, а тем, кто имеет заслуги перед государством», в основном в виде социальных пакетов государственным служащим и военным [20. С. 67]. В результате, 20%-ной беднейшей части населения достается явно недостаточная часть «социального пирога», в то время как в мировой практике реализации перераспределительной политики принято отдавать четкий приоритет поддержке именно первого, наименее обеспеченного (и лишь в некоторой степени второго) квинтиля распределения доходов. В связи с этим А.Е. Городецкий констатирует постоянное углубление в нашей стране конфликта между конституционным определением государства как социального и проведением в течение 25—30 лет курса реформ, который подрывает положение госсектора, малого и среднего бизнеса, социальные права граждан [8. С. 111—112]. Между тем в обстановке недостаточного по критериям социальной безопасности бюджетного финансирования социальной инфраструктуры, все большего превращения качественного здравоохранения и образования в кастовые сферы, возможности многих россиян в плане формирования своего

человеческого капитала неуклонно снижаются. Российские финансовые власти настойчиво поддерживают иллюзию, что именно бюджетные доходы от экспорта нефти и газа, другого минерального сырья финансово подкрепляют сегодня социальную политику. Между тем, по оценке Н. Акиндиновой, Я. Кузьмина и Е. Ясина, «нефтегазовые поступления примерно на 50% обеспечивают финансирование расходов на силовые структуры, в то время как почти 90% расходов на образование и здравоохранение финансируется за счет налогов, уплачиваемых гражданами и предприятиями в региональные бюджеты и внебюджетные фонды» [3. С. 13].

Как известно, оценка эффективности социальной защиты населения в современном мире проводится путем сравнения степени его подоходного расслоения до и после реализации комплекса государственных мер по трансфертной поддержке наименее обеспеченных граждан в комбинации с налоговыми преобразованиями по четким социальным критериям. И если после принятия соответствующих перераспределительных мер кривая Лоренца в той или иной стране становится заметно менее выпуклой, а коэффициент Джини серьезно снижается, то можно говорить о результативности социальной политики ее правительства. И наоборот, в случае сохранения избыточного расслоения граждан даже после реализации спектра трансфертных программ и налоговых реформаций (и тем более его нарастания) резонно утверждать, что подсистема социальной помощи населению функционирует неэффективно. С этих позиций несложно заметить, что реализуемая и в современной России модель государственной социальной политики явно не блещет эффективностью, провоцируя неуклонное воспроизводство «парадокса бережливости». Действительно, крайне сложно назвать социально ориентированной отечественную разновидность налоговой политики в условиях, когда и бедняки, и олигархи выплачивают подоходный налог по сходной ставке (13 и 15% — крайне небольшая разница), когда основное бремя косвенного налога на добавленную стоимость несут низкодходные категории россиян, вынужденные отдавать государству за свои покупки несравненно большую долю семейного дохода.

И все же главной причиной столь очевидного несовершенства социального регулирования, «слепого перераспределения» доходов выступает преобладание в нем опять-таки не адресного подхода, ориентирующего направление ограниченных ресурсов социальной поддержки людям, оказавшимся за чертой бедности, несколько сократившаяся численность которых в третьем квартале 2023 г. все равно достигает 14,8 млн человек, а подхода категориального, направленного на оказание помощи целым категориям граждан — одиноким матерям, инвалидам, одиноко проживающим пенсионерам, ветеранам и т.п., многие из которых по ряду причин (накопленное имущество, семейное положение, наличие доплат за правительственные награды и др.) по определению не могут быть причислены к малообеспеченным. Много шума в свое время наделало в Великобритании требование «железной леди» М. Тэтчер (негативно отразившееся, в конце концов, на ее электоральных шансах) отменить выдачу бесплатного стакана молока школьникам из состоятельных семей. Между тем это предложение следует признать вполне вписывающимся в принципы реализации социальной политики, нацеленной

на противодействие «парадоксу бережливости» — в отличие от нынешнего решения российских властей бесплатно кормить всех обучающихся в начальной школе, независимо от материального благосостояния их родителей. Введение материнского капитала уже на первого ребенка для всех, даже наиболее обеспеченных семей означает с экономической точки зрения бездумное разбазаривание всегда ограниченных ресурсов социального развития, поскольку в подавляющем большинстве случаев он родился бы и без задействования всяких материальных стимулов. «Создается впечатление, — отмечает Э.Н. Соболев, — что государство распределяет аккумулированные им средства регрессивным образом, т.е. большая часть достается не самым бедным, а состоятельным и средним слоям» [24. С. 23]. И это несмотря на принятие Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации», одним из компонентов которого было требование перехода к адресной модели социальной политики, предполагающей дифференциацию выполнения государством своих социальных функций в отношении различных слоев населения; на требование Президента РФ В.В. Путина, который в своем послании Федеральному собранию 15 января 2020 г. указывал на необходимость перестройки отечественной системы социальной помощи на принципах справедливости и адресности.

Конечно, оптимизация соотношения между категориальной и адресной системами социальной поддержки россиян — довольно дорогостоящая административная процедура, затраты на проведение которой связаны с немалыми трудностями контроля нуждаемости. Во многом именно с этим мы склонны связывать тот факт, что в течение целого десятилетия результативность системы социальной защиты в России сохранялась на стабильно невысоком уровне. Одним из наиболее значимых проявлений низкой эффективности российской социальной политики выступает превышение показателем бедности детей до 16 лет среднего уровня бедности по стране. Дети моложе 16 лет составляют сегодня 40% малоимущих россиян, в то время как лишь 6,5% российских бедняков составляют люди в возрасте старше трудоспособного [15. С. 60]. Такой структурный перекос свидетельствует об отсутствии у нас сколько-нибудь зрелых бюджетных механизмов перераспределения доходов от старшего и среднего поколений в сторону поколения младшего, что препятствует усвоению последним материальных и духовных ценностей цивилизации, а потому лишает Россию в долгосрочной перспективе видимых перспектив сохранения в когорте государств с достаточно развитым человеческим потенциалом и, соответственно, высокими темпами экономического роста. Сколько же нужно не блещущей благосостоянием семье, имеющей 2–3 детей, выкраивать из располагаемого ею дохода на вынужденные сбережения, чтобы, поневоле отрывая средства от покупки продовольствия, скопить минимально необходимые средства на приобретение всем им одежды, обуви, школьных принадлежностей, посещение врачей, приобретение лекарств, особенно при одновременной выплате ипотечного кредита и отсутствии масштабной материальной поддержки со стороны одного-двух старших поколений? Думается, что при подобном подходе государства к социальной защите подрастающего поколения «парадокс бережливости» неизбежно интенсифицируется, поскольку ему просто не будет реальной альтернативы. Столь же

малой является помощь малоимущему населению, проживающему в поселениях с численностью от 200 до 5000 человек, а это сегодня 51,4% бедных россиян [15. С. 60]. Между тем трудно ожидать взрывного роста покупательной способности даже от равномерной раздачи трансфертов всем россиянам, независимо от доходов, возраста, пола, региона их проживания, не говоря уже о дискриминации наиболее социально уязвимых среди них. Государственная поддержка должна быть заведомо селективной, избирательной, с учетом известных алгоритмов запуска мультипликативного эффекта. Вместо равномерных выплат на всех детей следовало бы расширить социальную помощь тем из них, кто близок к официально установленной черте бедности (или уже находится за ней), особенно детям из неполных семей, инвалидам детства, сиротам. Взамен льготной, взвинчивающей цены на жилье ипотеки для всех желающих целесообразно дешево предоставлять ее исключительно тем домохозяйствам, которые еще не обзавелись ни одной из собственных квартир. Поэтому крайне важно ограниченные в условиях преодоления санкционного кризиса 2022 г. финансовые ресурсы направлять на поддержку наименее социально защищенных россиян. Только в этом случае социальная политика российского государства превратится в результативное средство нейтрализации антипроизводственного «парадокса бережливости».

Литература

1. Аврамова Е.М., Титов В.Н. Социальное развитие современной России: тенденции, риски, перспективы // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 76–89.
2. Акиндинова Н.В., Чернявский А.В., Чепель А.А. Межстрановой анализ структуры и эффективности бюджетных расходов // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 5–27.
3. Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е. Российская экономика на повороте // Вопросы экономики. 2014. № 6. С. 4–17.
4. Букина И.С., Маневич В.Е. Кредитно-денежная и финансовая система России в 2015 году и в первом полугодии 2016 года: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. 38 с.
5. Власов С.А., Дерюгина Е.Б. Фискальные мультипликаторы в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 2. С. 104–119.
6. Главное – эффективность бюджетных расходов // Финансы. 2011. № 5. С.3–15.
7. Делягин М.Г. Деструктивный либералистский дискурс бюджетной трехлетки 2018–2020 // Российский экономический журнал. 2018. № 2. С. 3–15.
8. Итоги трансформации, или Какой капитализм мы построили. М.: Институт экономики РАН. 2017. 296 с.
9. Капелюшников Р. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
10. Капканщиков С.Г. Бюджетный профицит в современной России как индикатор непрофессионализма финансовых властей // Симбирский научный вестник. 2013. № 1. С. 132–139.
11. Капканщиков С.Г. Избыточное подоходное расслоение россиян как угроза экономическому росту и социальной безопасности // Общество и экономика. 2023. № 1. С. 37–62.
12. Клинов В. Актуальные проблемы экономической политики США // Вопросы экономики. 2013. № 5. С.129–143.
13. Колодко Гж. «Дефицитофляция» 3.0: экономика военного времени – государственный социализм – кризис на фоне пандемии // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 5–26.
14. Кругман П. Выход из кризиса есть! М.: Азбука Бизнес, 2013. 320 с.
15. Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболева И.В. Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник ИЭ РАН. 2021. № 1. С. 56–70.
16. Кудрин А., Сергиенко О. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2011. № 3. С.4–19.

17. Маневич В. Долговременные макроэкономические процессы и условия роста российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 1. С. 40–63.
18. Неравенство в современном мире: экономический и социальный аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2017. 142 с.
19. Погосов И. Потенциал накопления и проблема модернизации // Экономист. 2011. № 3. С. 3–15.
20. Попова Э.А., Сизова Ю.С. К вопросу о некоторых проблемах реализации социальной политики в России // Colloquium-journal. 2019. № 7. С. 64–70.
21. Рязанов В. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8. С. 3–32.
22. Рязанов В.Т. Кейнсианская экономическая теория и политики: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2016. Вып. 2. С. 3–34.
23. Семенюта О.Г., Мазняк Т.В. Адаптационный потенциал российской экономики в условиях «парадокса сбережений» // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2015. № 3. С. 146–154.
24. Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: Научный доклад. М., Институт экономики РАН, 2017. 50 с.
25. Социальная политика в России: проблемы и решения: научный доклад/ Под ред. А.А. Широа. М.: Артис Принт, 2021. 111 с.
26. Стародубцева Е.Б. Сбережения и инвестиции в современном мире // Вестник университета. 2017. № 5. С. 137–141.

Sergey Kapkanshchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Head of the Department of Economics,
Lomonosov Moscow State University, Sevastopol branch
(Sevastopol, Russian Federation)

THE EFFECT OF THE PARADOX OF THRIFT ON MODERN RUSSIA AND THE WAYS OF COUNTERING IT WITH SOCIAL FISCAL INSTRUMENTS

The article explains the essence of the *paradox of thrift* and the reasons why it currently manifests itself in Russia and in a number of other countries, with an emphasis on the excessive income differentiation and insufficiency of social guarantees to the population, together with the policy of financial authorities aiming at the value increase of the sovereign funds while unemployment is still high. The Classical relationship between savings, investment, and GDP growth is contrasted with the Keynesian one – consumption – GDP growth – investment – while proving the much greater applicability of the latter to the assessment of current situation in Russia. The evolution of the share of savings in the Russian national product over the past three decades is presented, indicating the factors that determine it. Based on that, the author substantiates the need for dynamic optimization of the relationship between consumption and savings to accelerate the growth of Russian economy. To neutralize the *paradox of thrift*, the author suggests the ways of increasing the effectiveness of state social policy through a transition from the categorical principle of its formation to the principle of targeting and prioritization.

Keywords: consumption, savings, gross accumulation, gross national savings, paradox of thrift, state social policy.

DOI: 10.31857/S0207367624060022, **EDN:** bxjjld

© 2024

УДК: 330.34.014.2; 330.342.22; 338.242.4

Базынан Бизенгин

доктор экономических наук, профессор,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
(г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация)
(e-mail: r3bizengin@mail.ru)

Мадина Эннеева

доктор экономических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
(г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация)
(e-mail: madis@mail.ru)

Елена Сарбашева

кандидат экономических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
(г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация)
(e-mail: sarbascheva-le07@mail.ru)

Халимат Уянаева

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Институт проблем регионального управления (ИПРУ) Кабардино-Балкарского научного центра РАН (г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация)
(e-mail: Khalia-leka07@mail.ru)

«БИЛЕТ В БУДУЩЕЕ» ИЛИ ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

В статье на основании положения об экономической непредопределенности развития исследуется феномен «экономического чуда» для государств — бывших союзных республик СССР. Проанализированы возможности этих государств создать свое «экономическое чудо». Установлено, что наибольшие возможности создания собственного «экономического чуда» имеет Республика Кыргызстан. Выявлены сильные и слабые стороны Кыргызстана. Предложены направления и мероприятия по усилению позиции Кыргызстана на пути к созданию «кыргызского экономического чуда». Указаны сложности, стоящие на пути реализации своего «экономического чуда» для других государств бывшего СССР.

Ключевые слова: экономическое чудо, ресурсно-факторная матрица, преобразования / транспонирования матрицы, государства бывшего СССР, билет в будущее, Кыргызстан.

DOI: 10.31857/S0207367624060036, EDN: bxhdpq

Введение. Наблюдение за экономическим развитием в масштабе планеты и исторической ретроспективе позволяет выделить одну особенность: время от времени в разных частях планеты появляются всплески экономического развития. Не все они находят реализацию в образовании новых высокоразвитых экономиках, но там, где таковое происходит, образуются новые отрасли, подотрасли, виды деятельности, приводящие к резкому росту доходов и продукта на душу населения, производительности труда, технической и технологической оснащенности и всего того, что сопровождает экономическое развитие и рост.

Интересно то, что в разное время и в разном месте причиной или своеобразным триггером всплеска экономической активности и преобразования экономики территории может выступить наличие сырья, естественных коммуникаций, численность и подготовленность рабочей силы, местные традиции. Описанная выше ситуация в XX в. получила название «экономическое чудо».

Обобщая имеющиеся в современной литературе определения «экономического чуда», последнее можно определить как достижение обществом в результате радикальных преобразований за короткий промежуток времени экономического процветания – кратного повышения уровня и качества жизни населения (их доведение до наивысших мировых стандартов), производительности труда, технического и технологического преобразования и т.д.

В конце 1980 – начале 1990-х годов все республики СССР получили самостоятельность и государственность, став, таким образом, суверенными независимыми государствами. Важно отметить, что этот процесс принял мирный характер, несмотря на отдельные эксцессы как между отдельными уже независимыми государствами (Азербайджан–Армения, Киргизия–Узбекистан), так и внутри государств (Грузия: Абхазия, Аджария и Южная Осетия, –Таджикистан: «север–юг», Молдавия–Приднестровье, Россия–Чечня, Узбекистан–Каракалпакия, и др.), которые принимали характер от протестных акций до вооруженного противостояния. Но в целом к началу 2000-х годов в большинстве новых государств внутриполитические, социальные, этнические проблемы были более или менее решены, сформированы государственные институты и территории приступили к формированию своих национальных экономик¹. Правда, обнаружилось, что,

¹ Странное дело, но то, чем обычно завершается оформление государств – политической надстройкой, в странах СНГ оказалось первичным, т.е. начали со строительства государственного аппарата и в целом политической системы, и только в завершение пришлось обратиться к базису (экономике, национальному хозяйству). Парадокс в том, что все твердят о своей многовековой (иные доходят до тысячелетней, соревнуясь с Россией) государственности, но никто (за исключением России) не приводит фактов последнего. Но если история пошла таким образом, как пошла, т.е. со строительства политической системы, то надо полагать, что никакого государства прежде не было. Принять же административные институты (к тому же чужие) за полноценное государство (даже не признаки последнего) требует большого мастерства. (Что, собственно, и показала последующая уже более чем тридцатилетняя история). Впрочем, как бы там ни было, а территории отделились, сформировались политические и административные институты и т.д., настала очередь формирования национальных экономик. И здесь возникла интересная коллизия: на многих (если не на всех) территориях политические надстройки обогнали экономический базис. Это противоречие, по крайней мере противоречие канонической марксистской парадигме, согласно которой политическая надстройка является отражением экономического базиса; первая выражает второе в силу соотношения приоритетности – экономический базис первичен, политическая надстройка вторична, производна. Впрочем, такое в истории встречается. Например, во Франции XIX в. – «Парижская коммуна» (март–май 1871 г.) или же начале XX в. в Венгрии (март–август 1919 г. Венгерская Социалистическая Республика), Германии (ноябрь 1918 г. по июль 1919 г. Германская Социалистическая Республика) и др. Но и результат (печальный) также известен. Иными словами, политическая надстройка (в т.ч. государство) не может (и не должна) опережать экономический базис. А с другой стороны – Куба, КНДР, Вьетнам и др., которые существуют уже более полувека. Конечно, все мы понимаем, что их существование вначале было обусловлено одной из супердержав – СССР, а нынче – КНР и своеобразным «балансом сил», т.е. в этом смысле они как бы полноценно самостоятельны. Правда, это с точки зрения канонов научной парадигмы, сформулированной еще в XIX в. Но историческое развитие не монохромно, а полифонично: если существуют, значит – есть на то основания. В нашем случае ситуация оказалась соответствующей приведенным примерам:

во-первых, на разных территориях наблюдается разная динамика (где-то на уровне, близком к нулю, а где-то двузначные значения роста); во-вторых, она оказалась неустойчивой (за редким исключением — Белоруссия и отчасти Прибалтийские государства); в-третьих, разнокачественной (в основном создается внешней конъюнктурой, а не внутренними структурными преобразованиями). Обобщение последней (почти четвертьвековой), а также предыдущих (советской и досоветской) экономических динамик территорий на этом мегапространстве позволяет видеть в этой неоднородности предпосылки к появлению так называемого «экономического чуда». В связи с чем возникает вопрос, какое из ныне независимых государств, в прошлом входившее в состав СССР в качестве союзной республики, способно создать свое «экономическое чудо».

Известно, что в экономике чудес не бывает. Везде и всегда существование экономики было связано с факторами в том смысле, что экономическое развитие детерминировано факторами, их количеством и качеством. Наличие так называемых благоприятных факторов и условий (климата, местоположения территории, естественных коммуникаций, численности населения, рабочей силы, качества почв, сырья и др.) в достаточном количестве положительно влияет на экономическое развитие. Дефицит или отсутствие благоприятных факторов, напротив, сдерживает развитие. Примером могут служить приморские территории, расположенные в теплом климате, и их противоположность — территории арктической зоны и так называемого сурового климата.

Однако при одинаковых факторах и условиях можно получить разные социально-экономические результаты. Еще интереснее, что есть территории, имеющие худшие условия и факторы, но при этом результат (экономическое развитие) оказывается выше, чем там, где условия и факторы более благоприятны². Стало быть, дело не в факторах (не в их количестве и даже качестве), а в чем-то другом. Причина таких различий заключается в том, что факторы

политическая надстройка (государство в целом) на многих (если не на всех) территориях опережает экономический базис. Поэтому властные структуры (а в настоящее время это государственные институты) активно взялись за строительство экономики под уже сформированные государства. Не вдаваясь в подробности этого процесса, т.к. он составляет предмет особого исследования, заметим, что сама технология такого развития — когда не базис (экономика) формирует надстройку (государство и его институты), а наоборот, надстройка (государство и его институты) формирует базис (экономику, национальное государственное хозяйство), кардинально иная как по содержанию, так и по инструментам и механизмам. Но прецедент такого развития был — исторический опыт Советской России (и СССР). По большому счету нынешние власти независимых государств (бывших республик СССР) ничего нового не изобрели, они повторяют исторический опыт СССР, в составе которого проживали. Поэтому так же, как вся русская литература, по образному выражению, «вышла из "Шинели"» Гоголя», так и нынешние государства СНГ «вышли» из Советской России.

² Линдерт П.Х. Экономика мирохозяйственных связей. М.: Прогресс, 1992. 514 с.; Портер М.Ю. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.; Райнерт Э. Почему богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными? М., 2011. 382 с.; Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.; Рахаев Х.М. и др. Почему богатые регионы богаты, а бедные бедны и почему богатые богатеют, а бедные беднеют. (Опыт исследования проблемы региональной дифференциации уровня жизни, проведенный на основании данных официальной статистики, наблюдений и обобщений исторического материала по бедности и неравенству) / Х.М. Рахаев, М.Х. Шомахова, К.А. Калябекова. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2014. 330 с.

и условия в хозяйственных системах разных территорий по-разному соотносятся между собой, т.е. выступают в виде комплексов, формируемых соотношением факторов и условий между собой. Условно эти комплексы можно представить в виде ресурсно-факторной матрицы.

Ресурсно-факторная матрица формируется разными путями. Один имеет естественный характер, т.е. для страны (территории) каким-то естественным путем («чудесным образом») образуется эффективная комбинация факторов и условий, благодаря которой без особых усилий начинает формироваться экономическая динамика. Конечно, нельзя исключать так называемого «стечения обстоятельств»; оно возможно, как всякая «случайная величина». Но чаще всего (и это другой способ) эффективная комбинация факторов и условий формируется при сознательном участии людей и носит планомерный характер. Впрочем, и здесь не всякий проект по формированию эффективной комбинации факторов (ресурсно-факторной матрицы) дает положительный результат.

Обобщение международной и региональной практик подсказывает несколько особенностей в процессе активизации территориальной ресурсно-факторной матрицы и создания предпосылок для «экономического чуда». Во-первых, формирование эффективной ресурсно-факторной матрицы предполагает какой-то пусковой момент (триггер-фактор), который объединяет (пробуждает) факторы и формирует вокруг себя некоторое активное поле. В разных случаях в качестве такого триггера выступают разные факторы и условия: уже упомянутое местоположение территории, наличие эффективных естественных коммуникаций, запасы актуального сырья, численность и качество населения, емкость внутреннего рынка и т.д. Поэтому при проектировании эффективной ресурсно-факторной матрицы уповать на какой-то один фактор, который, например, обеспечил высокие результаты у соседей, некорректно.

Во-вторых, ресурсно-факторные матрицы не вечны, даже если возникли естественным путем (например, удобное географическое положение и климат конкретной территории дополнены наличием естественных коммуникаций, качеством почв и др.). За счет этого на какое-то время всплеск экономической активности и получение высоких результатов обеспечиваются, но затем наступает длительная стагнация. Для внесения динамики в систему в целом необходимы преобразования ресурсно-факторного контекста. Образовавшаяся ресурсно-факторная матрица хозяйственного развития имеет свойство изменяться, в силу того что какой-то фактор теряет свою производительную силу, какой-то увеличивает. Поэтому, чтобы эффективность ее не снижалась, необходимо постоянное корректирование основных параметров. Это означает, что необходимо вести постоянное проектирование матрицы факторов. Сама технология проектирования эффективных ресурсно-факторных матриц вполне удовлетворительно описана в литературе³.

³ Porter M.E. *Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press. 2nd. ed. New York: Free Press, 1998. 896 p.; Porter M.E. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. 2nd ed. New York: Free Press, 1998. 592 p., соответственно, в русскоязычном варианте: Портер М.Ю. *Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран*. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.; Портер М. *Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость* / пер. с англ. Е. Калининой. М.: «Альпина Паблишер». 2-е изд. 2008. 720 с.; Рахаев Х.М. Когда, за счет чего и как Запад стал доминировать и будет ли

В-третьих, сформировавшимся экономикам, в которых имеется многоотраслевое хозяйство, развитые сектора производства средств производства для средств производства, наука, технологии, добывающие отрасли и т.д., более сложно сотворить чудо; они скорее движутся по устоявшейся траектории. Поэтому у таких экономик темпы роста невысокие, но и вариации незначительные, т.е. их развитие устойчиво. Другое дело — экономики, не имеющие такого сектора, как производство средств производства для средств производства и смежные с ними добывающие и перерабатывающие отрасли, а функционирующие на так называемом производстве товаров и услуг для населения. Кстати, сюда же относятся сектора добывающих отраслей без переработки. Например, добыча глинозема без производства алюминия, или добыча железной руды без производства стали и чугуна, или же добыча урана без доведения его качества до ресурса атомных электростанций и т.д. (перечень можно продолжать). Их динамика зависит от конъюнктуры. При этом состояние структуры таких экономик обладает потенциальной способностью к созданию «экономического чуда». Правда, при одном важном условии — наличии инвестиций, т.е. либо способности национального хозяйства вырабатывать добавочный капитал, который мог бы быть перенаправлен в новые отрасли (речь идет не о так называемых «коротких деньгах», которые дают отрасли, связанные с обслуживанием населения: торговля, переработка, производство товаров ширпотреба, примитивные услуги, — а о «длинных деньгах»), либо способности притягивать инвестиции из-за рубежа (а это возможно лишь при условии высокой привлекательности территории для иностранного капитала).

Теоретическая, методологическая, методическая основы и эмпирическая база исследования. Теоретическую основу исследования составляет теория факторов, межотраслевого баланса, линейного (динамического) программирования. Его методологическую основу составляет положение о взаимосвязи и взаимном влиянии изменений факторов на динамику национального хозяйства. Экспликация данного положения означает, что если происходят (прямо или косвенно, естественно или же искусственно) изменения в значениях контекстуального фактора, то они приводят в движение всю совокупность (комплекс) факторов и ведут к изменениям общего результата⁴. Однако, поскольку различные факторы взаимосвязаны между собой по-разному (как количественно, так и качественно), то, во-первых, разный прирост любого из них вызывает неодинаковый (и неоднозначный) результат во всем комплексе (для решения данной проблемы необходимо выявить так называемый контекстуальный фактор или, выражаясь терминологией А. Богданова, «наислабейший / дефицитнейший фактор», т.е. тот фактор, который осуществляет формирование матрицы национального хозяйства); во-вторых, при изменениях в одном факторе другие не пребывают в ожидании того, что тот подтолкнет их к движению, но сами находятся в постоянном (динамическом) изменении. (В этом случае говорят, что ресурсно-факторная матрица постоянно флуктуирует).

положен конец его гегемонии: (опыт историко-аналитического исследования экономического доминирования) / Рахаев Х.М. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. аграрный ун-т, 2014. 210 с.

⁴ Это положение впервые сформулировано А.А. Богдановым в его «Тектологии»; о чем см. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. Т. 1: «Закон относительных сопротивлений (закон наименьших)» и «Закон наименьших в решении практических задач». С. 216–242. М.: Экономика, 1989.

Отсюда следует методическая основа решения проблемы, которая заключается в квантификации изменений в факторах на динамику национального хозяйства; грубо говоря, можно показать, как прирост одного (выбранного) фактора ведет к приросту национального хозяйства в целом. При этом следует учесть нелинейность и нестационарность состояния комплекса факторов. Поэтому необходимо провести не измерения прироста некоторого фактора на динамику матрицы национального хозяйства, но также учесть саму динамику матрицы национального хозяйства. Для оценки взаимосвязи факторов используется ряд коэффициентов, среди которых коэффициенты корреляции, комплементарности и др. Саму систему взаимосвязей предлагается оценивать системой динамических уравнений, выражающих межотраслевой баланс и межтерриториальные взаимодействия.

В разное время приведенные положения находили отражения в теоретических и прикладных работах большого числа исследователей. Возможно, не первым, кто обратил внимание на данную проблему (увидел в проблеме экономической динамики задачу организации, формирование комплекса факторов и условий), но одним из первых, кто рационально сформулировал ее, был Аристотель. Экономически четко задача сформулирована Петти, Кенэ, Тюрго, Смитом, Рикардо, Тюненом, А. Вебером. Частное решение представлено в так называемых «производственных функциях» (Кобб, Дуглас, Леонтьев, CES и др.) и завершается в межотраслевом балансе (различных его вариантах). Важным теоретическим (и отчасти методологическим) направлением являются работы Л.А. Гурвича⁵ и его коллег по обе стороны океана. Безусловно, в копилку теоретико-методологической основы должны войти работы советских плановиков (в т.ч. межотраслевого баланса). Особое (почетное) место среди авторов, внесших наибольший результат в разработку теории и методологии указанной проблемы, следует назвать А.А. Богданова с его «Тектологией».

Эмпирическую базу настоящего исследования составили статистические данные и результаты аналитических работ зарубежных и отечественных авторов, исследовавших так называемое «экономическое чудо» в различных странах в XX в.⁶ и возможности Республики Кыргызстан. Данные Национального статистического

⁵ Hurwicz L. Stochastic models of economic fluctuations // *Econometrica*. 1944. Vol. 12, № 2. P. 114–124. URL: <https://bigenc.ru/b/stochastic-models-of-economic-fluctuations-5ceff9> (дата обращения: 19.07.23). Hurwicz L., Reiter S. Designing Economic Mechanisms, 2006. 354 p.

⁶ Жуков С. Роль государства в сотворении «южнокорейского чуда» // *Российский экономический журнал*. 1993. № 5. С. 98–104; Брагина Е.А. Модель развития новых индустриальных стран // *Вестник Российской академии наук*. 1998. Том 68. № 1. С. 85–89; Дружинин Н.Л. Японское экономическое чудо. СПб.: «Питер», 2003. 264 с.; Невский С.И. Экономика послевоенной Западной Германии: на пути к «экономическому чуду». М., 2006; Творец «экономического чуда» Людвиг Эрхард // *Патрушев А.И.* Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: Издательство Московского университета, 2009; Угаслов Н.Ф. Попытки объяснения «Азиатского чуда» при помощи факторной теории. Роль расходов на образование // *Russian Journal of Economics and Law*. 2013. № 3 (27). Важным источником исследования феномена «экономического чуда» выступают мемуары так называемых «отцов» экономического чуда Дэн Сяопина, Л. Эрхарда, Ли Куан Ю и др., Дэн Сяопина. М.: Прогресс, 1979. 285 с.; Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. Ордынка, Наука, 1993. 608 с.; Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Дело, 2001. 300 с.; Lee Kuan Yew From Third World to First: 1965–2000: Memoirs of Lee Kuan Yew. The Singapore Story. Harper, 2000. V. 2. P. 752; Lee Kuan Yew. The Singapore Story: Memoirs of Lee Kuan Yew. Times Editions, 1998. V. 1. P. 680. (русскоязычный синтез: Ли Куан Ю. Сингапурская история. 1965–2000 гг. Из третьего мира – в первый. М.: «МГИМО-Университет», 2010); Назарбаев Н. Моя жизнь. От зависимости к свободе / Нурсултан Абишевич Назарбаев. Астана: Фолиант, 2023. 708 с.

комитета Республики Кыргызстан, опубликованные в открытой печати в виде статистического сборника: **КЫРГЫЗСТАН ЦИФРАЛАРДА (КЫРГЫЗСТАН В ЦИФРАХ)**. Важным эмпирическим материалом являются публикации кыргызстанских и отечественных исследователей⁷, в которых представлены результаты анализа состояния и перспектив развития различных аспектов экономики, социальной, политической, культурной и иной сфер Республики Кыргызстан. Безусловно, ни один из результатов не имеет преимуществ перед многолетними личными наблюдениями авторов за различными аспектами развития Кыргызстана.

Наконец, следует определиться относительно таких понятий, как «экономическое чудо» и «билет в будущее». Под «экономическим чудом» мы понимаем достижение государством высокого уровня развития (так называемого «экономического процветания») за определенный (короткий) промежуток времени в результате радикального преобразования в экономике, которое позволяет повысить уровень и качество жизни населения, довести его до уровня развитых стран мира. «Экономическое чудо» имеет следующие признаки: 1) достижение высокого уровня жизни, который наблюдается лишь в развитых странах; 2) это достижение является результатом реформирования собственной экономики; 3) реформирование производится в измеряемый промежуток времени (как правило,

⁷ Абдымаликов К. Экономика Кыргызстана (на переходном этапе). Бишкек: «Бийиктик», 2010; Акматалиев Т.А. Производство экологически чистых продуктов – один из приоритетов экономики Кыргызстана // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 6. С. 102–114; Аташова А., Орозонова А.А. Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в современных условиях // Экономика. 2017. № 3. С. 123–130; Джаманкулов Б.С. Первоочередные задачи экономической политики Кыргызстана // Российское предпринимательство. 2019. № 1. <http://doi.org/10.18334/rp.20.1.39708>; Джаманкулов Б.С. Рудименты прежних подходов в экономической политике Кыргызстана // Экономические отношения. 2018. № 4. С. 675–689. <http://doi.org/10.18334/eo.8.4.39559>; Джумакова А.А. Тенденции и проблемы развития сельскохозяйственного сектора Кыргызской Республики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-problemy-razvitiya-selskohozyaystvennogo-sektora-kyrgyzskoy-respubliki> (дата обращения: 21.01.23); Зиновьева З.И. Экономическая история Кыргызстана: Лекции / Отв. ред. проф. Н.Х. Кумскова // Бишкек: КРСУ, 2007. 93 с.; Касымбеков Б.К., Раимжанов Б.М., Касымбекова Л.Б. Эффективность развития сферы услуг в сельском хозяйстве Кыргызской Республики: статистический анализ // Вопросы статистики. 2016. № 12. С. 53–58. URL: <https://voprsstat.elpub.ru/jour/article/viewFile/421/416> (дата обращения: 25.01.23); Кудабаяв З.И. Становление свободной экономики в Кыргызской Республике. Бишкек, 2004; Кумскова Н.Х. Модель рыночной экономики в Кыргызстане / КРСУ. Бишкек, 2001. 87 с.; Окенова А.О., Орозонова А.А. Перспективы развития экспорта органической продукции в условиях интеграции // Экономические отношения. 2018. № 2. С. 261–270. <http://doi.org/10.18334/eo.8.2.38987>; Орозонова А.А., Акматалиев Т.А., Сеиткожиева М.У. Перспективы развития сельского хозяйства Кыргызской Республики // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 2. С. 833–854; URL: https://www.researchgate.net/publication/334717014_Perspektivy_razvitiya_selskogo_hozyajstva_Kyrgyzskoy_Respubliki (дата обращения: 19.01.23); Орозонова А.А., Аташова А. Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в условиях цифровизации // Экономические отношения. 2019. № 1. <http://doi.org/10.18334/eo.9.1.39746>; Осмонбетова Д.К. Особенности развития сельского хозяйства в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 12. С. 29–31. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/Osmonbetova%20D.K..pdf> (дата обращения: 21.01.23); Саматова Э.Э. Основные проблемы модернизации экономики АПК Кыргызстана // Вестник КазНУ. 2012. URL: <https://articlekz.com/article/8563> (дата обращения: 21.01.23); Убайдуллаев М. Проблемы использования земельных ресурсов Кыргызстана // Общество и экономика. 2011. № 11–12. С. 200–204; Укибаева Г.К., Кочербаяева А.А. Анализ современного состояния и перспективы развития сельского хозяйства Кыргызстана. URL: <https://research-journal.org/archive/12-54-2016-december/analiz-sovremennoy-sostoyaniya-i-perspektivy-razvitiya-selskogo-hozyajstva-kyrgyzstana> (дата обращения: 11.01.23); Бизенгин Б. и др. Состояние, проблемы и перспективы зернового сектора сельского хозяйства Кыргызстана // Общество и экономика. 2023. № 3. С. 97–117.

не превышающий поколение). Есть еще второстепенные признаки, в частности связанные с внедрением новых технологий, организации труда, новых ресурсов, новых коммуникаций и т.д. Но в целом для экономического чуда неважно, как оно было достигнуто (примером может служить «чилийское экономическое чудо» при А. Пиночете)⁸, важны конечные параметры / индикаторы этой реформы, т.е. экономическое чудо — это, как правило, достижение высоких, соответствующих развитым странам, параметров уровня и качества жизни путем реформы существующей хозяйственной (экономической) системы. Другое понятие — «билет в будущее», под которым мы понимаем возможность страны (территории) провести такие реформы, которые позволяют ей перескочить из состояния, например третьего мира (т.е. развивающейся) в первый мир (т.е. развитый), как это было сделано Сингапуром, Южной Кореей, Тайванем и др. странами в конце XX в.

На основании выше приведенных теоретических и методологических положений был проведен анализ возможностей бывших союзных республик СССР создать свое «экономическое чудо». Было установлено, что самые высокие возможности для создания сегодня своего «экономического чуда» имеет Республика Кыргызстан.

Наблюдения, обобщения, суждения, обсуждения, результаты и выводы. Перечислим так называемые конкурентные преимущества Кыргызстана. Важнейший параметр — наличие сформировавшейся системы государственной власти. Можно как угодно оценивать ее, т.е. говорить о несовершенстве некоторых институтов и пр., но несомненно одно — в Кыргызстане имеется современное государство и институционализированная власть, имеющая демократический характер. Эта особенность связана с тем, что кыргызское государство создано из делегированных населением различных функций и институтов, но не создано сверху. Оно не навязано, а сформировано. Причина такой особенности в том, что в Кыргызстане государство не имеет своей экономической базы или основы, которую составляет государственная собственность. Последняя, конечно же, есть, но по объему и структуре ничтожна мала. Поэтому государство в этих условиях не может стать доминантой как, например, в той же Белоруссии или соседнем Узбекистане, где имеется развитый государственный сектор и государственная собственность. Но при этом у государства в Кыргызстане имеются все необходимые властные институты. Это говорит о том, что у Кыргызстана имеется полноценное государство, а не какой-то эрзац.

Третий параметр — гражданское общество и современная социальная структура. И в этой связи важной чертой кыргызского общества является его относительная однородность. Причем эта однородность многоплановая и многоаспектная. Есть основная этническая группа — этнические кыргызы, а также множество более мелких, но не противостоящих (что весьма важно) и не конкурирующих с нею этнических групп: русские, казахи, узбеки, уйгуры, дунгане и др. (Да, проблема последней в ее неравномерности в пространстве. Например, на юге (в основном Ошской области и г. Ош) наблюдается доминирование узбекского этноса, тогда как

⁸ Виватенко С.В., Сиволап Т.Е. «Чилийское экономическое чудо» и «чикагские мальчики»: из истории попытки проведения экономических реформ Аугусто Пиночета // Петербургский экономический журнал. 2022. № 1–2. С. 210–216; Макеева Л.А. Пиночет: опыт реформ в Чили (1973–1989 гг.) // Научные труды МПГУ. Серия: социально-исторические науки. М.: Прометей, 2001. С. 307–319.

на севере и в центре его почти нет. То же самое и с казахами. Дисперсность наблюдается также и по русскому этносу (и другим славянским этносам), но она не так заметна как, например, с узбеками). В обществе имеется развитая профессиональная структура. Важно указать на наличие развитой интеллигенции (технической, гуманитарной), которая имеет неформальную власть и к которой прислушиваются. Кроме того, действуют неформальные институты — старейшины (аксакалы), землячества, культурные ассоциации, советы и др. Конечно же нельзя обойти вниманием социальную дифференциацию, если использовать известные формальные индикаторы: коэффициент Джини и др. Но эта дифференциация в условиях в целом низкого уровня жизни и этнических традиций не слишком явна и негативна.

Четвертый параметр — религиозная и в целом конфессиональная толерантность. Следует указать, как минимум, две особенности религиозного (и конфессионального) ландшафта Кыргызстана: 1) религиозное разнообразие и конфессиональная множественность, ведущие к отсутствию доминирующей (в смысле, подавляющей остальные виды) конфессии и религиозной идеологии; возможно, причина последней в том, что в Кыргызстане присутствуют все религиозные конфессии и что нет какой-то «государственной религии»; 2) особенность ислама (как, по-видимому, и других религий) в Кыргызстане в том, что в нем достаточно сильно присутствие местных этнических («языческих» или же пришедших из эпохи язычества и тенгрианства) традиций (причем последнее наблюдается не только в так называемых культовых институтах, но также и в идеологических. Например, использование Кудая и Аллаха, коим воздают молитвы и обращения). Возможно, поэтому нет религиозного фанатизма и экстремизма.

Пятый параметр — образованность общества. Сильной чертой следует назвать систему дошкольного, школьного (начального), специального и высшего образования. Они носят, во-первых, классический светский характер, во-вторых, состоят из гуманитарных и естественных дисциплин, в-третьих, базируются на научной основе и научных (мировых) стандартах. Важно отметить билингвизм (кыргызский и русский), а также хорошее знание английского и других языков.

Шестой признак — наличие ресурсно-сырьевой базы, включая климатическое разнообразие, запасы полезных ископаемых как рудного, так и (в меньшей степени) нерудного характера. По-видимому, за исключением нефти и газа в Кыргызстане имеются в достаточном количестве все сырьевые ресурсы. Одним из важнейших ресурсов (так называемый «ресурс XXI в.») выступает пресная вода. Ее запасы в Кыргызстане огромны. Сосредоточены в ледниках, реках, озерах. Основным резервуаром пресной воды Кыргызстана выступают ледники. В республике насчитывается около 8 тыс. ледников, которые занимают 4% (около 8 тыс. км²) территории Киргизии, а вместе с вечными снегами они занимают 40,5% территории страны (около 81 тыс. км²). В ледниках хранится около 650 км³ льда⁹. Также достаточны запасы земельных ресурсов, несмотря на горный ландшафт страны (горы занимают более половины ее территории). Особую ценность имеет высокогорное озеро Иссык-Куль, площадь которого составляет 3,1% от площади государства. Это уникальное по многим признакам горное озеро. Отдельно сле-

⁹ Киргизия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%>

дует указать на богатые почвы, видовое биоразнообразие флоры и фауны. Итак, можно резюмировать, что по ресурсному параметру «экономическое чудо» как бы подготовлено Кыргызстану.

Таким образом, Кыргызстан обладает и человеческим, и ресурсно-сырьевым факторами для проектирования развитой экономики. И, как показывает мировая практика, «экономическое чудо» требует творческого участия человеческих коллективов.

Проектирование «экономического чуда» предполагает наличие также и не-предустановленных факторов и условий. Последние делятся на две категории — способствующие и сдерживающие проектирование и реализацию проекта. К таковым следует отнести прежде всего население и трудовые ресурсы. Численность населения Кыргызстана чуть более 7 млн человек. Это невысокий параметр, как с точки зрения потенциального (и тем более реального с учетом покупательной способности) потребителя, так и с точки зрения потенциального производителя. Но если в целом для экономики численность рабочей силы вполне допустимая, то со структурой имеются проблемы — прежде всего доминирование сельских жителей (почти 65 против 35% на 2022 г.); в сельской местности проживают свыше 4,3 млн человек, тогда как в городской — около 2,4 млн человек. Правда, если среднегодовой прирост в целом по населению составляет 1,7%, то по городскому в 2021 г. прирост уже составлял 4,7%, а по сельскому — только 0,1%. При этом естественный прирост населения составлял в 2021 г. 16,6 человека на 1000 населения. Сейчас заметно его уменьшение в результате снижения рождаемости (по сравнению с 2020 г. упала на 1,3%). Доля населения до 50 лет составляет почти 83%, что является положительным фактором. Размер трудовых ресурсов на 2021 г. составлял 3,9 млн человек, что составляет 58,7% от общей численности населения. В структуре трудовых ресурсов преобладают мужчины — свыше 70%. В общей численности занятых доля занятых в возрасте от 15 до 49 лет составляет почти 78%. Доля занятых с высшим образованием составляет 22,1%, а со средним профессиональным — 11,8%. Доля занятых с общим (полным) средним образованием составляет 49%. Доля неграмотных составляет 1,1%.

Основными отраслями по уровню занятых выступают сельское хозяйство — 18,3%, оптовая и розничная торговля, ремонт технических средств — 15,4%, обрабатывающие производства — 11,7%, строительство — 12%, образование — 9,4%, транспорт — 8%, деятельность гостиниц, ресторанов — 6,2%, здравоохранение и социальное обслуживание населения — 4,2%, государственное управление и оборона — 4,1%. Заслуживает внимания слабая дифференциация населения по уровню доходов. В частности, доля населения с наименьшими доходами (по 20% группировке) составляет 6,3%, а с наибольшими (пятая группа) — 43,9%. Кстати, четвертая группа составляет 22,7%. Таким образом, мы имеем распределение с правосторонним эксцессом. При этом общий уровень бедности составил 33,3% (что выше, чем в 2020 г. — 25,3%). Причем уровень крайней бедности составил 6,0%, глубина бедности — 6,6%, а острота бедности — 2,0%¹⁰.

¹⁰ По данным Национального статистического комитета Республики Кыргызстан: КЫРГЫЗСТАН ЦИФРАЛАРДА (КЫРГЫЗСТАН В ЦИФРАХ) // Статистикалык жыйнак Статистический сборник. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/selskoe-hozrajstvo/>

Другой важнейший параметр — коммуникации (от транспортных, технических, технологических до производственных и бытовых, а также культурно-ценностных). С этим у Кыргызстана не все однозначно. Имея культурно-ценностные коммуникации, которые способствуют достижению проекта, он имеет также коммуникации, которые тормозят реализацию проекта, например транспортные коммуникации. Кыргызстан небольшая страна, но даже на такой небольшой территории плотность дорог оказывается низкой; она ниже, чем в таком гиганте, как Россия. Более или менее оснащен транспортными коммуникациями г. Бишкек — столица страны и Чуйская область. Связь между двумя «столицами» — южной (Ошем) и северной (Бишкеком) формируется на достаточно слабой транспортной инфраструктуре. Расстояние 300 км (а по автодороге 700 км) преодолевается транспортом в среднем за 8–9 ч. А это в современных условиях очень дорогое удовольствие. К тому же здесь функционируют лишь автомобильная дорога и воздушный транспорт. Но нет наиболее эффективного для сухопутных территорий железнодорожного транспорта. Таким образом, отсталые транспортные коммуникации являются, возможно, основным сдерживающим фактором развития Кыргызстана. В связи с чем напрашивается само собой разумеющееся условие — провести транспортно-коммуникационную революцию в Кыргызстане. В противном случае «экономическое чудо» останется нереализованной возможностью. Отсталые и неэффективные транспортные коммуникации, на наш взгляд, выступают фактором коррупции и низкой производственной дисциплины труда в Кыргызстане. Что касается коррупции, то в Кыргызстане она... весьма высока. (Парадокс заключается в том, что государственная собственность примитивна и мала, но коррупция высокая. Стало быть, чиновник содержится не из бюджета, а «на кормлении», как когда-то на Руси). Поэтому победить коррупцию можно, победив отсталость в транспорте и коммуникациях. Но для этого необходимо развивать производство.

Когда-то в период социалистического развития Кыргызстана в республике существовало большое число промышленных предприятий, которые составляли территориальный и общесоюзный комплекс. С развалом СССР промышленный комплекс Кыргызстана также развалился, и в настоящее время там отсутствует производство средств производства для средств производства. Можно говорить лишь о промышленных предприятиях, которые заняты в основном добычей полезных ископаемых или переработкой сельскохозяйственной и иной продукции. Хорошо это или плохо? В контексте нашей задачи хорошо; старые производства не будут мешать, не будут балластом в развитии (дело в том, что те производства, что были в Кыргызстане в советское и постсоветское время, относились максимум к третьему, но большей частью к первому и второму технологическим укладам). Необходимо строить производства, соответствующие новому технологическому укладу. Есть ли такие возможности у Кыргызстана? Кажется, нет. И тут не нужно питать особых иллюзий. Построить новый Тайвань у Кыргызстана не получится ни в ближайшие десять, ни в пятьдесят лет. Это реальность. Повторить Тайвань не получится. Но и не нужно. Нужно искать свой путь развития. И у Кыргызстана он есть. Каковы его основные направления?

Концептуально — необходимо сосредоточиться на так называемых узких, уязвимых местах в своей ресурсно-факторной матрице. Это прежде всего два важнейших

фактора — рабочая сила и коммуникации. Как показывают данные официальной статистики Кыргызстана, у государства имеется достаточный для территории рынков рабочей силы. Причем она довольно молодая. Но при этом имеется дефицит квалифицированной рабочей силы и малая емкость рынка высокообразованной рабочей силы. Поэтому необходимо сосредоточиться на повышении уровня образования и квалификации рабочей силы страны. Это означает: активизировать набор студентов в училища, колледжи, техникумы, вузы. Причем использовать как существующий потенциал, т.е. существующие вузы, техникумы, училища, так и создавать новые. Для этого необходимо стимулировать вложения в образование; нужно открывать новые и расширять существующие учебные заведения. Стимулировать поступление молодежи (и не только) на учебу. В этой связи требуется на законодательном уровне (т.е. Парламенту Кыргызстана) разработать систему нормативно-правовых актов, стимулирующих обучение и получение квалификации. А с другой стороны, государству следует стимулировать образование. Необходимо не скупиться государству и частному бизнесу платить за обучение. Внедрить в качестве обязательного, помимо существующих, английского языка (как в соседнем Казахстане), но развивать также и китайский, японский, корейский и др. Право преподавать последние можно передать китайцам, корейцам и всем другим, кто пожелает открыть в Кыргызстане свои школы, техникумы, вузы и пр. Если эта задача будет решена в течение трех—пяти лет, «билет в будущее» у Кыргызстана появится, хотя многое будет зависеть и от того, как им воспользуются.

Другой важнейшей задачей является создание эффективных коммуникаций. Конечно же (но вовсе не только и даже не столько) транспортных коммуникаций, которые могли бы обеспечить мобильность рабочей силы внутри государства. Для этого потребуются покрыть территорию Кыргызстана сетью дорог (авто- и ж/д), линий воздушного сообщения. Для чего, как и в предыдущем случае, необходимо использовать не только государственные ресурсы (ввиду их нехватки), но также частные ресурсы; причем не только отечественные, но и зарубежные — в первую очередь зарубежные. Не бояться передать в частную собственность или в концессию дороги, связь, обучение и пр. Важно покрыть территорию государства сетью транспортных коммуникаций с выходом по всем направлениям. Требуется достичь наивысшей эффективности как по плотности транспортных коммуникаций, так и по скорости, пассажиро- и грузоперевозкам и информационным потокам. Главное — ускорить передачу информации от потребителей к производителям, и наоборот. Речь идет о покрытии территории Кыргызстана современными средствами передачи информации.

Однако не менее важными, чем те же транспортные и производственные коммуникации, являются социальные коммуникации. Конечно, их уровень в Кыргызстане сегодня весьма примитивен, по сравнению с передовыми странами. Их отличается архаичность и аморфность. Поэтому информационные потоки теряют скорость и агентов. Речь даже не идет о выполнении законов, издаваемых Жогорку Кенешем, или указов Президента, которые должны быть обязательными к исполнению для чиновников (даже беглый просмотр некоторых законов, связанных с экономикой, показал их дублирование и противоречивость — см., например, Налоговый и Таможенный кодексы КР), сколько

о дисциплине соблюдения договоров между производителями и потребителями. И в том, и в другом случае речь идет о неоправданном росте (и высоком уровне) транзакционных издержек. Конечно, эту проблему невозможно решить изданием хороших законов (они в Кыргызстане хорошие или по крайней мере не хуже, чем у других), сколько хорошей реализуемостью этих законов. А она должна существовать не столько за партой и в аудитории, сколько у станка, в цехах, на заводах, фабриках, офисах. Это означает, что необходимо выращивать свою современную высококвалифицированную, дисциплинированную рабочую силу для всех секторов и отраслей как внутри страны, так и за рубежом (путем стажировок, командировок и пр.).

Есть третий сегмент в этом проекте. Дело в том, что территория Кыргызстана, как и многих государств, неоднородна по географическим, климатическим, орографическим и многим другим физическим параметрам. Поскольку для реформ необходимы небольшие или даже маленькие территории, а территория Кыргызстана достаточно велика относительно описываемой задачи и ресурсов, требуемых для ее реализации, то необходимо вывести из так называемого хозяйственного оборота те территории государства, которые не могут быть в настоящее время эффективно использованы (конечно же речь идет об эффективности в существующей рыночной и англосаксонской парадигме). Эти территории следует выделить в национальные парки, заповедники, заказники и пр., с тем чтобы такие территории не могли эксплуатироваться, т.к. их эксплуатация в современных условиях современными технологиями и социальными отношениями неэффективна¹¹. Поэтому такие территории должны быть законсервированы и недоступны для ведения экономической деятельности. Но они могут быть использованы для некоторых видов традиционной деятельности кыргызстанцев. Мы имеем в виду использование таких территорий в качестве пастбищ, джайлоу и т.п., где можно не только пасти лошадей, овец и прочий скот, но вести охоту, развивать экотуризм, не нанося при этом ущерба природе.

Среди множества проектов наиболее привлекательной нам представляется идея Б.Б. Родомана¹². Используя идею (и даже идеи) Б.Б. Родомана в контексте поставленной выше задачи, предложим решение существующей проблемы в Кыргызстане.

Прежде всего необходимо всю территорию Республики Кыргызстан дифференцировать на зоны, вычленив так называемые зоны нулевой или даже отрицательной экономической эффективности. К таким территориям относятся альпийская и субальпийская зоны, а также труднодоступные территории, на которых располагаются природные ресурсы, извлечение и экономическое использование

¹¹ Согласно Википедии: «В Киргизии существует 88 особо охраняемых природных территорий (ООПТ) различного статуса: природные заповедники, природные парки, заказники, биосферные территории. Общая площадь ООПТ составляет 1 476 121,6 га, или 14 761,21 км² (7,38% от площади республики). Так, на сегодняшний день функционируют: 10 природных заповедников (509 952,7 га); 13 природных парков (724 670,2 га); 64 заказника (из них 8 лесных, 23 ботанических, 2 комплексных и 12 охотничьих (зоологических), 19 геологических (общая площадь которых 241 498,7 га)); 1 биосферная территория (4 314 400 га)». Киргизия – Википедия. Указ. источник.

¹² Родоман Б.Б. Принципы формирования зон консервации и модернизации в культурном ландшафте // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах, вып. 4. М.: Ин-т наследия, 2007. С. 96–99; Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78–88.

которых, помимо прямой высокой себестоимости, может иметь еще и отрицательный экологический эффект (его также следует учитывать при расчете издержек).

Намного выгоднее экономически оставить эти территории в первозданном виде, чем заниматься их производственным освоением. Речь идет о том, чтобы, во-первых, использовать такие территории в научных, образовательных и прочих культурно-просветительских целях (всякий, кто пожелает использовать их в указанных выше целях, будет платить за пребывание в этих зонах); во-вторых, открывать в этих зонах «промыслово-охотничьи, рыболовные и прочие полудикие биоресурсные угодья»¹³, т.е. использовать их уже в хозяйственных целях, но в таких пределах, которые не создают для существующих геобиоценозов разрушительных нагрузок. Для этого требуется разработать нормативы отлова зверей, птиц, рыбы, насекомых, а также использования деревьев и прочих растений, морепродуктов и др. в целях создания, выражаясь словами Б. Родомана «экофильных хозяйств»¹⁴. В результате к предложенным выше аспектам кыргызского «экономического чуда» добавится экологический аспект, который с традиционной экономической оценки принимает характер «благостного недеяния»¹⁵.

Таков в общих чертах проект кыргызского «билета в будущее».

Выводы

Первый вывод — так называемое «экономическое чудо» представляет событие в истории национального хозяйства¹⁶, когда последнее переходит на траекторию более высокого уровня развития. Как правило, такой переход происходит в результате переформатирования ресурсно-факторной матрицы национального хозяйства, приводящего к переходу к новому технологическому укладу, сопровождаемому соответствующими изменениями в воспроизводственном контуре национального хозяйства (все элементы и структуры: от традиционных факторов до современных, от техники, технологии, рабочей силы, капиталов, институтов, ментальности, начинают функционировать по новому воспроизводственному контуру) и приводящему к изменениям в уровне и качестве жизни. Эти изменения затрагивает фундаментальные основы существовавшей (иногда веками) модели экономического развития территории.

Второй вывод — анализ эмпирических данных (с помощью предложенных методологии и методики) и обобщение результатов исследований отечественных и зарубежных авторов на предмет возможности появления «экономического чуда»

¹³Родоман Б.Б. Указ. соч. Там же.

¹⁴ «Экологическая специализация предполагает экофильное хозяйство на большей части территории: рыболовство, охоту, собирательство, рыбо- и дичеразведение – потребительское, спортивное, товарное (для внутреннего и внешнего рынка); экологический туризм – потребление природных богатств без присвоения и уничтожения». Родоман Б.Б. Указ. соч. с.85.

¹⁵ Родоман Б.Б. Указ. соч. С. 85. Нужно согласиться с Б. Родоманом, что оно (конечно же вкуче с деяниями полезными) даст Кыргызстану больше, чем иные деяния, связанные с хищническим использованием ресурсов природы, в т.ч. рабочих рук. Кстати, аналогичные сектора в национальном хозяйстве необходимо обустривать и в других государствах, бывших республиках СССР, в т.ч. России, богатых территорией и полезными ископаемыми. Пользы от такого «благостного недеяния» будет больше, чем от существующей деятельности, направленной на уничтожение среды обитания для обогащения горстки лиц.

¹⁶Этимология слова «чудо» предполагает наличие неизвестного или нетривиального, «нечто поразительное, удивляющее своей необычностью» // Советский энциклопедический словарь. Изд. второе. М.: «Советская энциклопедия», 1982.

на территории бывшего СССР (исходя из априорной посылки: не может быть, чтобы на такой огромной территории не появилось «экономического чуда»), позволили выделить в качестве наиболее подготовленной к созданию «экономического чуда» Республику Кыргызстан. Предпочтение Кыргызстана связано не столько с наличием у него большого числа факторов (и удовлетворительного качества компетенций), которые необходимы для создания «экономического чуда», — у России, Казахстана, Узбекистана, Туркмении и Белоруссии их больше, и по качеству многие из них лучше, — сколько слабого сопротивления «слабых мест» (у перечисленных государств как раз сильно сопротивление «слабых мест»). У Кыргызстана позитивные факторы не разбросаны и не фрагментированы, как у соседей, а пребывают в почти комплексной форме. Мы исходим из методологической посылки, что любая страна может создать свое «экономическое чудо» — весь вопрос в ее способности превратить свои слабые стороны в сильные. А это часто вопрос затрат, ресурсов. Сопоставляя так называемую силу «слабых компетенций» с общим ресурсно-факторным контекстом национального хозяйства Кыргызстана и других бывших союзных республик СССР, мы пришли к выводу, что Кыргызстан обладает наибольшими предпочтениями по сравнению с другими государствами на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Абдымаликов К.* Экономика Кыргызстана (на переходном этапе). — Бишкек: «Бийиктик», 2010.
2. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.
3. *Акматалиев Т.А.* Производство экологически чистых продуктов — один из приоритетов экономики Кыргызстана // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 6. С. 102–114.
4. *Аташова А., Орозонова А.А.* Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в современных условиях // Экономика. 2017. № 3. С. 123–130.
5. *Бизенгин Б. и др.* Состояние, проблемы и перспективы зернового сектора сельского хозяйства Кыргызстана // Общество и экономика. 2023. № 3. С. 97–117.
6. *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. М.: Экономика, 1989.
7. *Брагина Е.А.* Модель развития новых индустриальных стран // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 1. С. 85–89.
8. *Виватенко С.В., Сиволап Т.Е.* «Чилийское экономическое чудо» и «чикагские мальчики»: из истории попытки проведения экономических реформ Аугусто Пиночета // Петербургский экономический журнал. 2022. № 1–2. С. 210–216.
9. Выступления и высказывания Дэн Сяопина. М.: Прогресс, 1979. 285 с.
10. *Джаманкулов Б.С.* Первоочередные задачи экономической политики Кыргызстана // Российское предпринимательство. 2019. № 1. <https://doi.org/10.18334/rp.20.1.39708>
11. *Джаманкулов Б.С.* Рудименты прежних подходов в экономической политике Кыргызстана // Экономические отношения. 2018. № 4. С. 675–689. <https://doi.org/10.18334/eo.8.4.39559>
12. *Джумакова А.А.* Тенденции и проблемы развития сельскохозяйственного сектора Кыргызской Республики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-problemy-gazvitiya-selskohozyaystvennogo-sektora-kyrgyzskoy-respubliki> (дата обращения: 21.01.23).
13. *Дружинин Н.Л.* Японское экономическое чудо. СПб.: «Питер», 2003. 264 с.
14. *Жуков С.* Роль государства в сотворении «южнокорейского чуда» // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 98–104.
15. *Зиновьева З.И.* Экономическая история Кыргызстана: Лекции / Отв. ред. проф. Н.Х. Кумскова. Бишкек: КРСУ, 2007. 93 с.
16. *Касымбеков Б.К., Раимжанов Б.М., Касымбекова Л.Б.* Эффективность развития сферы услуг в сельском хозяйстве Киргизской Республики: статистический анализ // Вопросы статистики. 2016. № 12. С. 53–58. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/viewFile/421/416> (дата обращения: 25.01.23).

17. Киргизия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%>
18. *Кудабаяев З.И.* Становление свободной экономики в Кыргызской Республике. Бишкек, 2004.
19. *Кумскова Н.Х.* Модель рыночной экономики в Кыргызстане / КРСУ. Бишкек, 2001. 87 с.
20. КЫРГЫЗСТАН ЦИФРАЛАРДА (КЫРГЫЗСТАН В ЦИФРАХ) // Статистикалык жыйнак. Стат. сб. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/selskoe-hozyajstvo>
21. *Ли Куан Ю.* Сингапурская история. 1965–2000 гг. Из третьего мира – в первый. М.: «МГИМО-Университет», 2010.
22. *Линдерт П.Х.* Экономика мирохозяйственных связей. М.: Прогресс, 1992. 514 с.
23. *Макеева Л.А.* Пиночет: опыт реформ в Чили (1973–1989 гг.) // Научные труды МПГУ. Серия: социально-исторические науки. М.: Прометей, 2001. С. 307–319.
24. *Назарбаев Н.* Моя жизнь. От зависимости к свободе. Астана: Фолиант, 2023. 708 с.
25. *Невский С.И.* Экономика послевоенной Западной Германии: На пути к «экономическому чуду». М., 2006.
26. *Окенова А.О., Орозонова А.А.* Перспективы развития экспорта органической продукции в условиях интеграции // Экономические отношения. 2018. № 2. С. 261–270. <https://doi.org/10.18334/eo.8.2.38987>
27. *Орозонова А.А., Акматалиев Т.А., Сеиткожиева М.У.* Перспективы развития сельского хозяйства Кыргызской Республики // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 2. С. 833–854; URL: https://www.researchgate.net/publication/334717014_Perspektivy_razvitiya_selskogo_hozajstva_Kyrgyzskoj_Respubliki (дата обращения: 19.01.23).
28. *Орозонова А.А., Аташова А.* Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в условиях цифровизации // Экономические отношения. 2019. № 1. <https://doi.org/10.18334/eo.9.1.39746>
29. *Осмонбетова Д.К.* Особенности развития сельского хозяйства в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 12. С. 29–31. URL: (дата обращения: 21.01.23).
30. *Портер М.* Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: «Альпина Паблицер». 2-е изд. 2008. 720 с.
31. *Портер М.Ю.* Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
32. *Райнерт Э.* Почему богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными? М.; 2011. 382 с.
33. *Рахаев Х.М., Шомахова М.Х., Калабекова К.А.* Почему богатые регионы богаты, а бедные бедны и почему богатые богатеют, а бедные беднеют. (Опыт исследования проблемы региональной дифференциации уровня жизни, проведенный на основании данных официальной статистики, наблюдений и обобщений исторического материала по бедности и неравенству). М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2014. 330 с.
34. *Рахаев Х.М.* Когда, за счет чего и как Запад стал доминировать и будет ли положен конец его гегемонии: (опыт историко-аналитического исследования экономического доминирования) / Рахаев Х.М. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. аграрный ун-т, 2014. 210 с.
35. *Родоман Б.Б.* Принципы формирования зон консервации и модернизации в культурном ландшафте // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах, вып. 4. М.: Ин-т наследия, 2007. С. 96–99.
36. *Родоман Б.Б.* Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78–88.
37. *Саматова Э.Э.* Основные проблемы модернизации экономики АПК Кыргызстана // Вестник КазНУ. 2012. URL: <https://articlekz.com/article/8563> (дата обращения: 21.01.23).
38. Советский энциклопедический словарь. Изд. второе. М.: «Советская энциклопедия», 1982.
39. Творец «экономического чуда» Людвиг Эрхард // А.И. Патрушев. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: Издательство Московского университета, 2009.
40. *Убайдуллаев М.* Проблемы использования земельных ресурсов Кыргызстана // Общество и экономика. 2011. № 11–12. С. 200–204.
41. *Угаслов Н.Ф.* Попытки объяснения «Азиатского чуда» при помощи факторной теории. Роль расходов на образование // Russian Journal of Economics and Law. 2013. № 3 (27).
42. *Укибаева Г.К., Кочербаяева А.А.* Анализ современного состояния и перспективы развития сельского хозяйства Кыргызстана. URL: <https://research-journal.org/archive/12-54-2016-december/analiz-sovremennogo-sostoyaniya-i-perspektivy-razvitiya-selskogo-hozyajstva-kyrgyzstana> (дата обращения: 11.01.23).

43. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. Ордынка, Наука, 1993. 608 с.
44. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Дело, 2001. 300 с.
45. Hurwicz L. Stochastic models of economic fluctuations // *Econometrica*. 1944. V. 12. № 2. P. 114–124. URL: <https://bigenc.ru/b/stochastic-models-of-economic-fluctuations-5ceff9> (дата обращения: 19.07.23).
46. Hurwicz L., Reiter S. *Designing Economic Mechanisms*, 2006. 354 p.
47. Lee Kuan Yew. *From Third World to First: 1965–2000: Memoirs of Lee Kuan Yew*. The Singapore Story. Harper, 2000. V. 2. P. 752.
48. Lee Kuan Yew. *The Singapore Story: Memoirs of Lee Kuan Yew*. Times Editions, 1998. V. 1. P. 680.
49. Porter M.E. *Competitive Advantage of Nations*. - New York: Free Press. 2nd. ed. New York: Free Press, 1998. 896 p.
50. Porter M.E. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. 2nd ed. New York: Free Press, 1998. 592 p.

Bazyran Bizengin (e-mail: r3bizengin@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Department of management of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University (Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation)

Madina Eneeva (e-mail: madis@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Department of management of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University (Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation)

Elena Sarbasheva (e-mail: sarbasheva-le07@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Department of management of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University (Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation)

Khalimat Uyanaeva (e-mail: mtramova@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute of Informatics and Regional Management Problems (Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation)

A TICKET TO THE FUTURE OR A WINDOW OF OPPORTUNITY FOR THE REPUBLIC OF KYRGYZSTAN

The article examines the phenomenon of “economic miracle” for the states of the former USSR on the basis of the provision on the economic uncertainty of development. The possibilities of these states to create their own “economic miracle” are analyzed. It has been established that the Republic of Kyrgyzstan has the greatest opportunities to create its own “economic miracle”. The strengths and weaknesses of Kyrgyzstan have been identified. The directions and measures to strengthen the position of Kyrgyzstan on the way to creating a “Kyrgyz economic miracle” are proposed. The difficulties that stand in the way of realizing their “economic miracle” for other states of the former USSR are indicated.

Keywords: economic miracle, resource-factor matrix, transformations/transpositions of the matrix, states of the former USSR, ticket to the future, Kyrgyzstan.

DOI: 10.31857/S0207367624060036, **EDN:** bxhdpq

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 338.45; 339.9

Валентина Доржиева

кандидат экономических наук, доцент, заведующий Центром инновационной экономики и промышленной политики

ФГБУН Институт экономики РАН (Москва, Российская Федерация)

(e-mail: vvdorzhieva@inecon.ru)

О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ФОРМИРОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

В статье анализируется влияние санкций на развитие фармацевтической отрасли России и возможные риски на перспективу в контексте развития евразийской интеграции. Проанализированы результаты реализации стратегий развития фармацевтической промышленности «Фарма-2020» и первого года «Фарма-2030» на основе оценки основных показателей, характеризующих происходящие трансформации в фармацевтической отрасли. Показано, что Россия может достичь технологического суверенитета благодаря ускорению модернизации существующих производственных мощностей, созданию современных фармацевтических предприятий полного цикла и использованию научно-технического потенциала для разработки собственных инновационных лекарств. Отмечается, что, для того чтобы повысить свою конкурентоспособность и стать лидером в технологиях, России следует укрепить взаимодействие в рамках региональных интеграционных объединений на всем Евразийском континенте. Предполагается, что определенные аспекты нормативно-правовой базы ЕАЭС будут способствовать активному стимулированию развития фармацевтической индустрии. В работе также представлен обзор достижений России и стран-участниц ЕАЭС в этой сфере.

Ключевые слова: фармацевтическая отрасль, стратегия развития фармацевтической промышленности, санкции, технологический суверенитет, евразийская интеграция, единый фармацевтический рынок ЕАЭС.

DOI: 10.31857/S0207367624060041, EDN: bxfneh

К вопросу о развитии и формировании технологического суверенитета фармацевтической отрасли России

Внешние ограничения санкционной политики, направленные против России в период 2022–2023 гг., обусловили изменения и в фармацевтической отрасли как России, так и ЕАЭС, в результате которых: сократились объемы международной торговли фармацевтической продукцией; произошли перестройка торговых связей и разрыв производственно-логистических цепочек поставок сырья, оборудования и прочих материалов, необходимых для производства лекарств; трансформировалась структура единого рынка ЕАЭС, в т. ч. по поставщикам и ассортименту фармацевтической продукции; наблюдалось снижение спроса в результате повышения цен либо из-за отсутствия на рынке необходимых лекарственных препаратов [1–3]. Как показывает анализ статистических данных, в 2023 г. на фармацевтическом рынке России, несмотря на незначительный рост по объемам продаж в рублевом эквиваленте (+0,3%), наблюдался отрицательный рост в долларовом (–18,5%) (табл. 1). Отрицательный рост зафиксирован и по доле импортных препаратов

как в стоимостном эквиваленте (–1,1%), так и в упаковках (–2,8%). Совокупно доля ТОП-20 производителей в 2023 г. составила 44,3%. Лидирующую позицию по итогам 2023 г. продолжают занимать иностранные компании. Лидерами являются Bayer (Германия), Stada (Швейцария) и Отисифарм (Россия) [4].

Таблица 1

Динамика изменения основных показателей, характеризующих развитие фармацевтического рынка России в 2022–2023 гг.

Показатель	2022 г.	2023 г.	Темп роста, % (+/–)
Емкость фармрынка, млрд руб.	2570	2578	0,3
Емкость фармрынка, млрд долл.	37,8	30,8	–18,5
Доля импортных ЛП (стоимостной),%	55,5	54,9	–1,1
Доля локализованных (стоимостной) ЛП, %	44,5	45,1	1,3
Емкость фармрынка, млн упаковок	5211	5078	–2,6
Доля импортных ЛП (в упаковках),%	32,3	31,4	–2,8
Доля локализованных ЛП (в упаковках),%	64,7	68,6	6,0

Источник: рассчитано автором по данным [4, 5].

Пожалуй, самое серьезное последствие санкций – это остановка всех международных клинических исследований лекарств в России, что определяет в будущем риски, связанные с отсутствием новых разработок для производства и поставок на российский рынок инновационных фармацевтических препаратов [6]. На сегодняшний день вклад фармацевтической отрасли в ВВП России составляет около 2%. Однако потенциал отрасли позволяет увеличить эту долю до 3–5% в ближайшие 10–15 лет [7].

В этой связи фармацевтическая отрасль как стратегически значимая была включена правительством в перечень секторов экономики, приоритетных для формирования технологического суверенитета [8]. Это указывает на важность усиления мер поддержки и инвестирования в данную отрасль для стабильного роста, национальной безопасности, повышения конкурентоспособности и технологического лидерства страны на мировой арене. Ставка на технологический суверенитет¹ предполагает существенное повышение расходов на формирование собственной высокотехнологичной производственной структуры, а также научные изыскания и разработки, причем в первую очередь это потребует непосредственно от фармацевтических компаний и предполагает согласованные усилия правительства.

¹ В соответствии со Стратегией научно-технологического развития РФ, утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145, под термином «технологический суверенитет» понимается способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства». КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/

В качестве ключевых направлений достижения технологического суверенитета в фармацевтической промышленности можно выделить следующие: инновационное импортозамещение в производстве лекарственных препаратов; улучшение качества научных исследований и разработок; необходимость создания собственных центров скрининга малых молекул; активное развитие инфраструктуры для трансфера технологий и проведения доклинических исследований в соответствии со стандартами GLP; совершенствование механизмов финансирования клинических исследований и др. [9].

Важно отметить, что реализованные правительством в 2009–2020 гг. стратегия «Фарма-2020» [10] и госпрограмма [11] стали одними из наиболее успешных и эффективных отраслевых документов. Благодаря государственным мерам и механизмам поддержки в 2009–2020 гг. произошли значительные изменения в фармацевтической индустрии России, например: объем производства лекарственных средств увеличился с 129 млрд руб. в 2010 г. до 624,5 млрд руб. в 2021 г. [12]; объем экспорта — с 0,37 млрд долл. в 2009 г. до 2,63 млрд долл. в 2021 г.; прирост занятых в отрасли составил 35,8% [13].

Государственная политика была нацелена на реализацию мер, способствующих повышению уровня локализации производства препаратов из списка жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП) [14]. В результате было введено правило «третий лишний», согласно которому иностранные поставщики не допускаются к государственным закупкам фармацевтических товаров из перечня ЖНВЛП, если они произведены не в России и других странах ЕАЭС [15]. Переход к локализации в рамках курса на импортозамещение стратегии «Фарма-2020» позволил открыть 100 иностранных локальных производств и 60 новых отечественных производственных площадок, благодаря совместным инвестициям с фармацевтическими ТНК в уже существующие мощности местных компаний либо в фармацевтических кластерах, промышленных парках и технопарках [13]. Примером успешного создания ТНК собственного производства в России являются построенные фармацевтические заводы: Servier (2007) в г. Москва; Sanofi (2010) в Орловской области; Takeda (2013) в Ярославской области; Berlin-Chemie (2014) и AstraZeneca (2016) в Калужской области; Novartis (2017) в г. Санкт-Петербург. Благодаря сотрудничеству отечественных компаний с фармацевтическими ТНК существенно расширились имеющиеся компетенции в области разработки и производства лекарственных средств [13].

Прошел всего один год с момента принятия новой стратегии «Фарма-2030», однако, как отмечают эксперты, она уже не отвечает задачам обеспечения технологической независимости, на решении которых сегодня сосредоточены фармацевтическая отрасль и усилия государства, а именно — на создании фармацевтических производств полного цикла, включая собственные линии разработок инновационных лекарственных препаратов, производство субстанций и прочих материалов, необходимых для производства лекарственных препаратов, а также производство оборудования и запасных частей [16, 17].

Системные меры поддержки производителей фармацевтической продукции, предусмотренные планом мероприятий по реализации стратегии «Фарма-2030» [18], включают примерно тот же набор, который применялся при реализации стратегии

«Фарма-2020» [19], в т.ч. создание налоговых режимов для трансфера технологий, финансовую поддержку разработки лекарств, стимулирование экспорта (возврат до 10% стоимости экспортируемой продукции) и грантовую поддержку организаций, проводящих доклинические и клинические испытания препаратов. Кроме этого, предусмотрены мероприятия по созданию общей научно-исследовательской инфраструктуры отрасли, обеспечивающей развитие связей между фармацевтическим и смежными производствами, а также подготовку высококвалифицированных кадров для отрасли.

Однако на практике они действуют разрозненно, и отсутствие на федеральном уровне структуры, аналогичной госкорпорациям, существующим в других стратегически важных отраслях (таких как ГК «Ростех», ГК «Росатом» и др.), которая отвечала бы за реализацию программных документов и развитие фармацевтической индустрии, снижает эффективность. Ни одно из ведомств (Минобрнауки России, Минздрав России, Минпромторг России, Росздравнадзор и др.) формально не отвечает за эту сферу в полном объеме, чтобы в рамках возложенных на них полномочий и функций регулирования обеспечивать интересы государства в фармацевтической отрасли, а значит, обеспечить выполнение задач по обеспечению технологического суверенитета фармацевтической промышленности [20].

Кроме этого, в России, как отмечают эксперты, практически исчез государственный сектор в фармацевтике [20]. Отрасль формируют в основном частные компании, в большинстве которых учредителями являются зарубежные участники — юридические или физические лица, а проводимые научно-исследовательские (в т.ч. клинические и доклинические испытания) работы и используемые производственные площадки, по сути, являются продолжением производственного цикла фармацевтических ТНК [6, 21]. Именно это привело к нарушению цепочек поставок, приостановке инвестиций в проекты локализации производства лекарственных средств и научных исследований в результате изменения тактики деятельности иностранных фармацевтических корпораций [1–3], несмотря на отсутствие прямых санкций против России со стороны зарубежных стран в сфере фармацевтики.

Следующим приоритетом для обеспечения технологического суверенитета отечественной фармацевтической отрасли является углубление международного интеграционного сотрудничества на евразийском пространстве, в т.ч. в ЕАЭС, ШОС, БРИКС и АСЕАН. Несомненным успехом стало создание евразийской фармакопеи² в рамках единого фармацевтического рынка ЕАЭС, который может быть воспроизведен в рамках сотрудничества в других интеграционных группировках евразийского пространства.

Об особенностях развития фармацевтической отрасли ЕАЭС в условиях внешних ограничений

В ЕАЭС вопросам развития фармацевтической отрасли уделяется большое внимание, в том числе вопросам по обеспечению фармацевтического суверенитета на

² Евразийская фармакопея — это свод региональных требований и положений, устанавливающих предельный допустимый уровень качества лекарственных средств на фармацевтическом рынке Евразийского экономического союза. Она представляет собой официальный документ, включающий общие сведения, общие разделы, фармакопейные статьи и приложения, опубликованные на русском языке.

общем / едином рынке. Это включает синхронизацию целей с национальными приоритетами, промышленную кооперацию, реализацию проектов по производству лекарств на территории стран-участниц, а также активизацию взаимной и внешней торговли фармацевтическими товарами; внедряются также финансовые и регуляторные меры поддержки производителей фармацевтической продукции. В этой связи интересно проследить трансформации, произошедшие в развитии фармацевтической отрасли России и стран-участниц ЕАЭС за пятилетний период, оценить их результаты после запуска единого фармацевтического рынка ЕАЭС и перспективы формирования технологического суверенитета.

Согласно экспертной оценке IQVIA, фармрынок ЕАЭС является одним из динамично развивающихся и быстро растущих рынков: в 2023 г. его доля составляет около 2% мирового рынка; объем рынка вырос в 1,5 раза, по сравнению с 2018 г., и составил 29 млрд долл.; ежегодный прирост (кроме 2023 г.) составляет 10–12% [22]. Вместе с тем рынок ЕАЭС характеризуется высоким уровнем зависимости от импорта. Доминирующими импортерами ЕАЭС являются Германия (~19%), США (~10%), Италия (~7%), Швейцария (~7%) и Франция (~6%) [23]. Еще до пандемии COVID-2019 доля импортной фармацевтической продукции составляла около 60–70% общего объема рынка ЕАЭС, что подчеркивает необходимость внутреннего производства (рис. 1) [24].

Формирование единого фармацевтического рынка ЕАЭС началось после утверждения общих правил обращения лекарственных препаратов и медицинских изделий 29 апреля 2017 г., целью которых было упрощение импорта, местного производства и экспорта высококачественных фармацевтических товаров на мировой рынок. Анализ принятых основных нормативно-правовых документов в области регулирования единого фармацевтического рынка ЕАЭС показал, что его формирование направлено на повышение качества, безопасности и эффективности лекарственных средств, снижение импортозависимости национальных рынков и поддержку фармацевтических предприятий для повышения их конкурентоспособности на международной арене (табл. 2).

Рис. 1. Динамика развития фармацевтического рынка ЕАЭС в 2018–2023 гг.

Источник: рассчитано автором по данным: [22, 25].

Регуляторика единого фармацевтического рынка ЕАЭС

Нормативный правовой акт	Вносимые изменения
Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств (23 декабря 2014 г.)	Приведение национальных НПА и процедур в фармацевтической сфере в соответствие с идеей общего рынка ЕАЭС. Общие правила обращения лекарственных препаратов и медицинских изделий для членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – России, Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии – начали действовать с мая 2017 г.
Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. № 4	Утвержден План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. С 2021 г. фармпроизводители государств, входящих в ЕАЭС, обязаны регистрировать лекарственные препараты только по единым правилам. К 2025 г. на территории России, Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии должны быть полностью унифицированы правила производства и реализации фармацевтических препаратов и медицинских изделий
Решение Совета Комиссии от 19 марта 2022 г. № 36	Введены Правила регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения, а также процедуры ускоренной и упрощенной регистрации для ряда важнейших групп лекарственных препаратов
Решение Совета Комиссии от 19 августа 2022 г. № 127	Обновлены Правила проведения фармацевтических инспекций на соответствие производственных площадок требованиям правил GMP ЕАЭС. В настоящее время подготовлена обновленная форма сертификата GMP Союза, в которую введено указание об эквивалентности Правил GMP Союза Правилам Европейского союза
Решение Коллегии Комиссии от 4 октября 2022 г. № 137	Обновились требования к подготовке нормативного документа по качеству лекарственного препарата
Решение Коллегии Комиссии от 25 октября 2022 г. № 150	Утверждены фармакопейные статьи второго выпуска Фармакопеи ЕАЭС

Источник: составлено автором по [26].

Гармонизация нормативно-правовой базы ЕАЭС позволила также сформировать единые механизмы разработки, регистрации, производства и обращения лекарственных препаратов, правила ведения регистрационных досье и единые информационные реестры для проверки безопасности и качества лекарств, зарегистрированных на территории ЕАЭС. Благодаря этому в рамках ЕАЭС

внедрена единая фармакопея, разработанная с учетом и гармонизацией национальных требований. Эти требования определяют максимальный допустимый уровень качества лекарственных средств на фармацевтическом рынке ЕАЭС и служат критериями для оценки качества лекарств при их регистрации в рамках ЕАЭС [27]. Структура евразийской фармакопеи включает следующие разделы: общие требования к лекарственным средствам; требования к качеству активных фармацевтических ингредиентов; требования к качеству вспомогательных веществ; требования к качеству лекарственных форм; требования к контролю качества лекарственных средств; требования к упаковке, маркировке и хранению лекарственных средств. Кроме этого, были разграничены полномочия и вопросы, регулируемые на наднациональном и национальном уровнях в сфере обращения лекарственных средств [28]. Так, на наднациональном уровне регулируются вопросы создания и развития единого рынка лекарственных средств, а на национальном – вопросы, не унифицированные и не гармонизированные на уровне ЕАЭС (рис. 2) [26].

Внедрение общих регламентов в регулировании фармацевтического рынка ЕАЭС способствовало значительным изменениям в развитии отрасли. Важным решением стало и создание единого реестра зарегистрированных лекарственных средств, технологической цифровой платформы (ЕТП) и центров компетенций разработки инновационных лекарств [29]. Благодаря единым стандартам качества, безопасности и эффективности лекарственных средств страны-участницы смогли активизироваться на международных рынках и повысить качество предоставляемых услуг; они также достигли устойчивого роста основных экономических показателей фармацевтической отрасли.

В целом формирование единого фармацевтического рынка стимулировало и развитие фармацевтической промышленности в России, Армении, Беларуси,

Рис. 2. Разграничение полномочий ЕАЭС в сфере обращения лекарственных средств

Источник: составлено автором по [26].

Казахстане и Киргизии (рис. 3). Вместе с тем на нынешнем этапе существуют трудности, требующие устранения, которые связаны не только с различиями в подходах к регулированию фармацевтической отрасли среди стран-участниц ЕАЭС, но и с различной динамикой и уровнем развития (рис. 3, табл. 3).

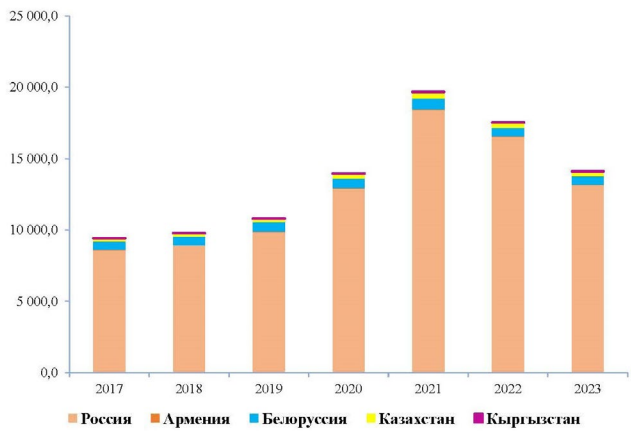

Рис. 3. Динамика производства фармацевтической продукции в странах ЕАЭС в 2017–2023 гг., млн долл.
Источник: составлено автором по данным [25].

Таблица 3

Динамика торговли в ЕАЭС фармацевтической продукцией (код ТН ВЭД ЕАЭС 30) в 2019–2023 гг.

Страна	2019 (млн долл.)	2023 (млн долл.)	Прирост (+/–),% (2023 к 2019)
Импорт группы 30 (вкл. Импорт в др. страны и в ЕАЭС)			
Армения	0,210	0,223	6,327
Белоруссия	0,845	0,619	–26,739
Казахстан	1,157	1,952	68,703
Кыргызстан	0,184	0,228	24,023
Россия	14,070	12,298	–12,595
ЕАЭС	16,465	15,320	–6,959
Экспорт группы 30 (вкл. Экспорт в др. страны и в ЕАЭС)			
Армения	0,023	0,033	43,811
Белоруссия	0,278	0,048	–82,843
Казахстан	0,059	0,049	–16,449
Кыргызстан	0,001	0,004	258,635
Россия	1,205	0,399	–66,890
ЕАЭС	1,566	0,533	–65,930

Источник: составлено по [23].

В ЕАЭС объем импорта фармацевтической продукции (по коду ТН ВЭД 30) традиционно превышает объемы экспорта, такая же ситуация наблюдается по отдельным странам (см. табл.3). Как представляется, основными ограничивающими факторами увеличения экспорта России и стран-участниц ЕАЭС является высокая насыщенность многих мировых рынков, а также зачастую отсутствие в портфелях национальных фармацевтических производителей продуктов, востребованных в других странах [30].

Как видим из данных (см. табл. 3), влияние санкций отрицательно отразилось на объемах внешней торговли ЕАЭС, особенно России и Белоруссии. Отрицательная динамика также наблюдается по экспорту Казахстана.

Важно отметить, что несмотря на высокий уровень адаптивности ЕАЭС к изменениям и вызовам внешней среды, в том числе возникающим в результате беспрецедентных санкций против России и Белоруссии, для каждой страны интеграции характерны такие же традиционные проблемы, замедляющие развитие фармацевтической отрасли, как и в случае с российским сегментом, на который приходится большая часть единого фармацевтического рынка. Возникшие санкционные ограничения негативным образом отразились прежде всего на международных торговых связях и усугубили проблему обеспечения производителей фармацевтической отрасли ЕАЭС импортными материалами и оборудованием. Согласно оценкам ЕЭК, доля внутреннего производства фармацевтических субстанций в ЕАЭС составляет 10–20% от общего объема спроса, что недостаточно для удовлетворения потребностей местных производителей готовых лекарственных препаратов [31]. В настоящий момент для России становится актуальным выход на новые рынки, и другие участницы ЕАЭС также смогут подключиться к этому процессу [32].

* * *

Безусловно, в последнее десятилетие России удалось достичь значительных успехов в развитии фармацевтической промышленности, в т.ч. благодаря реализации ряда стратегических программных документов в сфере производства лекарственных препаратов и фармацевтических субстанций. Фармацевтическая отрасль признана одним из ключевых и критически значимых секторов формирования технологического суверенитета, для обеспечения которого необходимо разработать более эффективные механизмы поддержки создания высокотехнологичных производств и научных исследований, экспортных проектов (субсидирование логистики, доклинических и клинических исследований), в том числе в рамках ЕАЭС. Для этого необходимо консолидировать усилия органов государственной власти, научно-образовательного и предпринимательского сообщества. Важно стимулировать интерес фармацевтических компаний к производству оригинальных отечественных препаратов, несмотря на возможные риски. Для этого нужно создать благоприятные условия, которые обеспечат уверенность производителей в будущем. Например, гарантировать сбыт их продукции, определив список таких лекарств на межгосударственном уровне. Формирование перечня стратегически важных лекарственных средств, производство которых должно осуществляться в рамках ЕАЭС, создаст устойчивый рынок сбыта для компаний и обеспечит лекарственную безопасность наших стран в ключевых областях фармацевтики.

Литература

1. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию. Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2023. 132 с.
2. Доржиева В.В. Фармацевтическая промышленность: последствия влияния международных санкций и результаты перезагрузки на технологическую независимость // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 12. С. 5595–5604. <https://doi.org/10.18334/epp.13.12.120006>
3. Доржиева В.В. Государственная политика импортозамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 68–78. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_68_78
4. Фармацевтический рынок России 2023 / DSM Group. URL: <https://dsm.ru/news-reports/?category=13> (дата обращения: 22.06.2024).
5. Фармацевтический рынок России 2022 / DSM Group. URL: <https://dsm.ru/news-reports/?category=13> (дата обращения: 22.06.2024).
6. Доржиева В.В. Развитие сектора исследований и разработок фармацевтической промышленности в условиях международных антироссийских санкций // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 4. С. 2269–2282. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.119770>
7. Акаева С.А. Стратегия «Фарма-2020» как пример успешной и плодотворной отраслевой программы среднесрочного развития // Экономические стратегии. 2018. № 2. С. 218–227.
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444820/ (дата обращения: 22.06.2024).
9. Доржиева В.В. Стратегия новой индустриализации фармацевтической промышленности: национальные приоритеты и новые вызовы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. № 2 (240). С. 198–215. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-240-2-198-215>
10. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 23.10.2009 № 965 «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года». / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94066/c50c8e04fc20b142c896bee42b5e3cf279f47baa/ (дата обращения: 22.06.2024).
11. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 305 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие фармацевтической и медицинской промышленности”». / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162187/336467dab1f1234d50196039885ded30d580e5c5/#dst7410 (дата обращения: 22.06.2024).
12. Промышленное производство в России / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13225> (дата обращения: 22.06.2024).
13. Распоряжение Правительства РФ от 07.06.2023 № 1495-р «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449976/ (дата обращения: 22.06.2024).
14. Распоряжение Правительства РФ от 12.10.2019 № 2406-р «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней

- лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи» / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335635/a80818c7d9593b31dbd0d3418aec02298bd57d6d/ (дата обращения: 22.06.2024).
15. Постановление Правительства РФ от 30.11.2015 № 1289 «Об ограничениях и условиях допуска происходящих из иностранных государств лекарственных препаратов, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189815/ (дата обращения: 22.06.2024).
 16. *Ивашенко А.* Стратегия «Фарма-2030» требует более амбициозных целей для обеспечения технологического суверенитета / ХИМРАР. 14.06.2024. URL: <https://chemrar.ru/andrej-ivashhenko-strategiya-farma-2030-trebuets-boleeb-ambicioznykh-celej/> (дата обращения: 22.06.2024).
 17. «Фарма-2030» — шанс для дальнейшего развития отечественной фармы в интересах пациентов / PHARMEDU. 20.06.2023. URL: <https://pharmedu.ru/publication/farma-2030-shans-dlya-dal-nejshego-razvitiya-otechestvennoj-farmy-v-interesah-pacientov> (дата обращения: 22.06.2024).
 18. Распоряжение Правительства РФ от 30.03.2024 № 753-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_474377/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 22.06.2024).
 19. *Батенева Т.* «Фарма-2020» дала импульс к развитию отечественной фарминдустрии / Российская газета. 07.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/07/farma-2020-dala-impuls-k-razvitiuu-otechestvennoj-farmindustryi.html> (дата обращения: 22.06.2024).
 20. *Гусев А.Б., Юревич М.А.* Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 3. С. 17–31. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31>
 21. *Волгина Н.А.* «Звеньевая» реструктуризация глобальных фармацевтических цепочек под влиянием пандемии COVID-19 // Вестник МГИМО Университета. 2022. № 15 (1). С. 126–142. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-126-142>
 22. IQVIA. Россия и СНГ / IQVIA Inc. URL: <https://www.iqvia.com/ru-ru/locations/russia> (дата обращения: 22.06.2024).
 23. Trade statistics for international business development / International Trade Centre (ITC). URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2024).
 24. Статистика внешней и взаимной торговли / Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 22.06.2024).
 25. Статистика ЕАЭС / Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx (дата обращения: 22.06.2024).
 26. Формирование общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий / ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/deptexreg/formirovanie-obshchikh-rynkov/> (дата обращения: 22.06.2024).
 27. *Шахназаров Б.А.* Фармакопия ЕАЭС как гармонизирующая основа требований к качеству лекарственных средств в ЕАЭС и за его пределами // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 11. С.183–193. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.144.11.183-193>
 28. Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23.12.2014 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172765/ (дата обращения: 22.06.2024).
 29. О приоритетах и долгосрочном прогнозе научно-технического развития Евразийского экономического союза. Аналитический доклад. М.: Коллегия Евразийской экономической

- комиссии. 2022. 58 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/clcr/doklad_8.2.1.pdf (дата обращения: 22.06.2024).
30. Широкова И. Экспорт как точка роста отечественной фарминдустрии // Ремендиум. 2019. № 7–8 (268–269). С. 79–81. URL: <https://remedium-journal.ru/journal/article/view/1119> (дата обращения: 22.06.2024).
31. О состоянии рынка фармацевтических субстанций Евразийского экономического союза. Аналитический доклад. М.: Евразийская экономическая комиссия. 2021. 44 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/b16/Analyz_substancii_2020.pdf (дата обращения: 22.06.2024).
32. Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад № 84 / 2023 [А.В. Точин, Т.М. Алиев, Е.С. Чимириш, А.Э. Безруков, К.С. Кузьмичев, Н.С. Пыжиков, Е.В. Стоянова; под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, А.П. Александрова, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 78 с.

Valentina Dorzhieva (e-mail: vdorzhieva@inecon.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Head of the Center for Innovative Economics and Industrial Policy,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

ON THE STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY AND THE FORMATION OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE PROSPECTS FOR THE EURASIAN PARTNERSHIP

The article analyzes the impact of sanctions on the development of the Russian pharmaceutical industry and possible risks for the future in the context of the development of Eurasian integration. The results of the implementation of the pharmaceutical industry development strategy “Pharma 2020” and of the first year of “Pharma 2030” are analyzed based on an assessment of the main indicators characterizing the ongoing transformations in the pharmaceutical industry. It is shown that Russia can achieve technological sovereignty by accelerating the modernization of existing production facilities, creating modern full-cycle pharmaceutical enterprises and using scientific and technical potential to develop its own innovative medicines. It is noted that in order to increase its competitiveness and achieve a leading position in technology, Russia should strengthen cooperation within the framework of regional integration associations throughout the Eurasian continent. It is assumed that certain aspects of the regulatory framework of the EAEU will stimulate the development of the pharmaceutical industry. The paper also provides an overview of the achievements of Russia and the EAEU member states in this area.

Keywords: pharmaceutical industry, pharmaceutical industry development strategy, sanctions, technological sovereignty, Eurasian integration, single pharmaceutical market of the EAEU.

DOI: 10.31857/S0207367624060041, **EDN:** bxfneh

© 2024

УДК: 338

Юлия Вологова

научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики
ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: yuliya-vologova@yandex.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В статье рассматриваются особенности современной научно-технологической политики (НТП) в условиях внешних вызовов и сформированных приоритетов развития. Разделяются ключевые направления реализации НТП до и после 2022 г. с выделением новых направлений Политики технологического суверенитета. Определяется место государственных корпораций в реализации основных направлений НТП, проводится комплексный анализ промежуточных результатов деятельности госкорпораций «Ростех», «Росатом» и «Роскосмос» по ответственным направлениям НТП до 2022 г., а также анализ научно-производственного потенциала и перспектив включения госкорпораций в реализацию новых направлений Политики технологического суверенитета. Сделан вывод об активном участии госкорпораций в реализации основных направлений НТП, в том числе Политики технологического суверенитета. Определены основные барьеры, сокращающие результативность участия госкорпораций в реализации НТП, разработаны рекомендации по оптимизации такого участия.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, научно-технологическая политика, промышленно-технологическая политика, технологический суверенитет, импортозамещение, государственные корпорации, «Ростех», «Росатом», «Роскосмос».

DOI: 10.31857/S0207367624060055, EDN: bwvgnnd

Введение

В нестабильных условиях международной экономико-политической среды государственная политика естественным образом смещает свой фокус на создание внутренней экономической устойчивости, относительной суверенности и безопасности с акцентом на развитие собственных возможностей. События последних лет, очевидно, привели к перестройке существовавшей ранее рыночно-ориентированной модели развития российской экономики на модель, ориентированную на достижение социальных целей как опору будущего экономического роста. При этом глобальные вызовы, связанные с переходом на новый технологический базис, формируемый технологиями «четвертой промышленной революции» и «зелеными» технологиями, и традиционная ориентированность России на лидирующие мировые позиции¹ ставят приоритетом новой экономической политики научно-технологическое развитие (далее – НТР) и эффективное использование собственного инновационного потенциала. США и страны ЕС, удерживая первенство в НТР, пытаются сформировать управляемый технологический отрыв, применяя различные меры ограничительного характера (санкции), в том числе ограничивая доступ к высокотехнологичной продукции. Все это приводит к формированию новых контуров научно-технологической политики

¹ «Горизонт 2040». URL: https://files-ice.asi.ru/iblock/165/1651b72732529007ed6831769707d3f7/Block_Gorizont_web_p_0208.pdf

России (далее – НТП), которая строится на «воспроизводстве важнейших критических и сквозных технологий, и технологическом обеспечении устойчивого функционирования и развития производственных систем» [1].

На заседании совета по науке и образованию президент отметил, что приоритеты НТР должны быть связаны как с экономическими, так и с социальными задачами, задачами в области безопасности. При этом опорой достижения ключевых направлений НТР должны являться собственные технологии, ключевые компоненты, материалы и средства производства, выпуск всей линейки необходимой продукции. Кроме того, поставлена задача достижения ведущих позиций на глобальных рынках по направлениям, в которых у страны есть или появятся уникальные компетенции².

Задачи социального характера и вопросы безопасности особым образом подчеркивают важность государственного участия в системе управления НТП. Государство выступает основным организатором, определяющим приоритеты и отдельные аспекты деятельности в новых меняющихся условиях; экономическое участие государства в решении поставленных задач НТП проявляется через деятельность крупнейших государственных компаний и корпораций. Решая задачи по разработке собственных продуктов и технологий, действуя преимущественно на высокотехнологичных рынках, госкорпорации способствуют росту предпринимательской роли государства в экономике. В этой связи становится актуальным исследование роли госкорпораций в реализации направлений современной научно-технологической политики России.

Про важность активного государственного участия в экономике писал еще Дж.М. Кейнс [2]. Условия эффективного государственного вмешательства в экономические преобразования исследовали Д. Рюшемайер и П. Эванс [3]. Среди современного научного и политического сообщества сложились неоднозначные взгляды на место государства в новой глобальной экономике, чему способствовало в том числе осознание риска беспрецедентно ограниченного функционирования мировой хозяйственной системы после COVID-19³. Многие ученые отмечают и то, что в условиях глобальных проблем и вызовов *возрастает экономическая роль государства* [4], при этом выделяется *значимая предпринимательская роль государства* в научно-технологическом развитии [5]. Существует ряд исследований, отражающих проблемы развития научно-технологической сферы непосредственно российской экономики [6]. Кроме того, достаточно широко исследована роль госкорпораций в реализации стратегических приоритетов экономического развития России [7], а также отдельных аспектов деятельности госкорпораций [8].

В рамках настоящего исследования поставлена цель проведения анализа и комплексной оценки роли государственных корпораций⁴ в реализации направлений современной научно-технологической политики России в условиях

² Стенограмма заседания совета по науке и образованию. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-soveta-po-nauke-i-obrazovaniyu-08-02-2024.html>

³ Государство вместо рынка: новая нормальность глобальной экономики? URL: <https://roscongress.org/materials/gosudarstvo-vmesto-rynka-novaya-normalnost-globalnoy-ekonomiki/>

⁴ ГК «Ростех», ГК «Росатом» и ГК «Роскосмос» как основных научно-производственных объединений.

глобальных вызовов и новых ориентиров развития. Для реализации данной цели сформулированы следующие задачи:

- определить место и роль государственных корпораций в реализации основных направлений научно-технологической политики;
- проанализировать промежуточные результаты деятельности госкорпораций по ключевым направлениям научно-технологической политики, согласно определенной роли;
- на основе аналитических данных сформировать комплексные выводы о ключевых результатах и перспективах участия госкорпораций в реализации направлений научно-технологической политики России, сформулировать основные барьеры и возможности увеличения результативности такого участия.

Анализ включения государственных корпораций в реализацию основных направлений научно-технологической политики России

Основные направления научно-технологической политики формировались начиная с 2000-х годов и к настоящему времени нашли отражение в основополагающих программных и стратегических документах:

*Прогноз научно-технологического развития (2014)*⁵. Целью его является создание и развитие перспективных направлений НТР: ИКТ, биотехнологии, медицина, новые материалы и нанотехнологии, рациональное природопользование, транспортные и космические системы, энергоэффективность и энергосбережение. При этом одними из направлений реализации целей выступают научные исследования, создание продуктов и услуг по перспективным направлениям, завоевание рынков высоких переделов;

*Государственная программа № 47 «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (2019)*⁶. Ее целями, среди прочих, являются: развитие отечественного интеллектуального потенциала, научно-техническое и интеллектуальное обеспечение структурных изменений, технологическое обновление высокотехнологичной деятельности. Одним из направлений реализации целей выступает формирование и совершенствование системы укрепления и наиболее полного использования имеющегося интеллектуального потенциала;

*Концепция технологического развития (2023)*⁷. В качестве основных целей выделяются: контроль над воспроизводством критических и сквозных технологий, инновационно-ориентированный экономический рост, усиление роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы, технологическое обеспечение устойчивого функционирования и развития производственных систем. Среди направлений политики по достижению целей выделяются: рост затрат на НИОКР, технологический суверенитет по выделенным технологиям,

⁵ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ 3.01.2014). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484380/#review>

⁶ Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (ред. от 17.01.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”». URL: <http://static.government.ru/media/files/AAVpU2sDAvMQklHV20ZJZc3MDqcTxt8x.pdf>

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/

рост инновационной, патентной активности, объема инновационных товаров, производственно-технологические цепочки с углублением локализации, технологическая модернизация производственной системы для ее глобальной конкурентоспособности;

*Стратегия научно-технологического развития (2024)*⁸, основной целью которой является обеспечение независимости и конкурентоспособности государства. Одним из ключевых направлений реализации цели можно выделить создание эффективной системы использования отечественного интеллектуального потенциала (коммерциализация инноваций)⁹.

Анализируя основные цели и направления НТП, которые представлены в стратегических и программных документах, можно сформулировать некоторые, возможно, неочевидные на первый взгляд выводы. Предполагается, что конечным исполнителем достижения целевых ориентиров является бизнес, преследующий основную цель — получение прибыли, что отчасти противоречит целеполаганию НТП (независимость государства, безопасность, развитие социальной сферы).

Вместе с тем реализация амбициозных задач — глобальная конкурентоспособность на высокотехнологичных рынках, локализация технологической продукции, эффективное использование результатов инновационной деятельности (коммерциализация инноваций) — говорит о необходимых компетенциях исполнителей целей НТП. В общем виде предполагается, что это некоторое крупномасштабное интегрируемое научно-производственное объединение, способное противопоставить себя крупным транснациональным корпорациям как лидерам мировых рынков высоких переделов. При этом конечной целью такого объединения должно являться в том числе повышение общественного благосостояния. В настоящее время наиболее близким воплощением таких объединений являются государственные корпорации (далее — ГК), в первую очередь научно-производственные: ГК «Ростех», ГК «Росатом», ГК «Роскосмос».

Основной проблемой эффективной реализации научно-технологической политики является необходимость подключения малоактивного бизнеса к решению задач научно-технологического развития, а один из наиболее доступных на сегодняшний день способов решения — через госкорпорации, которые, по сути, можно принуждать к инновациям. Намерения правительства опираться в научно-технологическом развитии на деятельность компаний с государственным участием, в том числе госкорпорации, выражаются соответствующими решениями, определяющими необходимость принятия, структуру и содержание программ инновационного развития (ПИР) госкорпораций¹⁰. Впервые ПИРы появились в 2011 г. и обязывали 56 крупнейших госкорпораций, акционерных

⁸ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/

⁹ Направления по достижению целей Стратегии научно-технологического развития 2024 г. в некоторой степени соответствуют задачам ГП № 47 «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» 2019 г.

¹⁰ См. например МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ по ежегодной отчетности о реализации программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций, государственных компаний и федеральных государственных унитарных предприятий. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/140ea82704cc5d1f6ca2da992d8f0dc1/2.pdf>

обществ и ФГУПов формировать корпоративные программы инновационного развития с целью активизации инновационных процессов на предприятиях, роста расходов на НИОКР, а также увеличения спроса на инновации, в том числе за счет вовлечения в решение научно-производственных задач малого инновационного бизнеса. В частности, были приняты следующие программы инновационного развития крупнейших научно-производственных госкорпораций:

- ПИР ГК «Ростехнологии» на период 2011–2020 гг.¹¹;
- ПИР ГК «Ростех» 2019–2025 гг.¹²;
- ПИР ГК «Росатом» (ред. 2020 г.) до 2030 г. с детализацией до 2024 г.¹³;
- ПИР ГК «Роскосмос» 2019–2025 гг.¹⁴

По итогу в последнее десятилетие благодаря принуждению к инновациям в форме ПИРов произошла трансформация инновационной деятельности госкорпораций: сформированы управленческие системы работы с инновационными проектами, выработаны специальные инструменты по планированию и внедрению инноваций, отработаны схемы привлечения малого инновационного бизнеса, НИИ и вузов в процесс решения научно-производственных задач. Ключевым результатом стало среднесрочное комплексное планирование инновационной деятельности и превращение ее в регулярные бизнес-процессы на предприятиях. Помимо прочего, это способствовало тому, что фактически через активизацию научно-производственной деятельности госкорпораций и компаний с госучастием стала расти экономическая или предпринимательская роль государства в процессах научно-технологического развития российской экономики.

Деятельность государственных корпораций «Ростех», «Росатом», «Роскосмос» всегда была сопряжена с общенациональным вектором развития экономики страны, в том числе с научно-технологическим развитием. В частности:

- глобальной целью «Ростеха» являются «лидирующие позиции России в области высоких технологий и машиностроения»¹⁵;
- целью «Росатома» является «достижение глобального лидерства в ряде высоких современных технологий»¹⁶;
- «Роскосмос» способствует «формированию экономически устойчивой, развивающейся по инновационному пути, конкурентоспособной, диверсифицированной ракетно-космической отрасли, занимающей достойное место на мировом космическом рынке»¹⁷.

¹¹ ПАСПОРТ Программы инновационного развития Государственной корпорации «Ростехнологии» на период 2011–2020 гг. Ростех, URL: <https://rostec.ru/content/files/reports/PasportPirRostec.pdf>

¹² ПАСПОРТ Программы инновационного развития Государственной корпорации «Ростех» на период 2019–2025 гг. Ростех, URL: <https://rostec.ru/innovations/projects/pasport%20PIR-2025.pdf>

¹³ ПАСПОРТ Программы инновационного развития Государственной корпорации «Росатом» на период до 2030 г. (в гражданской части) в редакции 2020 г. URL: <https://www.rosatom.ru/upload/iblock/705/7057d872e3bcc6bd5ddcc636f32220c0.pdf>

¹⁴ ПАСПОРТ Программы инновационного развития Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» на период 2019–2025 гг. URL: <https://www.roscosmos.ru/media/files/2021/JUNE/pasport.pir.roscosmos.pdf>

¹⁵ Официальный сайт Государственной корпорации «Ростех». URL: <https://rostec.ru/about>

¹⁶ Официальный сайт Государственной корпорации «Росатом». URL: <https://www.rosatom.ru/index.html>

¹⁷ Официальный сайт Государственной корпорации «Роскосмос». URL: <https://www.roscosmos.ru/> (отчет 2020 стр. 4).

Правовую и экономическую значимость госкорпораций при формировании и реализации НТП отражает их непосредственное участие в «Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации»¹⁸, а также созданные и реализуемые начиная с 2011 г. программы инновационного развития (см. выше). Для оценки места и роли госкорпораций в реализации направлений НТП России необходимо сформировать представление о самой политике и механизмах ее реализации.

В настоящее время, несмотря на отсутствие четкой структуры, правительством сформирован достаточно обширный инструментарий НТП, включающий в себя различные проекты, инициативы, государственные программы, указы президента и прочие направления реализации, призванные наиболее эффективным образом способствовать ускорению НТР и основанному на нем экономическому росту. Вместе с тем, согласно принятой Стратегии НТР 2024 г.¹⁹ и сформированным в ней «большим вызовам», была произведена разбивка по направлениям и группам технологий, с учетом действующих механизмов поддержки [9. С. 124–127]. Интересно, что по большинству вызовов в рамках действующих и перспективных проектов (федеральные программы, дорожные карты, отдельные технологии и направления, и прочие проекты) *деятельность госкорпораций (ГК «Ростех», ГК «Росатом», ГК «Роскосмос») выделяется экспертами как основной механизм поддержки приоритетных направлений реализации Стратегии НТР.*

В целом, учитывая несогласованность ряда стратегических документов [10] и сроки принятия основополагающих документов НТР – Стратегия НТР (2024) и Концепция ТР (2023), можно говорить о наличии в последние десятилетия фрагментарности реализации ключевых направлений НТП, или о «точечной» НТП. Проще говоря, от года в год наблюдается принятие и постепенная реализация ряда ключевых направлений, по большей части в виде проектных инициатив, направленных на научно-технологическое развитие российской экономики. Сведя воедино наиболее известные проектные, системные и институциональные инициативы реализации НТП, можно сформировать представление о ключевых направлениях научно-технологической политики России и провести анализ включения госкорпораций в реализацию каждого из направлений (см. табл. 1, табл. 2).

Кроме того, следует провести разграничение направлений реализации НТП до и после 2022 г. Помимо изменения акцентов на достижения технологического суверенитета в реализуемых направлениях НТП после 2022 г., анализ деятельности госкорпораций в реализации направлений НТП до 2022 г. можно провести исходя из реализованных и реализуемых проектов. После 2022–2023 гг. возможно провести только анализ научно-производственного потенциала и перспектив дальнейшего включения госкорпораций в реализацию соответствующих направлений Политики технологического суверенитета.

¹⁸ Состав Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации в редакции Указа Президента Российской Федерации от 20.07.2023 № 542. URL: <http://government.ru/info/49961/>

¹⁹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/

Таблица 1

**Роль государственных корпораций в реализации основных направлений НТП России
в период до 2022 гг.**

Направления реализации НТП	Цель	Роль госкорпораций
Развитие системы институтов инновационного развития Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8.12.2011 № 2227-р)	Развитие инновационных процессов и инновационной инфраструктуры с применением ГЧП	ГК «Ростех», ГК «Росатом», ГК «Роскосмос» участие в деятельности институтов развития (в том числе ВЭБ. РФ, Сколково): • соинвесторы, технологические партнеры, операторы проектов; • предъявление спроса на инновации
Национальная технологическая инициатива НТИ (2016) Решение по итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России (протокол от 9.06.2015 № 3) Проекты-маяки (2021) инициатива ФГБУ ФСИ в рамках конкурса «Развитие НТИ»	Принципиально новые продукты и рынки с малыми и средними компаниями вокруг, которые решают конкретные технологические задачи внутри проектов. Условия для глобального технологического лидерства России к 2035 г.	ГК «Ростех» («РТ-Венчурные инвестиции»): • член проектного комитета НТИ, поддерживает инновационные проекты, содействует проведению перспективных исследований. ГК «Ростех», ГК «Росатом», ГК «Роскосмос» • ключевые участники рынка «Технет»; • сотрудничество с технологичными компаниями НТИ, совместные исследования; • формирование спроса на продукцию компаний НТИ. ГК «Росатом», ГК «Ростех» операторы по 2 из 5 проектам-маякам: • электро- и водородный автомобиль (в рамках дорожной карты Автонет); • персональные медицинские помощники (в рамках дорожной карты Хелснет)
Проекты развития сквозных технологий (развитие высокотехнологичных направлений) Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.07.2019 № 1484-р	Структурные изменения в экономике, лидерские позиции на глобальных технологических рынках	ГК «Ростех», ГК «Росатом», ГК «Роскосмос» ответственные за развитие технологий по 10 из 16 направлений: • мобильные сети 5G; • «интернет вещей»; • новые производственные технологии;

		• новые поколения микроэлектроники и создание электронной компонентной базы; • технологии распределения реестров; • квантовые сенсоры; • технологии новых материалов и веществ; • квантовые вычисления; • технологии создания систем накопления электроэнергии, включая портативные; • перспективные космические системы
Инициативы социально-экономического развития («Технологический рывок») Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года»	Ускорение обновления важнейших отраслей экономики, создание дополнительных стимулов для бизнеса и привлечения крупных инвесторов	ГК «Росатом» ответственный за реализацию 2 из 15 инициатив: • новая атомная энергетика, в том числе малые атомные реакторы для удаленных территорий; • круглогодичный Севморпуть

Источник: составлено автором по данным открытых интернет-источников.

На заседании Совета по науке и образованию президентом были обозначены основные показатели эффективности реализации любой научной программы (направления): продукты, технологии, качественные изменения в экономике и в жизни людей²⁰. Следовательно, при оценке предварительных результатов деятельности госкорпораций по выделенным направлениям реализации НТП до 2022 г. (см. табл. 1), а также при оценке научно-производственного потенциала и «заделов» госкорпораций для реализации направлений Политики технологического суверенитета после 2022 г. (см. табл. 2) акцент делался именно на достижении обозначенных президентом показателей.

Анализ результатов деятельности госкорпораций по ключевым направлениям научно-технологической политики до 2022 г.

Сопоставление данных по основным направлениям реализации научно-технологической политики, обозначенным в нормативных документах в период 2000–2022 гг., с фактическими ролями, отведенными государственным корпорациям, показывает степень участия последних в достижении целей НТП России (см. табл. 1). Исходя из того, что госкорпорации подключены к реализации

²⁰ Стенограмма заседания совета по науке и образованию. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-soveta-po-nauke-i-obrazovaniyu-08-02-2024.html>

основных направлений НТП, а по некоторым направлениям их роль ключевая²¹, учитывая их участие в реализации приоритетов Стратегии НТР 2024 г. [9. С. 124–127], можно говорить о том, что на деятельность ГК возлагаются большие надежды и это, безусловно, порождает некоторые риски при реализации научно-технологической политики. В общем и целом роль госкорпораций в НТП России можно определить как одну из ключевых.

Определение одной из ключевых ролей государственных корпораций в реализации направлений НТП логичным образом ставит задачу проведения анализа промежуточных результатов деятельности госкорпораций на текущем этапе по каждому из определенных направлений.

Предварительные результаты деятельности госкорпораций по направлению «Развитие системы институтов развития»

Роль государственных корпораций в системе институтов инновационного развития изначально не была определена, однако за последние годы можно наблюдать все больше примеров кооперации и формирования запросов на существующие и поддержанные в рамках институтов развития проекты. В качестве примера можно привести взаимодействие госкорпораций с институтом развития «Сколково». В частности, было реализовано производство комплектующих для авиационных двигателей и наземных энергетических установок резидентом («ООО «РусТурбоТехнологии»») в кооперации с индустриальными партнерами-заказчиками (АО «ОДК», входит в «Ростех»)²², осуществлена разработка цифровых двойников для проведения виртуальных и полунатурных испытаний резидентом (ООО «ИМПО»), в том числе для «Ростеха» и «Роскосмоса»²³. Всего выявлено более 23 коопераций резидентов «Сколково» с «Ростехом», более 40 с «Росатомом» и более 12 с «Роскосмосом»²⁴.

Вывод 1. Результатом работы госкорпораций по направлению участия в системе институтов развития стало их естественное встраивание в существующую систему. В настоящее время наблюдается формирование необходимого внутреннего (российского) спроса на инновации, в том числе на начальных этапах развития отдельных проверенных экспертами институтов проектов.

Предварительные результаты деятельности госкорпораций по направлению «НТИ»

В качестве определенных ролей госкорпораций по направлению «НТИ» (см. табл. 1) было указано, среди прочего, участие в рынке «Технет», одним из предположительных результатов которого должно было являться совместное строительство «фабрик будущего» («Ростех» и «Росатом») на основе технологии системы управления на производствах (PLM-системы)²⁵. К концу 2023 г. на рынке представлена PLM-система «Росатома» «САРУС», подходящая для применения

²¹ В первую очередь имеется в виду развитие сквозных технологий с последующим созданием продукции, претендующей на выход на глобальные высокотехнологические рынки.

²² Карточка резидента Сколково. URL: <https://navigator.sk.ru/orn/1121925>

²³ Карточка резидента Сколково. URL: <https://navigator.sk.ru/orn/1123987>

²⁴ Каталог участников, URL: <https://navigator.sk.ru/?q=N4lgZiBcoC4IYHMDOb9GBPADgUyiA9gE4gA0IAloQDZShiH4C2epIM%2BLAvmY9beA2aQQrdlzlW%2B0AUxYSOwkNxBIArgCNG5GAGF8qgHYwoARjIBjIpgH0KQtgBu2A6ztT6sxfPEhzUukE5NgURTmUkPABaRmxGdVxwCFCRyA3NcMkxTTiA>

²⁵ Ростех и Росатом сообщили о разработке «умной фабрики». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5b4edb9b9a79473f2a281459?ysclid=luscm6v0ao738306078>

в машиностроительной отрасли и ОПК²⁶. Аналогичные CAD- и PLM-решения разработал и «Ростех» совместно с компанией АСКОН для использования при производстве авиадвигателей.

Фактических результатов планируемого (см. табл. 1) венчурного инвестиционного сотрудничества «Ростеха» с компаниями НТИ²⁷ в настоящее время не наблюдается. Однако имеет место сотрудничество госкорпораций с компаниями / командами / проектами НТИ в части фундаментальных исследований²⁸ и проведении образовательных программ²⁹.

Вывод 2. Одним из предварительных результатов работы госкорпораций по направлению НТИ является опыт реализации совместных фундаментальных и образовательных проектов, что способствует росту интенсивности использования интеллектуального капитала. Интересным примером является последующее разделение первоначально объединенных сфер ответственности по созданию технологий «умных фабрик». Как и по другим инициативам, реализация части мероприятий была осуществлена с привлечением госкорпорациями сторонних компетенций частного сектора («Ростех» и «Аскон»).

Предварительные результаты деятельности госкорпораций по направлению «Проекты-маяки» (создание рынков высокотехнологичной продукции)

Согласно Концепции³⁰ в настоящее время проекты-маяки реализуются в сфере коммерческих грузовых беспилотных перевозок, медицины (на основе обработки данных), развития электротранспорта; их завершение планируется к 2030 г. В реализации проектов задействованы «Росатом» и «Ростех». Значимыми результатами со стороны «Ростеха» можно назвать создание и внедрение цифровой платформы «Персональные медицинские помощники»³¹, первый успешный опыт в России грузоперевозки тяжелыми беспилотными летательными аппаратами вертолетного типа в условиях Крайнего Севера³². Здесь также стоит отметить возможное пересечение направлений реализации НТП (проекты-маяки) с федеральным проектом «Медицинские помощники». В развитии направления электро- и водородных автомобилей за фундаментальные инфраструктурные и ресурсные технологии безальтернативно отвечает «Росатом», создавая водородную энергетику как отрасль в России. В кооперации с частным сектором (Группа ГАЗ) допускается создание первого в России сертифицированного водородного

²⁶ <https://digitalrosatom.ru/marketplace/sarus>

²⁷ Венчурный фонд Ростеха начнет сотрудничество с «Платформой НТИ». URL: <https://rostec.ru/news/venchurnyy-fond-rostekha-nachnet-sotrudnichestvo-s-platfornoy-nti/?ysclid=lusd6vq38r497076135>

²⁸ Роскосмос и НТИ запланировали испытания сверхлегкой ракеты-носителя в 2024 году. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/14808565>

²⁹ Представители ПАО «ОАК» госкорпорации «Ростех» успешно завершили образовательную программу «Развитие производства для достижения технологического лидерства». URL: <https://technet-nti.ru/news/8052?ysclid=lusbnixnnm966007658>

³⁰ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/

³¹ Цифровая платформа Ростеха «Персональные медицинские помощники» агрегирует данные с 7 тыс. устройств. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-07-12_tsifrovaya_platforma_rosteha

³² Ростех первым выполнил тестовую аэробеспилотную доставку грузов за Полярным кругом. URL: <https://rostec.ru/media/pressrelease/rostekh-pervym-vypolnil-testovuyu-aerobespilotnuyu-dostavku-gruzov-za-polyarnym-krugom/?ysclid=lus8dae34q900945101>

автомобиля³³. Для реализации инициатив по данному направлению НТП также планируется привлечение средств федерального бюджета – на все пять проектов-маяков порядка 140 млрд руб. в 2022–2025 гг.³⁴

Вывод 3. Результатами деятельности госкорпораций по проектам-маякам являются созданные новые технологии и первые апробации коммерческих продуктов с потенциалом массового внедрения на всей территории России, в том числе на землях Крайнего Севера. Реализация мероприятий по данному направлению оказывает влияние на структурную перестройку экономики и создание инновационных отраслей. Для реализации намеченных планов была также (как в направлении развития высоких технологий) необходима кооперация с частным сектором (Группа ГАЗ и «Росатом»). Кроме того, отмечены высокие бюджетные финансовые вложения в проекты на начальных этапах.

Предварительные результаты деятельности госкорпораций по направлению «Развитие высокотехнологичных направлений (сквозные технологии)»

По ряду высокотехнологичных направлений (см. табл. 1) были подписаны соглашения о намерениях с Правительством России еще в 2019 г., согласованы и утверждены дорожные карты³⁵. В 2022 г. часть результатов по данному направлению НТП были оценены как скромные: «пять из 13 направлений не реализуются, а по остальным достигнута реализация не менее 25% от целевых показателей»³⁶. В качестве известного примера неудачного опыта реализации планов можно привести попытку «Ростеха» самостоятельной разработки пропывной технологии 5G³⁷, которая по итогу привела к созданию консорциума отечественных производителей оборудования для 5G-сетей с другими корпорациями и прочими отраслевыми организациями³⁸. По квантовым сенсорам также предполагается тесное взаимодействие «Ростеха» с «Росатомом», ответственным за направление квантовых вычислений и квантовых коммуникаций³⁹. Стоит отметить, что низкая степень достижения целевых показателей по ряду технологий связана в том числе с сокращением бюджетного финансирования. К примеру, «затраты на развитие в России новых производственных технологий урезали в четыре раза»⁴⁰. Предварительным результатом работы по развитию высокотехнологичных направлений можно назвать следующие примеры созданных технологий и продуктов:

³³ В группе ГАЗ допустили появление сертифицированного водородного автомобиля в 2024 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20351179?ysclid=lus91n61rv834244972>

³⁴ Пять проектов-маяков приведут Россию к технологической независимости. URL: <https://smotrim.ru/article/2904964>

³⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.07.2019 № 1484-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907100023?index=1>

³⁶ Путин заявил о «скромных результатах» проектов Ростеха. URL: <https://www.rbc.ru/business/18/07/2022/62d5442f9a79470551e4a9b1?ysclid=lubqrde2ol604709097>

³⁷ Ростех отказался от развития 5G. URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/25/no5g/>

³⁸ Интернет 5G в России и мире в 2024 году. URL: <https://www.kp.ru/expert/elektronika/5g-internet/>

³⁹ Ростех решил расторгнуть соглашение с властями по квантовым сенсорам. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/02/10/2023/6515b5319a7947007ccb6583?ysclid=lubqww6qc1190966810

⁴⁰ Затраты на развитие в России новых производственных технологий урезали в четыре раза. URL: https://gov.cnnews.ru/articles/2021-11-30_zatraty_na_razvitie_v_rossii_novyh?ysclid=lubrmzix2501494922

- универсальная платформа для цифровизации промышленности под стандарты Индустрии 4.0, система мониторинга на базе промышленного «интернета вещей» *ИТ.ИСТОК*, отечественная ИТ-система авиапассажирских перевозок «Леонардо»⁴¹ («интернет вещей», «Ростех»);
- новые технологии изготовления лопаток газотурбинных двигателей⁴² (новые технологии, «Ростех»);
- производство более 50% электронных компонентов в России, замещение около 1,3 тыс. образцов импортной электроники⁴³ (новые поколения микро- электроники и создание ЭКБ, «Ростех»);
- блокчейн-система CELLS (альтернатива SWIFT)⁴⁴ (технологии распределения реестров, «Ростех»);
- начало строительства гигафабрики литий-ионных батарей⁴⁵ для электротранспорта и электросетевого корпуса, металлы для реакторных установок⁴⁶ (технологии новых материалов и веществ, «Росатом»);
- 20-кубитный квантовый компьютер⁴⁷ (Квантовые вычисления, «Росатом»).

Развитие высокотехнологичных направлений по своей сути приводит к структурной модернизации, а следовательно, к качественным изменениям в экономике и в жизни людей. Создание отдельных технологий и продуктов (например, инфраструктура мобильных сетей, технология производства квантовых компьютеров) не имеет краткосрочного потенциала коммерциализации и даже среднесрочного потенциала окупаемости, требует большого объема «длинных» инвестиций и огромного научно-производственного капитала, поэтому их развитие в нашей стране, даже с учетом господдержки, возможно исключительно в рамках или совместно с крупными госкомпаниями, в том числе госкорпорациями.

Вывод 4. Несмотря на первоначальное разграничение ответственности по высокотехнологичному направлению (см. табл. 1), фактическая реализация мер государственной политики привела в том числе к созданию коопераций: между ГК, к примеру «Ростехом» и «Росатомом» (квантовые технологии, микроэлектроника); между ГК и частным сектором, к примеру «Ростехом» и иными отраслевыми игроками (рынок беспроводной мобильной связи). Это объясняется синергией развития высоких технологий: «интернет вещей» — программное обеспечения для больших данных — высокоскоростная сеть 5G — квантовые компьютеры — системы накопления энергии; а также отсутствием необходимых компетенций

⁴¹ Ростех на ЦИПР-2023: новые ИТ-решения и укрепление цифрового суверенитета страны. URL: <https://presscentr.rbc.ru/tpost/314k1v2il1-rosteh-na-tsipr-2023-novie-it-resheniya?ysclid=lubrxwjs2i874562505>

⁴² Ростех успешно внедрил новые технологии изготовления лопаток газотурбинных двигателей, URL: <https://dzen.ru/a/YnK3z7-6Q0Xgwl3N>

⁴³ Ростех заместил около 1,3 тыс. образцов импортной электроники. URL: <https://vz.ru/news/2022/11/23/1187892.html>

⁴⁴ Ростех объявил о создании блокчейн-альтернативы SWIFT. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6298ab7c9a7947afdd5af91f?ysclid=lubscjlg5320582746>

⁴⁵ Начался монтаж корпуса первой в России гигафабрики литий-ионных батарей. URL: <https://ria.ru/20231013/gigafabrika-1902523402.html?ysclid=lus229odvk572331263>

⁴⁶ Ученые Росатома создали передовые металлы для «реакторов будущего». URL: <https://ria.ru/20230324/rosatom-1860270321.html?ysclid=lubsze7yqx700421265>

⁴⁷ Советник гендиректора Росатома: мы уже создали 20-кубитный квантовый компьютер. URL: <https://tass.ru/interviews/20045331?ysclid=lubtarjrne721769005>

внутри одной госкорпорации. Было выявлено дублирование / пересечение деятельности в создании технологий: к примеру, как «Ростех», так и «Росатом» разработали и планируют осуществлять производство аккумуляторных батарей для электротранспорта^{48, 49}. Инструменты реализации направления – дорожные карты – пересекались с некоторыми государственными программами, вследствие чего (дорожные карты) оказались неэффективными и соглашения по ним были расторгнуты⁵⁰. Прямая зависимость ГК «Роскосмос» от бюджетных средств и высокая степень импортозависимости оборудования не позволили госкорпорации добиться существенных успехов в ответственном направлении НТП. На отдельные госкорпорации возлагаются ведущие координирующие роли и прямое участие в создании в России целых индустрий (квантовая индустрия, «Росатом»)⁵¹.

Предварительные результаты деятельности госкорпораций по направлению «Технологический рынок» (инициатива социально-экономического развития)

В рамках данного направления научно-технологической политики (см. табл. 1) «Росатом» является ответственным за реализацию связанных инициатив: по Северному морскому пути (СМП) и по новой атомной энергетике, в том числе развитию атомных станций малой мощности (АСММ). Развитие СМП – один из самых крупномасштабных проектов современности, который имеет стратегическое экономическое значение, поскольку является альтернативным средством транспортировки полезных ископаемых, составляющих существенную часть экспорта России, а также способствует развитию арктических территорий для добычи и производства еще большего числа ископаемых, в том числе сжиженного природного газа (СПГ). Кроме того, есть потенциал перевозки по СМП продовольственных и промышленных товаров, что особенно актуально в условиях санкционных ограничений. В рамках стратегической сессии были обозначены успехи госкорпорации по данному направлению⁵², что в первую очередь выражено исполнением плановых мероприятий в срок и даже перевыполнением планов⁵³. Производство АСММ является обязательным условием для эффективного освоения северных территорий, здесь также можно отметить успехи госкорпорации, сделавшей Россию единственной страной в мире с действующими АСММ⁵⁴. Однако стоит

⁴⁸ Росатом представил универсальную аккумуляторную батарею для общественного и коммерческого электротранспорта. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2024/03/28/144349?ysclid=lus3ew7hrr132004528>

⁴⁹ Ростех наладит выпуск ультрабыстрых зарядных станций для электротранспорта. URL: <https://rostec.ru/news/rostekh-naladiť-vypusk-ultrabystrykh-zaryadnykh-stantsiy-dlya-elektrotransporta/?ysclid=lus3bfnc69240173215>

⁵⁰ Ростех решил расторгнуть соглашение с властями по квантовому сенсорам, но от планов развития более современных датчиков в России не отказываются. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/02/10/2023/6515b5319a7947007ccb6583?ysclid=lubqww6qc1190966810

⁵¹ Новый федеральный проект сформирует к 2030 году широкую квантовую индустрию РФ. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2024/03/28/144457?ysclid=lubtd16lqu557709131>

⁵² Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии о реализации инициатив социально-экономического развития: технологический рынок. URL: <http://government.ru/news/51199/>

⁵³ Северный морской путь поможет развитию российской экономики. URL: <https://rg.ru/2023/08/07/severnoj-morskoj-put-pomozhet-razvitiu-rossijskoj-ekonomiki.html?ysclid=lus6i57m1w604753855>

⁵⁴ АСММ: новый тренд в атомной энергетике. URL: <https://rosatomnewsletter.com/ru/2023/03/02/small-modular-reactor-new-nuclear-trend/?ysclid=lus7aayoyl128589146>

учитывать существенный вклад бюджетного финансирования в развитие данных направлений: только на развитие СМП, согласно бюджету, было выделено 61,26 млрд руб.⁵⁵, в целом для реализации инициатив данного блока планировалось расходовать средства федерального бюджета, фонда национального благосостояния, а также частные инвестиции⁵⁶.

Вывод 5. По направлению «Технологический рывок» предварительные результаты госкорпорации можно назвать положительными, что подтверждается выполнением / перевыполнением плановых нормативов. При этом немаловажную роль играет преимущественно бюджетное финансирование проводимых мероприятий. В целом, учитывая исполнительность, высокий экономический потенциал, стратегическую значимость, реализацию данного блока направления целесообразно оставить под контролем именно государственной корпорации.

Несмотря на обозначенные приоритеты, учитываемые при оценке основных результатов деятельности госкорпорации по направлениям реализации НТП до 2022 г. (а именно – созданные инновационные продукты и технологии), следует разграничить понятия создания и воспроизводства инноваций. К примеру, система «Леонардо» «Ростеха» создана и успешно внедрена; кроме того, происходит распространение инновационного проекта в дружественные страны, в частности в Венесуэлу⁵⁷. Напротив, разработанная универсальная платформа для цифровизации промышленности под стандарты Индустрии 4.0⁵⁸ так и не получила масштабированного внедрения.

Анализ научно-производственного потенциала и перспектив включения госкорпораций в реализацию направлений политики технологического суверенитета (новые направления НТП после 2022 г.)

В связи с событиями 2022 г. произошло изменение приоритетов и поставлены новые задачи НТП, соответственно, поставлены новые задачи перед государственными корпорациями, которым, как и до 2022 г., отведены важные роли в реализации основных направлений Политики технологического суверенитета (табл. 2). В рамках Политики технологического суверенитета выделяются новые направления реализации НТП, возрастает актуальность имеющихся научно-производственных компетенций госкорпораций, способных обеспечить локализацию на базе собственного производства и выстроить полные производственные цепочки создания новых технологий и продуктов в рамках определенных Стратегией приоритетов НТР.

В связи с относительно недавней сформированностью основных проектных и программных направлений Политики технологического суверенитета можно провести анализ научно-производственного потенциала, а также имеющихся заделов госкорпораций по каждому из новых направлений НТП.

⁵⁵ Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (в соответствии с Федеральным законом от 06.12.2021 № 390-ФЗ).

⁵⁶ Правительство утвердило перечень инициатив социально-экономического развития до 2030 года. URL: <http://government.ru/docs/43451/>

⁵⁷ Система бронирования «Леонардо» начнет работать в Венесуэле с 2024 года, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6280992>

⁵⁸ Разработка компании «СТАН» при поддержке «РТ-Капитал» Госкорпорации «Ростех».

Таблица 2

Роль государственных корпораций в реализации основных направлений Политики технологического суверенитета (НТП России в период после 2022 г.)

Направления реализации НТП	Цель	Роль госкорпораций
Комплексные научно-технические программы и проекты полного инновационного цикла (КНТП и ППИЦ)* Приказы Минобрнауки России от 23.04.2019 № 37н, № 38н, от 24.04.2019 г. № 39н Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4.07.2023 № 1789-р «Об утверждении КНТП и ППИЦ «Новые композиционные материалы: технологии конструирования и производства»	Прорывные отечественные технологии, результаты, обеспечивающие повышение конкурентоспособности экономики	ГК «Росатом» ответственный исполнитель 1 из 4 проектов: комплексная научно-техническая программа полного инновационного цикла «Новые композиционные материалы: технологии конструирования и производства»
Проекты технологического суверенитета и импортозамещение (в том числе мегапроекты технологического суверенитета) Концепция технологического развития на период до 2030 г. (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р)	Локализация на территории России (организация производства на собственных линиях разработки, находящихся под национальным контролем)	- участие госкомпаний (предположительно госкорпораций) по предоставлению долгосрочных обязательств закупки продукции мегапроектов. ГК «Росатом»: контролирующая организация по разработке и реализации мегапроекта дополнительной очереди: - развитие технологий атомной промышленности
Важнейшие инновационные проекты государственного значения Приложение к письму Минобрнауки России от 19.12.2023 № МН-15/2443-ДП	Национальная безопасность, высокая эффективность экономики в целом / ключевых секторов, повышение качества жизни населения	Роли госкорпораций в настоящее время не определены, поскольку проекты не разработаны. ГК «Росатом», вероятное участие в 1 из 3 проектов: «переход к низкоуглеродной энергетике полного жизненного цикла

		с использованием новых отечественных наукоемких решений и технологий»
Развитие технологичных компаний Федеральный закон от 4.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»	Рост числа компаний по разработке и производству продукции с использованием инновационных технологий	ГК «Ростех», ГК «Росатом», ГК «Роскосмос»: • формирование спроса на инновационную и (или) высокотехнологическую продукцию (работы, услуги); • развитие технологичных компаний в рамках собственных структур

***Примечание.** Несмотря на выход соответствующих приказов Минобрнауки в 2019 г., сроки реализации по большинству КНТП и ППИЦ начинаются с 2023 г.

Источник: составлено автором по данным открытых интернет-источников.

Научно-производственный потенциал госкорпораций по направлению «Проекты полного инновационного цикла»

В настоящее время реализуется четыре проекта полного инновационного цикла, по одному из которых — «Новые композиционные материалы» (2023–2025) — ответственным исполнителем является «Росатом»⁵⁹. Научно-производственным потенциалом, на базе которого планируется реализация проекта, являются госкорпорации, имеющие достижения по данному направлению. В частности, отмечается существенный рост отечественной отрасли композитов — в 3,5 раза, 100-процентное импортозамещение в промышленной части, вхождение России в четверку лидеров наряду с США, Японией и Западной Европой и полное обеспечение своих потребностей⁶⁰.

Вывод 6. Для реализации направления проектов полного инновационного цикла (новые композитные материалы) у госкорпорации «Росатом» имеется достаточный научно-производственный потенциал и опыт успешного масштабирования рынка отечественных композитов. Однако об успешной реализации проекта можно будет говорить, когда будет сформирована инфраструктура потребления в смежных отраслях, а также выход на зарубежные рынки для окупаемости. Для этого необходима координация развития в том числе авиационной отрасли, отрасли беспилотной авиации.

Научно-производственный потенциал госкорпораций по направлению «Проекты технологического суверенитета и импортозамещение»

Касательно мегапроектов технологического суверенитета в настоящее время известны только основные направления: медицинские изделия и оборудование,

⁵⁹ Комплексная научно-техническая программа полного инновационного цикла. Новые композиционные материалы: технологии конструирования и производства. URL: <https://kntp.ntn.ru/projects/novye-kompozitsionnye-materialy/>

⁶⁰ Росатом несет композиты в массы. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-03-30/8_8694_30032023.html?ysclid=lusghcu4dr694415549

химическая, станкоинструментальная, электронная продукция, суда и судовое оборудование, дизельные двигатели, беспилотные авиационные системы, производство сжиженного природного газа и др. Все проекты имеют конечной целью локализацию производства на территории России на основе отечественных решений⁶¹. Сравнивая основные направления деятельности и имеющиеся компетенции госкорпораций, становится очевидной их опорная роль по ряду проектов.

Стоит отметить, что задолго до системного формирования приоритетов технологического суверенитета и импортозамещения данные направления входили в приоритеты деятельности госкорпораций. Это, в частности, позволило сформировать научно-технологический потенциал для дальнейшего более глубокого развития локализации отдельных высокотехнологичных направлений и выстраивания полных цепочек производства инновационной продукции.

Так, результатом работы «Росатома» является почти полная производственная независимость (98% оборудования и технологий «Росатома» – собственного производства), тенденция к сокращению бюджетного финансирования (в 2020 г. более 50% бюджетного финансирования, в 2023 г. – 33%, а к 2026 г. – до менее чем 30%)⁶². Кроме того, являясь мировым лидером атомной отрасли, «Росатом» способствует достижению глобального технологического лидерства нашей страны. Также заметны достижения госкорпорации в импортозамещении медицинского высокотехнологичного оборудования и инфраструктуры⁶³.

«Ростех» как крупнейшее машиностроительное предприятие России участвует в реализации проектов по импортозамещению оборудования для топливно-энергетического комплекса⁶⁴, гражданской авиации⁶⁵, поддерживает проекты, направленные на импортозамещение в области медицины, радиоэлектроники, энергетики и в других отраслях промышленности⁶⁶. В партнерство с «Ростехом» для реализации импортозамещения по авиационной отрасли вступила и ГК «Роскосмос»⁶⁷.

Вывод 7. Сформированными заделами госкорпораций по направлению проектов технологического суверенитета и импортозамещения можно назвать собственные технологии и продукты в высокотехнологичных (производственных) отраслях, коммерциализация и масштабное распространение которых

⁶¹ Михаил Мишустин утвердил перечень мегапроектов, направленных на разработку и производство приоритетной высокотехнологичной продукции. URL: <http://government.ru/news/48571/>

⁶² Павел Завальный: Именно от Росатома во многом зависит не только технологический суверенитет... URL: <http://komitet-energo.duma.gov.ru/novosti/c8429d5a-2b0a-43b3-9e0f-cdec49558080>

⁶³ Росатом способствует созданию устойчивой системы технологического суверенитета. URL: <https://naukarosatom.ru/news/rosatom-sposobstvuet-sozdaniyu-ustoychivoy-sistemy-tekhnologicheskogo-suvereniteta-ot-razrabotki-nov/?ysclid=lu9rcn82md521519723>

⁶⁴ Какое оборудование для ТЭК сегодня разрабатывают и производят предприятия Ростеха. URL: <https://itek.ru/analytics/intervju-kompleksnyj-podhod-k-strategicheskim-zadacham/?ysclid=lusfej4ep257980402>

⁶⁵ Курс на импортозамещение: как развивалась российская гражданская авиация в 2023 году. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1252740-grazhdanskaya-aviaciya-2023-god-itogi?ysclid=lusfk6192131796370>

⁶⁶ Ростех даст денег на 13 важных импортозамещающих инноваций гражданского назначения. URL: <https://monocle.ru/2023/12/19/rostezh-dast-deneg-na-13-vazhnykh-importozameschayuschikh-innovatsiy-grazhdanskogo-naznacheniya/?ysclid=lusfcwg35j787754425>

⁶⁷ Роскосмос подключили к проекту импортозамещенного SuperJet. URL: <https://ria.ru/20230202/superjet-1849212794.html>

стали возможными после введения санкций. Быстрая перестройка деятельности и сформированный внутренний спрос позволили также сократить бюджетное финансирование по ряду направлений, что говорит о частичной окупаемости вложений и перспективах развития такого инструмента НТП.

Научно-производственный потенциал госкорпораций по направлению развития технологических компаний

Основным регулирующим нормативом по данному направлению является Федеральный закон № 478-ФЗ⁶⁸, отражающий намерение развивать технологические компании в России. Среди существующих заделов госкорпораций по данному направлению можно отметить содействие в развитии малых технологических компаний путем создания собственных инвестиционных программ. К примеру, на базе ГК «Ростех» создана программа «Вектор», в которую только за 2023 г. было инвестировано порядка 300 млн руб.⁶⁹ Аналогичные программы развития есть и в «Росатоме», и в «Роскосмосе» («окно открытых инноваций»).

Вывод 8. Научно-производственным потенциалом госкомпаний по направлению развития технологических компаний является формирование спроса и запроса на конкретные инновационные идеи, а также инвестиционная деятельность по вложению собственных средств в развитие внешних, необходимых для деятельности инновационных технологий и продуктов.

Среди не представленных в табл. 1 и 2 направлений научно-технологической политики следует особо отметить развитие международного сотрудничества с дружественными странами. Здесь также ведется активная работа госкорпораций даже в условиях внешних ограничений. «Ростех», экспортная деятельность которого значительно пострадала от санкций, перестраивает работу, ориентируясь на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Латинской Америки, СНГ, предполагая применение политики перехода от экспорта военной продукции⁷⁰ к экспорту продукции двойного назначения⁷¹ и гражданскую. Несмотря на санкции, экспорт «Росатома» благодаря уникальному предложению распланирован на десятки лет вперед⁷². Вместе с тем, в целях развития международного сотрудничества госкорпорация предлагает в порядке кооперации с дружественными странами развивать проекты по включению стран Африки в российские технологические цепочки⁷³. «Роскосмос» осуществляет взаимодействие фундаментальных

⁶⁸ Федеральный закон от 4.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/documents/2023/08/08/fz478-site-dok.html?ysclid=lush-whiqbx959563702>

⁶⁹ Ростех и РКК «Энергия» отберут технологии для Российской орбитальной станции. URL: <https://prokosmos.ru/2024/03/26/rostekh-i-rkk-energiya-otberut-tehnologii-dlya-rossiiskoi-orbitalnoi-stantsii?ysclid=lusi4qp34c31203685>

⁷⁰ Российское выбирают за надежность. Ростех – о новинках на Dubai Airshow и об экспорте отечественного оружия. URL: <https://rg.ru/2023/11/10/rossijskoe-vybiraiut-za-nadezhnost-rosteh-o-novinkah-na-dubai-airshow-i-ob-eksporte-otechestvennogo-oruzhiia.html?ysclid=lusjuv2t2w585414400>

⁷¹ Ростех и египетская компания договорились о сотрудничестве по антидронам. URL: <https://1prime.ru/20231206/842478120.html?ysclid=lusk0i23x4594441592>

⁷² Экспорт Росатома проскочил мимо санкций. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/12/26/eksport-rosatoma-proskochil-mimo-sankciy>

⁷³ Росатом предложил африканским странам проекты технологического суверенитета. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18340041?ysclid=lu9rek79rc164449630>

и прикладных исследований как со странами Запада и США, так и с восточными странами, в том числе Индией и Китаем, а также с др⁷⁴.

Заключение

Научно-технологическая политика последних лет имела выраженный фрагментарный, несистемный, точечный характер. НТП, сформированная исходя из реализуемых проектов, программ и прочих механизмов реализации, дополнилась в период после 2022 г. по ключевым направлениям реализации проектами по достижению технологического суверенитета. Проведенное исследование показало активное подключение госкорпораций к реализации направлений НТП как до, так и после 2022 г., что говорит о существенной роли и влиянии деятельности госкорпораций на достижение основных целей НТП.

Среди основных барьеров включения госкорпораций в реализацию НТП, которые могут снизить эффективность достижения целей, можно выделить следующие:

1. Текущая высокая вовлеченность в реализацию ключевых направлений, а также возложенные на ГК большие надежды, в том числе на создание высокотехнологичных отраслей и рынков практически с нуля без партнеров. Вместе с тем успех реализации любого направления НТП обеспечивается синергией как в кооперации ГК друг с другом и с частным сектором (для объединения недостающих компетенций), так и в развитии связанных направлений. Обязательным в среднесрочной перспективе является и расширение рынков сбыта на зарубежные (дружественные) страны.

2. Активное участие госкорпораций в реализации НТП предполагает в том числе бюджетное финансирование и инвестиции, которые в условиях ограниченных ресурсов могут перенаправляться от нужд частного сектора, ограничивая при этом стимулирующие меры поддержки.

3. Тесная связь и высокая степень зависимости госкорпораций от власти порождает определенные политические риски, связанные с тем, что различные партии могут иметь различные взгляды на основы экономического развития и, следовательно, на приоритизацию проводимой научно-технологической политики.

4. Частично неконкурентная позиция госкорпораций на формирующихся внутренних высокотехнологичных рынках может создавать искусственные барьеры для входа на рынок других участников, что, в свою очередь, может привести к уменьшению эффективности и качества вновь созданных инновационных технологий, продуктов и услуг.

При оценке эффективности реализации направлений НТП стоит учитывать уже существующую высокую зависимость развития высокотехнологичных направлений от деятельности госкорпораций, а также обозначенные барьеры их дальнейшего включения. Однако в существующих ограничительных условиях и с учетом национальных целей логичным представляется развивать эффективность деятельности ГК, а не сокращать ее, т.е. максимально сфокусироваться на использовании имеющихся возможностей.

Среди барьеров, ведущих в случае преодоления к новым возможностям, можно выделить следующие:

⁷⁴ Международные проекты Госкорпорации «Роскосмос». URL: <https://www.roscosmos.ru/22888/>

1. Обеспечение достижения цели национальной безопасности и сохранения государственности в случае сосредоточения власти на рынках высоких технологий в рамках госкорпораций.

2. Синергетический эффект роста в случае успеха реализации мер по смежным направлениям НТП.

3. Потенциальная возможность дальнейшего выхода на самофинансирование с учетом наблюдающейся растущей тенденции сокращения доли бюджетного финансирования госкорпораций по ответственным направлениям, что говорит о результате частичной окупаемости проектов.

4. Наблюдается тенденция к конкуренции за развитие отдельных технологий между госкорпорациями, а также конкуренция между госкорпорациями и частным сектором за основные ресурсы (финансовые и кадровые). Это создает возможность более эффективного функционирования ГК на конкурентном рынке факторов производства, но также создает риски дисбалансов, в первую очередь на рынке труда. В данном случае необходимо применение политики планирования кадров по перспективным и базовым отраслям в соответствии со стратегическими целями развития.

Возможностями, благодаря которым можно повысить результативность участия госкорпораций в реализации направлений НТП, можно считать развитие существующего положительного опыта.

1. Дальнейшее развитие кооперации госкорпораций между собой и с частным сектором.

2. Использование потенциала быстрого воссоздания и масштабирования импортозамещающих технологий и продуктов.

3. Развитие альтернативной дорожно-транспортной инфраструктуры, в том числе для развития эффективной международной торговли.

4. Расширение спроса на внешние по отношению к госкорпорациям инновации и развитие собственного запроса на инновации.

5. Безусловным преимуществом развития высокотехнологичных товаров и услуг в рамках ГК является их немедленное производство и потребление в рамках крупной структуры, что способствует пристройке технологии и сокращению маркетинговых издержек для успешной коммерциализации инноваций.

Полученные результаты исследования раскрывают потенциал участия госкорпораций в реализации ключевых направлений современной научно-технологической политики и доказывают необходимость совершенствования эффективности таких научно-производственных объединений, как госкорпорации. Ставятся актуальные задачи дальнейшего исследования инновационности и эффективности деятельности госкорпораций, оценка их внутреннего потенциала как ответственных исполнителей ключевых направлений научно-технологического развития России.

Литература

1. Ленчук Е.Б. Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений // Экономическое возрождение России. 2023. № 3 (77). С. 16–24.
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономика, 1978. 157 с.
3. Rueschemeyer D., Evans P. 1985. The State and Economic Transformation: Toward an Analysis of the Conditions Underlying Effective Intervention. In: Evans P.B., Rueschemeyer D.,

- Skocpol T. (eds). *Bringing the State Back In: New Perspectives on the State as Institution and Social Actor*. New York: Cambridge University Press. P. 44–77.
4. *Ленчук Е.Б.* Глобальные проблемы и вызовы обуславливают возрастание экономической роли государства // *Вопросы политической экономики*. 2020. № 1. С. 112–119.
 5. *Мацукаато М.* Предпринимательское государство: Развеем мифы о государстве и частном секторе / пер. с англ. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 360 с.
 6. *Клепач А.Н., Водоватов Л.Б., Дмитриева Е.А.* Российская наука и технологии: взлет, или прогрессирующее отставание (Часть I) // *Проблемы прогнозирования*. 2022. № 6. С. 76–93.
 7. *Винслов Ю.Б., Зельднер А.Г., Котова Н.Е. и др.* Роль государственных корпораций в реализации стратегических приоритетов экономического развития России: монография / Под ред. А.Г. Зельднера, С.Н. Сильверстова. 2-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023.
 8. *Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю.* Развитие механизмов обеспечения технологического суверенитета государственными корпорациями // *Экономическая безопасность*. 2023. Т. 6. № 4. С. 1335–1358.
 9. Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета: Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию; Институт исследований и экспертизы ВЭБ: научный доклад. М.: РУДН, 2024. 140 с.
 10. *Ленчук Е.Б., Филатов В.И.* Стратегическое планирование как инструмент снижения неопределенности в условиях глобальной экономической трансформации // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2023. № 4. С. 7–24.
https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_7_24 EDN: BGPATE

Yuliya Vologova (e-mail: yuliya-vologova@yandex.ru)

Researcher at the Center for Innovative Economics and Industrial Policy,
Institute of Economics (RAS)
(Moscow, Russian Federation)

STATE CORPORATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POLICY OF RUSSIA

The article examines the features of modern scientific and technological policy (STP) in the context of external challenges and selected development priorities. The key directions for the implementation of the STP before and after 2022 are analyzed separately, with an emphasis on new directions in the Policy of Technological Sovereignty. The place of state corporations in the implementation of the STP is identified, and a comprehensive analysis of the interim results of the activities of the state corporations Rostec, Rosatom and Roscosmos is carried out in the most important areas of the STP until 2022, as well as an analysis of scientific and production potential and prospects for the inclusion of state corporations in the development of new directions. A conclusion is drawn about the active participation of state corporations in the implementation of the main directions of scientific and technical progress, including the Policy of Technological Sovereignty. The main barriers that reduce the effectiveness of state corporations are identified, and recommendations are developed to optimize their participation.

Keywords: scientific and technological development, scientific and technological policy, industrial and technological policy, technological sovereignty, import substitution, state corporations, Rostec, Rosatom, Roscosmos.

DOI: 10.31857/S0207367624060055, **EDN:** bwvgnd

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

© 2024

УДК: 331.5.024.5; 332.02

Наталья Сорокина

кандидат экономических наук,

старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: sorokina-tula@mail.ru)

ДЕФИЦИТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: МОЖЕТ ЛИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ СПОСОБСТВОВАТЬ СМЯГЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ?

Статья посвящена исследованию возможностей механизма межрегиональной миграции для смягчения проблемы дефицита рабочей силы в индустриальных регионах России. Объектом исследования являются старопромышленные регионы как особый тип индустриальных территорий. Сделано заключение, что в современных условиях межрегиональная миграция не способна оказать позитивного влияния на функционирование региональных рынков труда старопромышленных регионов. Показано наличие резерва повышения уровня оплаты труда в отраслях обрабатывающей промышленности старопромышленных регионов России. Предложены меры тактического и стратегического характеров, способствующие повышению привлекательности старопромышленных регионов для внутренних мигрантов.

Ключевые слова: старопромышленный регион, рабочая сила, межрегиональная миграция, региональный рынок труда, экономическое пространство России.

DOI: 10.31857/S0207367624060064, **EDN:** bwpybl

Актуальность исследования и постановка проблемы. В настоящее время к проблеме дефицита рабочей силы привлечено внимание широких слоев общества: о нехватке работников заявляют работодатели, значительное число актуальных вакансий на российском рынке труда фиксируют ведущие Интернет-ресурсы по поиску работы и сотрудников HeadHunter и Superjob, в январе текущего года на проблему обратил внимание Президент Российской Федерации [14].

Между тем с дефицитом кадров, прежде всего высококвалифицированных работников, уже не одно десятилетие сталкиваются отдельные отрасли экономики и территории Российской Федерации. Регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока с середины XX в. функционируют в условиях нехватки рабочей силы вследствие «западного дрейфа» миграции, выступающей главным ограничивающим фактором развития восточных регионов страны [19. С. 53]. Среди отраслей реального сектора экономики России хроническую нехватку рабочих кадров испытывает обрабатывающая промышленность, столкнувшаяся с их дефицитом еще в 2000-е годы, когда после трансформационного спада в стране возобновился экономический рост. Выраженный циклический характер спроса на труд в тех индустриальных регионах страны, где основу экономики составляют трудоемкие отрасли промышленного производства, делает особо актуальными исследования специфики дефицита рабочей силы и способов его преодоления в регионах

данного типа. С учетом масштаба проблемы в рамках данного исследования рассмотрен один из аспектов возможного ее решения — использование механизма межрегиональной миграции для смягчения проблемы дефицита рабочей силы.

Влияние миграции на рынок труда — тема не новая, она часто рассматривается в работах отечественных и зарубежных ученых, практико-ориентированные исследования миграционных процессов на региональном уровне реализованы практически в каждом субъекте Российской Федерации. В соответствии с общей теорией миграции [24] главными экономическими факторами межрегиональной миграции являются: региональные различия рынков труда, индикаторами которых выступают уровень безработицы и уровень оплаты труда, а также величина издержек перемещения, снижение которых ведет к росту миграционной активности населения [22]. При прочих равных условиях миграционный приток будет направлен в те регионы, где спрос на рабочую силу превышает ее предложение, смягчая остроту нехватки рабочей силы на региональном рынке труда в целом. Экономические теории не дают однозначного ответа на вопрос о том, как влияет на интенсивность миграции уровень оплаты труда в регионах, принимающих мигрантов [3. С. 123]. Однако практика показывает, что миграционный поток направлен от регионов с низким уровнем заработной платы в регионы, где заработная плата выше. Исследователи едины в том, что в условиях безработицы межрегиональные миграционные потоки способны оказать значимое положительное влияние на экономический рост в регионах, принимающих мигрантов [25]. Вместе с тем интенсивность миграционных потоков отрицательно связана с удаленностью регионов друг от друга [5. С. 115], что ослабляет потенциал межрегиональной миграции в больших по территории странах, к числу которых относится Российская Федерация. Следует отметить, что на интенсивность межрегиональной миграции оказывают влияние общий уровень экономического развития регионов, объем инвестиций в экономику, доступность объектов социальной инфраструктуры, уровень преступности, специфика региональной миграционной политики и целый ряд других факторов, определяющих качество жизни населения конкретной территории [11].

Цель статьи заключается в проверке гипотезы, способна ли межрегиональная миграция смягчить дефицит рабочей силы в индустриальных регионах России.

Старопромышленный регион как особый тип индустриальных территорий. Объектом исследования являются старопромышленные регионы России — тип индустриальных территорий, отличительными признаками которых являются [10]:

- преобладание в структуре региональной экономики специализированных отраслей уходящих технологических укладов;
- наличие противоречия между традиционной индустриальной специализацией территории и требованиями утверждающегося технологического уклада;
- сложность адаптации (по сравнению с индустриальными регионами других типов) к изменяющимся условиям внешней среды.

На территории Российской Федерации могут быть выделены 19 старопромышленных регионов, распределенные в экономическом пространстве страны неравномерно: их наибольшее число сосредоточено в Приволжском федеральном округе, значительное число регионов данного типа находится в Центральном

и Сибирском федеральных округах; они также представлены в Уральском и Южном федеральных округах. В рамках исследования особое внимание уделено экономически развитым, но обладающим различной миграционной привлекательностью старопромышленным регионам центра России и Урала (табл. 1).

Таблица 1

Старопромышленные регионы центра России и Урала

Состав регионов	Федеральный округ	Специфика проблем развития территории
Липецкая область, Рязанская область, Тульская область, Ярославская область	Центральный федеральный округ	Сокращение численности населения; отставание темпов обновления промышленных мощностей от потребностей развития; расслоение населения по уровню жизни, возникновение территориальной дифференциации [15]
Свердловская область, Челябинская область	Уральский федеральный округ	Проблемы, связанные с истощением природных запасов и ухудшением условий их добычи; высокий уровень техногенной нагрузки; низкий уровень диверсификации структуры экономики [16]

Источник: составлено автором.

Следует отметить, что региональные рынки труда старопромышленных регионов в части, касающейся спроса и предложения рабочей силы для отраслей промышленного производства, традиционно являются несбалансированными. На различных этапах экономического цикла периоды избытка квалифицированной рабочей силы чередуются с периодами ее дефицита, что объясняется положениями общей экономической теории, в логике которых рост экономики способствует созданию новых рабочих мест, и в результате возникает потребность в дополнительных квалифицированных работниках; на этапе спада сокращение производства обуславливает ситуацию, когда предложение труда становится избыточным по отношению к стагнирующему спросу. Нециклические факторы несбалансированности региональных рынков труда индустриальных регионов еще в начале прошлого десятилетия раскрыл В.Е. Гимпельсон, утверждающий, что для российской обрабатывающей промышленности характерно «сжатие спроса на труд в промышленности в целом и на квалифицированный труд в частности» [6. С. 18].

Следует констатировать, что в настоящее время для рынков труда старопромышленных регионов характерна нехватка квалифицированной рабочей силы, о чем свидетельствуют данные портала hh.ru – ведущего российского сайта по поиску работы и сотрудников (табл. 2).

Ситуация на региональных рынках труда всех исследуемых старопромышленных регионов определяется как дефицит соискателей, причем разрыв между спросом на квалифицированный труд и его предложением в целом по экономике регионов выше, чем в отраслях обрабатывающих производств, что косвенно свидетельствует об ограничении внутрирегиональных источников покрытия име-

Таблица 2

Потребность в рабочей силе обрабатывающих производств старопромышленных регионов

Регион	Ведущие отрасли экономики региона (по доле в объеме отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», %)	hh.индекс* в целом по экономике региона / по профессиональной области «производство, сервисное обслуживание»
Старопромышленные регионы центра России		
Липецкая область	Производство металлургическое	2,9 (дефицит соискателей) / 2,6 (дефицит соискателей)
Рязанская область	Производство резиновых и пластмассовых изделий; производство прочей неметаллической минеральной продукции; производство электрического оборудования	2,5 (дефицит соискателей) / 2,0 (дефицит соискателей)
Тульская область	Производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; производство химических веществ и химических продуктов	2,4 (дефицит соискателей) / 2,1 (дефицит соискателей)
Ярославская область	Производство прочих транспортных средств и оборудования; производство химических веществ и химических продуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий	3,2 (дефицит соискателей) / 2,5 (дефицит соискателей)
Старопромышленные регионы Урала		
Свердловская область	Производство металлургическое	2,6 (дефицит соискателей) / 1,9 (острый дефицит соискателей)
Челябинская область	Производство металлургическое	2,8 (дефицит соискателей) / 2,3 (дефицит соискателей)

Примечание. * hh.индекс — показатель, характеризующий соотношение количества резюме к количеству вакансий на рынке в целом или в выбранной профессиональной области.

Источник: составлено по: [17, 7].

ющегося дефицита рабочей силы. В долгосрочной перспективе проблема может быть решена активным внедрением принципов бережливого производства и существенным повышением производительности труда работников обрабатывающих производств, однако в текущий момент смягчение дефицита квалифицированных кадров предполагает преимущественное использование экстенсивных инструментов, одним из которых является миграция. Специфика спроса на рабочую силу в индустриальных регионах заключается в том, что обрабатывающая промышленность испытывает потребность в квалифицированных рабочих и инженерно-технических работниках, в силу чего международная миграция не может стать значимым источником снижения дефицита рабочей силы. Мигранты из стран Азии, прежде всего Таджикистана и Узбекистана [20], составляющие основу миграционного притока населения в Российскую Федерацию, не обладают необходимой квалификацией

для деятельности в отраслях промышленного производства, предъявляющих довольно высокие требования к опыту и подготовке рабочей силы.

Следует отметить, что в стратегической перспективе уровень валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности России должен увеличиться не менее чем на 40%, по сравнению с 2022 г. [12], что еще больше обострит проблему нехватки квалифицированной рабочей силы в старопромышленных и других типах индустриальных регионов.

Используемые данные. Исследование основано на годовых данных Росстата в период 2020–2022 гг., характеризующийся нестабильностью промышленного производства как одного из факторов, определяющих динамику рынков труда в индустриальных регионах России (табл. 3).

Таблица 3

Динамика промышленного производства в России
(по индексу промышленного производства по виду экономической деятельности
«Обрабатывающие производства», в % к пред. году)

Характер динамики	Динамика промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»	Год
Кризис, обусловленный COVID-19 и его последствиями	Индекс вырос на 1,3% прежде всего за счет производства лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях (120,9%)	2020
Снятие карантинных ограничений и восстановление деловой активности	Восстановление объемов обрабатывающего производства на 6,4%, причем наибольший прирост имел место по группам «Производство машин и оборудования общего назначения» и «Производство текстильных изделий»	2021
Спад, обусловленный санкционными ограничениями стран «коллективного Запада»	Снижение объемов составило 1,3% прежде всего за счет падения производства автотранспортных средств (55,3%)	2022

Источник: составлено по: [8, 13, 18].

Для оценки динамики межрегиональной миграции были использованы данные о миграционном приросте (убыли) населения за счет передвижений в пределах России с другими регионами; в качестве факторных признаков – показатели уровня безработицы и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в старопромышленных регионах России.

Результаты и их обсуждение. В поисках ответа на вопрос, поставленный в названии статьи, исследуем главные экономические факторы, способствующие межрегиональной миграции (табл. 4).

Прежде всего следует отметить, что в период 2020–2022 гг. для всех исследуемых старопромышленных регионов была характерна миграционная убыль, обусловленная оттоком населения в другие регионы России. В 2020–2021 гг. отмечалось некоторое снижение миграционной подвижности населения,

Таблица 4

Факторы межрегиональной миграции в старопромышленных регионах центра России и Урала

Регион	Уровень безработицы, %			Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.			Миграционный прирост (убыль) населения за счет передвижений в пределах России с другими регионами, человек		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Старопромышленные регионы центра России									
Липецкая область	4,3	4,2	3,7	36 790	40 188	46 711	–409	–1383	–2730
Рязанская область	5,4	4,0	2,9	36 459	40 631	45 770	431	–51	–1019
Тульская область	4,4	3,8	3,6	40 889	44 726	51 218	–1328	–2058	–3152
Ярославская область	7,3	5,9	5,0	37 820	41 209	47 388	–675	–682	–497
Старопромышленные регионы Урала									
Свердловская область	5,8	4,1	3,5	43 256	48 590	55 308	–2777	–2399	–4361
Челябинская область	6,8	4,9	3,1	39 349	43 781	50 104	–2797	–5947	–2286
Справочно: в среднем по России	5,8	4,8	3,9	51 344	57 244	65 338	—	—	—

Источник: [17].

преимущественно связанное с карантинными ограничениями, введенными в рамках противодействия пандемии COVID-19, но к 2022 г. миграционная убыль вновь усилилась и достигла допандемических уровней [20]. Вышесказанное подтверждает заключение П.Л. Кириллова и А.Г. Махровой, что миграционный отток населения отличает «медленно модернизирующиеся регионы с унаследованным и труднопреодолимым индустриальным бременем» [23. С. 35]. Таким образом, «старопромышленность» как феномен развития индустриальных территорий может быть признана фактором риска, обуславливающим миграционный отток населения из регионов данного типа.

Для старопромышленных регионов Урала характерны более высокие уровни миграционной убыли, обусловленной межрегиональной миграцией населения, но надо учитывать, что Свердловская и Челябинская области существенно превосходят по численности населения старопромышленные регионы центра России. Чем больше численность населения региона, тем больше миграционный отток.

Проблема заключается в том, что все исследуемые регионы относятся к группе территорий, в которых численность населения сокращается вследствие естественной убыли и миграционного оттока, при этом в Рязанской и Челябинской областях отмечается превышение естественной убыли над миграционным приростом [20]. Миграционная убыль, обусловленная межрегиональной миграцией населения, не только обостряет локальную проблему сбалансированности региональных рынков труда, но и является симптомом более масштабной проблемы — сокращения численности населения регионов данного типа, истощения их специфического человеческого капитала, основу которого составляет инженерно-техническая интеллигенция — квалифицированные кадры, получившие подготовку по инженерным и естественнонаучным специальностям и работающие в секторе науки и НИОКР в промышленности [1. С. 117].

Доступные для анализа данные официального статистического наблюдения не позволяют оценивать межрегиональную миграцию между исследуемыми старопромышленными регионами, однако позволяют сделать вполне обоснованное предположение, что центром миграционного притока населения старопромышленных регионов центра России являются г. Москва и Московская область — единственные из 18 регионов Центрального федерального округа [20], имевшие миграционный прирост за счет передвижений в пределах России с другими регионами на протяжении всего периода 2020–2022 гг. Можно предположить, что данное направление миграционного движения характерно и для населения старопромышленных регионов Урала. Территориально они в существенно большей степени удалены от столичной агломерации, однако более высокая отдача от человеческого капитала в г. Москве и Московской области и снижение барьеров внутренней миграции в России [4. С. 125] стимулируют это направление миграционного движения населения. Данное предположение подтверждается результатами исследований, представленных в упомянутой выше работе П.Л. Кириллова и А.Г. Махровой [23. С. 35], где показано, что миграционные потоки направлены в направлении «столичных» территорий, которые отличают «привлекательные показатели рынков труда ... и качество условий жизни населения».

Что касается уровня безработицы, то в исследуемый период он сократился во всех старопромышленных регионах, однако наиболее существенно тенденция проявилась в 2022 г. Если в 2020 г. минимальный уровень безработицы составлял 4,3%, то в 2022 г. он снизился до 2,9%, а разрыв между максимальным и минимальным значениями показателя сократился с 3 до 2,1% соответственно. При этом существенных различий в уровнях безработицы в старопромышленных регионах центра России и Урала не выявлено. Если в регионах других типов, пострадавших от санкций со стороны стран «коллективного Запада», в 2022 г. применялась практика неполной занятости и даже высвобождения персонала, то в старопромышленных регионах вследствие увеличения выпуска импортозамещающей и оборонной продукции сложилась прямо противоположная ситуация: возник повышенный спрос на квалифицированную рабочую силу со стороны предприятий обрабатывающей промышленности. Так, в 2022 г. завод-производитель газотурбинных агрегатов (Ярославская область) в связи

с высоким спросом на продукцию объявил об увеличении числа рабочих мест для производственных рабочих на 20% [2].

Предприятия обрабатывающих производств, расположенных в старопромышленных регионах, вынуждены были ради привлечения и удержания кадров повышать заработную плату; расширять перечень мер социального характера прежде всего для молодых специалистов; изменять политику найма сотрудников, в частности привлекать несовершеннолетних в возрасте от 16 лет и кандидатов старших возрастов. По данным Банка России, 82% предприятий в 2022 г. повысили зарплату своим сотрудникам [2]. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в 2020–2022 гг. выросла во всех исследуемых старопромышленных регионах, причем рост превысил официальные данные по инфляции в Российской Федерации [9]. Уровень оплаты труда в старопромышленных регионах Урала выше, чем в регионах центра России, однако в даже в 2022 г. он оказался ниже средних показателей по стране. Средние темпы роста заработной платы в старопромышленных регионах центра России и Урала также были сопоставимы: в 2022 г. по сравнению с 2020 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников старопромышленных регионов выросла в 1,25–1,27 раза.

Таким образом, в условиях резкой смены динамики промышленного производства и внутрирегиональной экономической активности ни уровни оплаты труда и безработицы, ни динамика их изменения не оказывают существенного влияния на миграционные потоки между регионами.

Выводы и перспективы. Представленные данные позволяют дать следующий эмпирический ответ на вопрос, вынесенный в название статьи: в сложившихся в настоящее время условиях межрегиональная миграция не способна существенно ослабить проблему дефицита рабочей силы в старопромышленных регионах России, поскольку данный тип индустриальных территорий не является привлекательным для внутренних мигрантов. Миграционный отток населения из старопромышленных регионов является не только фактором, усиливающим дисбаланс спроса и предложения рабочей силы на региональных рынках труда, но и индикатором более низкого, по сравнению с другими российскими регионами, уровня и качества жизни населения. Исчерпание специфического человеческого капитала старопромышленных регионов, основу которого составляет научно-техническая интеллигенция, является источником риска сохранения несбалансированности рынков труда регионов данного типа в обозримом будущем.

Между тем важная роль, которую играют старопромышленные регионы в обеспечении национальной безопасности России и единства экономического пространства страны, требует реализации комплекса мер, направленных на повышение привлекательности региональных рынков труда индустриальных регионов данного типа.

Мерой тактического характера, на наш взгляд, является повышение уровня оплаты труда в отраслях обрабатывающей промышленности старопромышленных регионов. По данным ИНП РАН, доля оплаты труда в ВВП России сокращается с 2017 г., и в 2022 г. в среднем по стране она составила около 39% [21]. Эта тенденция имела место и в старопромышленных регионах (рис. 1).

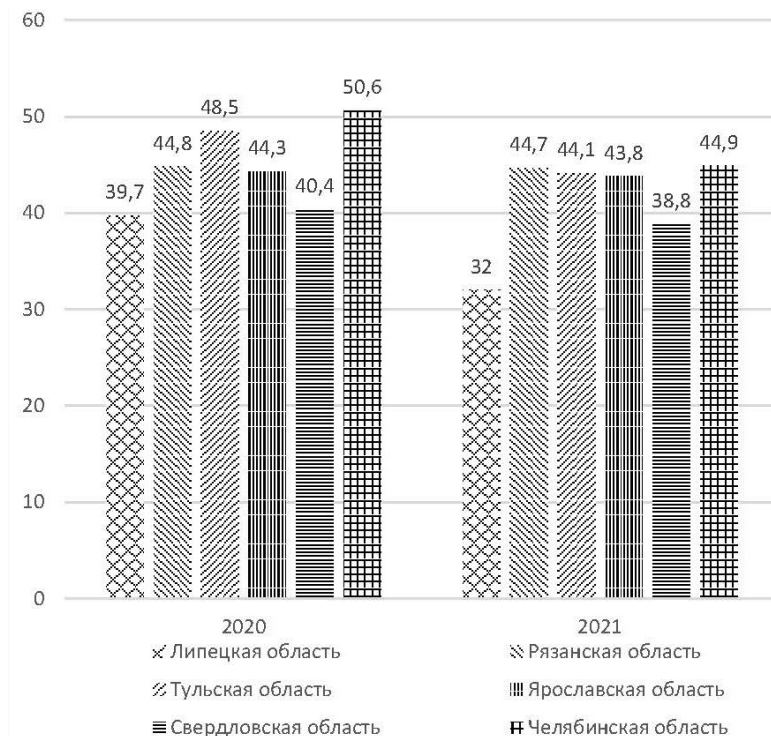

Рис. 1. Доля оплаты труда в ВРП старопромышленных регионов, %

Источник: рассчитано по: [17].

В 2020–2021 гг. во всех исследуемых старопромышленных регионах доля оплаты труда в ВРП снизилась; в наибольшей степени это снижение имело место в Липецкой, Тульской и Челябинской областях. Это свидетельствует о недооценке человеческого капитала и о наличии резерва повышения оплаты труда работников.

В краткосрочной перспективе сбалансированность региональных рынков труда также может быть обеспечена за счет развития корпоративных (производственных) систем профессионального обучения, являющихся важнейшим институциональным механизмом, позволяющим преодолеть структурное несоответствие имеющихся в регионе вакансий и специализации работников.

Приоритетными мероприятиями стратегического характера, реализация которых будет способствовать устранению причин возникновения дефицита рабочей силы на региональных рынках труда, являются следующие:

- проведение инвентаризации и модернизации промышленных мощностей обрабатывающей промышленности в рамках программ национальной и региональной промышленных политик;
- содействие росту производительности труда в отраслях обрабатывающих производств;
- разработка цифровой платформы, аккумулирующей информацию не только об особенностях спроса и предложения рабочей силы на региональных рынках труда, но и о специфике социально-экономических условий жизнедеятельности населения в регионе, что позволит обеспечить полноту, качество и доступность

информации для принятия решения о возможностях и перспективах трудоустройства на территории конкретного субъекта Российской Федерации.

Реализация вышеперечисленных мероприятий предполагает активное вмешательство государства в экономические процессы при сохранении частной собственности на средства производства. Определяющая роль при этом должна быть отведена системе государственного индикативного планирования, в рамках которой и должны осуществляться выработка и реализация общенациональных планов модернизации и развития экономики России и отдельных регионов.

Литература

1. *Абрамов Р.Н.* Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания // Вестник института социологии. 2017. Т. 8. № 1 С. 115–130.
2. Банк России. Региональная экономика: комментарии ГУ № 17. Февраль 2023 года. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43707/report_01022023.pdf
3. *Бурашнина Н. А., Смирных Л. И.* Человеческий капитал мигрантов и конвергенция российских регионов по заработной плате // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 121–138.
4. *Вакуленко Е.С.* Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 55. С. 113–138.
5. *Вакуленко Е.С., Мкртчян Н.В., Фурманов К.К.* Моделирование регистрируемых миграционных потоков между регионами Российской Федерации // Прикладная эконометрика. 2011. № 1 (21). С. 35–55.
6. *Гимпельсон В.Е.* Нужны ли нашей промышленности квалифицированные работники? История последнего десятилетия : Препринт WP3/2010/04; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 2010. 72 с.
7. Динамика hh-индекса (март 2024 г.). URL: <https://stats.hh.ru>
8. *Зубаревич Н.В.* Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 208–218.
9. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>
10. *Латов Ю.В., Сорокина Н.Ю.* Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 1. С. 6–22.
11. *Трубин В., Николаева Н., Мякишева С., Хусаинова А.* Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения: Социальный бюллетень. Аналитический центр при Правительстве РФ. 2018. Май.
12. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/?ysclid=luktfcymbb969559660
13. Промышленное производство. Индексы производства. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.
14. Путин заявил о минимальной безработице в России. URL: <https://iz.ru/1632158/2024-01-10/putin-zaiavil-o-minimalnoi-bezrabotitce-v-rossii>
15. Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2011 № 1540-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119764/906d9d10fa7bdbabac5d1a681f0bec702b7e9ef5/?ysclid=lujwun17q2333786009
16. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2011 № 1757-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа до 2020 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120672/?ysclid=lujwwgcec8b319437138

17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.
18. *Смирнов С.В.* Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012: препринт WP2/2012/04; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 76 с.
19. *Соболева С.В.* Чтобы Сибирь не обезлюдела // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. 2004. № 8. С. 50–64.
20. Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>
21. *Широв А.А.* Качество жизни населения как фактор развития российской экономики: демография, занятость, образование. URL: <https://ecfor.ru/publication/prezidium-po-vo-prosam-povysheniya-kachestva-zhizni-i-razvitiya-rossijskoj-ekonomiki/?ysclid=lum-lkzm8158135706>
22. *Barro R., Sala-i-Martin X.* Economic growth. 2 nd ed. Cambridge and London: MIT Press. 2004.
23. *Kirillov P. L., Makhrova A. G.* Shifts in interregional proportions in population settlement over the territory of Russia in 2002–2017// Population and Economics. 2019. № 3 (1). С. 21–37.
24. *Lee Everett S.* A theory of migration // Demography. 1966. V. 3. № 1. P. 47–57.
25. *Lehmann H., Oshchepkov A., Silvagni M.* Regional Convergence in Russia: Estimating a Neo-classical Growth Model. IZA Discussion Papers. No. 13039. March 2020.

Natalia Sorokina (e-mail: sorokina-tula@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

LABOUR SHORTAGE IN INDUSTRIAL REGIONS OF RUSSIA: CAN INTERREGIONAL MIGRATION HELP MITIGATE THE PROBLEM?

The article is devoted to the study of the possibilities of using the mechanism of interregional migration to mitigate the problem of labour shortage in the industrial regions of Russia. The object of the study is old industrial regions as a special type of industrial territories. It is concluded that in modern conditions interregional migration is not capable of having a positive impact on the functioning of regional labour markets in old industrial regions. It is shown that there is a reserve for increasing the level of wages in the manufacturing industries of the old industrial regions of Russia. Measures of a tactical and strategic nature are proposed to help increase the attractiveness of old industrial regions for internal migrants.

Keywords: old industrial region, labour force, interregional migration, regional labor market, economic space of Russia.

DOI: 10.31857/S0207367624060064, **EDN:** bwpybl

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

© 2024

УДК: 336.13, 339.7, 632.11

Екатерина Романчук

аспирант, младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА ДЛЯ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

В статье рассматривается проблема влияния изменения климата в Центральной Азии на наиболее уязвимые слои населения стран региона. В ходе анализа были определены факторы, негативно влияющие на уровень бедности в регионе. К последним, среди прочего, относятся устаревающая инфраструктура и экономическая деятельность, наносящая вред окружающей среде. Изменение климата и сопутствующие явления, включая участившиеся случаи стихийных бедствий, в средне- и долгосрочной перспективе негативно отразятся на макроэкономических показателях центрально-азиатских республик и приведут к увеличению количества населения, проживающего за национальной и международной чертой бедности. В этой связи предложено привлечь ресурсы работающих в регионе Евразийского банка развития и Евразийского фонда стабилизации и развития для содействия странам Центральной Азии в преодолении проблем, вызываемых изменением климата, и адаптации к данному явлению.

Ключевые слова: Центральная Азия, изменение климата, бедность, Евразийский банк развития, Евразийский фонд стабилизации и развития.

DOI: 10.31857/S0207367624060071, **EDN:** bwovxf

В последние годы международное сообщество все больше озабочено проблемами изменения климата. Однако большинство исследований данных процессов и их последствий в Центральной Азии фокусируется на проблеме обеспеченности стран водными ресурсами¹, тогда как другие аспекты этого явления, как выяснили в опубликованной недавно статье Р. Вакульчука с соавт. [2], привлекают недостаточно внимания ученых.

Россия имеет тесные социальные связи с центральноазиатскими республиками, поэтому наиболее актуальным вопросом для нашей страны является влияние изменения климата на уровень доходов населения граждан региона, в особенности наиболее уязвимых слоев общества. Вследствие того, что данное явление не только определит будущее развитие центральноазиатских республик, но и напрямую затрагивает интересы нашей страны, вопрос приобретает все большую актуальность.

Масштабы бедности в Центральной Азии

В ближайшие годы, как следует из выводов, полученных экспертами Международного валютного фонда (далее — МВФ) в ходе анализа каналов влияния

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

¹См., например, исследование М. Левистоуна [1].

изменения климата на макроэкономические показатели государств, в мировой экономике будет происходить увеличение волатильности валового внутреннего продукта (далее – ВВП) стран и уровня цен (прежде всего на продовольствие), а также вырастет дифференциация государств по национальному доходу и уровню инфляции [3]. При этом чем выше доля расходов на продукты питания в составе совокупных расходов домохозяйств, тем больший негативный эффект ощутят домохозяйства. Иными словами, изменение климата приведет к ухудшению положения, в первую очередь социально уязвимых слоев населения.

По оценкам Всемирного банка, из 78,6 млн человек, проживающих в Центральной Азии, около 5 млн человек живут менее чем на 3,65 долл. в день, а 20 млн человек – на 6,85 долл. в день [4]. В Казахстане доля населения, проживающего за национальной чертой бедности, составляет 5,2%, в Узбекистане она равна 14,1%, а в Киргизии и Таджикистане – 33,3 и 26,3% соответственно [5. Р. 58]. «Многомерно бедными», т.е. испытывающими лишения не только в виде нехватки денежных средств, но в доступе к качественным услугам здравоохранения, образования и по качеству жизни, согласно последним оценкам, являются 7,4% населения Таджикистана и 1,7% населения Узбекистана [6–8]. Уязвимыми для «многомерной бедности» остаются 20,1% населения Таджикистана и 5,2% населения Киргизии.

В 2020–2022 гг. от недоедания в Центральной Азии страдали 3,2% численности населения региона, в том числе 9,3% граждан Таджикистана, 5,7% – Туркменистана, 4,8% – Киргизии и менее 2,5% Казахстана и Узбекистана [10. Р. 152]. Распространенность острой нехватки продовольствия наблюдалась среди 4,8% населения региона, а умеренная – среди 13,6% населения. Анемия отмечалась у более чем трети женского населения в возрасте 15–49 лет Киргизии и Таджикистана, у приблизительно четверти женщин в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане [Ibid].

Однако в ближайшие годы стоит ожидать ухудшения ситуации с продовольственным обеспечением центральноазиатских государств по двум причинам. Первой из них является увеличение количества земель, подверженных деградации и эрозии вследствие плохого управления сельскохозяйственными угодьями². Вторая причина – нарастание геополитической напряженности в мире и провоцируемые ею разрывы глобальных цепочек формирования добавленной стоимости, а также фрагментация мировой торговли товарами. По оценкам Программы развития ООН, в случае роста цен на продукты питания и энергоносители количество бедного по различным международным критериям населения Туркменистана и Узбекистана вырастет на 3–4 п.п. В Киргизии и Таджикистане высокая продовольственная инфляция спровоцирует рост числа граждан, живущих на 3,2 и 5,5 долл. в день (табл. 1).

Между тем оценка масштабов бедности в Центральной Азии с использованием имеющихся в наличии статистических данных, как правило, является приблизительной, прежде всего потому что данные о доходах населения доступны не по всем странам. Так, об условиях жизни граждан Туркменистана эксперты судят

² В Киргизии эрозия и деградация затронули более 90% земель, а в других республиках – до 80% [26].

Таблица 1

Доля населения стран Центральной Азии, впадающего в бедность в результате резкого роста цен на продовольствие и энергоносители, в % от количества граждан государства

Страна	1,90 долл.	3,20 долл.	5,50 долл.
Казахстан	0,20	0,76	3,72
Киргизия	0,20	3,09	3,72
Таджикистан	0,20	3,09	3,72
Туркменистан	2,94	3,09	3,72
Узбекистан	2,94	3,09	3,72

Источник: составлено автором по данным Программы развития ООН [9. Р. 7].

исходя из информации, публикуемой новостными изданиями. В частности, американская неправительственная организация Human Rights Watch указывает на рост бедности в стране, ссылаясь на материалы средств массовой информации об ухудшении положения с доступностью продовольствия, в том числе продаваемого по субсидируемым ценам хлеба [16]. За общими показателями уровня бедности по странам зачастую оказываются скрытыми реальные масштабы этой проблемы. К примеру, как определил У. Зейтц, в отдельных районах Киргизии и Таджикистана (как правило, граничащих с Афганистаном) количество бедного населения доходит до 70% [17. С. 25]. Необходимо также учитывать, что показатели уровня бедности в странах с высокой долей сельского хозяйства в ВВП страны и зависимых от денежных переводов работающих за рубежом граждан, таких как Таджикистан, сильно варьируются в зависимости от времени года [18. Р. 41–42].

Наиболее полную картину по ситуации с бедностью в Центрально-Азиатском регионе можно сложить, анализируя показатели достижения государствами целей устойчивого развития, процент достижения которых к 2023 г. варьировался от 68,5% для Туркменистана до 74,4% для Киргизии. У всех стран региона экспертами ООН отмечались серьезные проблемы в части сохранения экосистем суши, достижения мира, правосудия и построения эффективных институтов. Так, в Казахстане имелись сложности с полным искоренением нищеты и обеспечением населения доступной и чистой электроэнергией [11], в Киргизии — с обеспечением населения достойной работой и поддержанием экономического роста [12], в Таджикистане — с хорошим здоровьем и благополучием населения, созданием устойчивой инфраструктуры, содействием всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям [13], в Узбекистане — с хорошим здоровьем и благополучием населения, обеспечением населения чистой водой и необходимыми санитарными условиями, доступной и чистой энергией [15]. Данные по Туркменистану представлены только в отношении достижения страной 14 целей из 17, из которых достигнутой считается лишь одна — искоренение нищеты и реализация гендерного равенства, достижение остальных сталкивается со значительными сложностями [14].

Стоит отметить, что ряд проблем, сказывающихся на здоровье и благополучии граждан центральноазиатских республик, хоть и освещается национальными экспертами этих стран и специалистами из международных организаций,

на протяжении длительного периода времени не решается. К ним относится, например, проблема с обеспечением населения отдельных регионов стран Центральной Азии доступом к чистой питьевой воде и качественной санитарной инфраструктуре. Так, в Таджикистане доля сельского населения, пользующегося услугами безопасной санитарии, в 2022 г. составляла менее 60% [5. Р. 76], а доля населения, обеспеченного безопасной питьевой водой, равна 55% [Ibid. Р. 75]. В Киргизии доля населения, имеющего доступ к безопасной питьевой воде, не превышает 80% (в том числе среди городского населения – 92% и сельского – 67%) [Ibid].

В то же время зачастую масштаб проблем становится очевидным только тогда, когда возникает чрезвычайная ситуация. В частности, внимание экспертного сообщества к проблеме устаревающей энергетической инфраструктуры в странах Центральной Азии обратилось после того как в отдельных регионах государств зимой из-за аварий население длительное время оставалось без тепла и света³; к проблеме с загрязнением воздуха из-за высоких показателей объемов выбросов CO₂ при сжигании топлива в расчете на общую выработку электроэнергии внимание экспертов обратилось после того как столица Киргизии – Бишкек – была признана самым грязным с точки зрения экологии городом мира [22]. Отсутствие должного учета экологической составляющей в текущей экономической деятельности государств Центральной Азии приводит к негативным последствиям для жизни и здоровья населения региона. Так, в узбекском регионе Навои, где расположены урановые рудники, был зафиксирован рост заболеваний раком женской репродуктивной системы [24]. В Киргизии у большинства матерей, чьи новорожденные дети испытывали проблемы со здоровьем, в грудном молоке обнаружены вредные пестициды и дефолианты, используемые для выращивания хлопка [25].

Таким образом, можно заключить, что в странах Центральной Азии проживает большое количество населения, являющегося бедным или имеющего потенциальную возможность оказаться в данной категории вследствие ухудшения экологической ситуации в регионе или нарастания проблем с инфраструктурой. Наиболее незащищенными остаются граждане Киргизии, Таджикистана и Туркменистана. Следовательно, можно предположить, что изменение климата прежде всего скажется на их благосостоянии.

Особенности влияния изменения климата на экономическое развитие центральноазиатских республик

Изменение климата проявляется в выбросах парниковых газов и росте температуры земной поверхности, что приводит к (1) увеличению количества жарких дней и волн жары, (2) увеличению частоты и интенсивности штормов, (3) повышению уровня мирового океана. В результате этого в мире наблюдается рост масштабов голода и плохого питания, ухудшение здоровья населения, а также появление «климатических» мигрантов.

³ К примеру, в конце 2022 г. из-за выхода из строя котлоагрегатов на ТЭЦ-2 без тепла и света на несколько дней остались жители города Экибастуз (Казахстан) [19], а также из-за перебоев в подаче газа жители некоторых районов Ташкента (Узбекистан) столкнулись с перебоями в подаче тепла и света [20]. В марте 2024 г. из-за аварии на Нурекской ГЭС без тепла и света остались жители Душанбе (Таджикистан) и близлежащих районов [21].

Суммы экономических потерь государств от изменения климата зависят от состояния экономик этих стран и наличия у правительства средств для финансирования мероприятий по адаптации к данным явлениям и нивелирования их последствий. Такими учеными, как С. Асеведо и др. [28], М. Берк и В. Танутама [29], М.Е. Кан и др. [30], Б. Акьяпи, М. Беллон, Э. Массетти [31], было выявлено, что экономические показатели стран нелинейно реагируют на экстремальные температуры и их значения зависят от уровня экономического развития страны. Негативное влияние изменения климата на экономическое развитие государств особенно сильно, как утверждают Дж. Гэллап, Дж. Сакс, А. Меллинджер [32], В. Нордхаус [33] и М. Делл, Б. Джонс, Б. Олкен [34] в своих исследованиях, проявляется в странах с развивающейся экономикой. По расчетам О. Де Бандта, Л. Жаколинина, Т. Лемера в период с 1960 по 2017 г. в странах с низким и средним уровнем дохода на душу населения повышение температуры на 1 °С приводило к снижению ежегодного роста реального ВВП на душу населения в среднем на 0,74–1,25 п. п. [35]. Наиболее подверженным внешним шокам от изменения климата является сельское хозяйство. Как выяснили М. Робертс и В. Шленкер [36], А.А. Чандио и др. [37], в краткосрочной перспективе высокие температуры повышают урожайность сельскохозяйственных культур, но в долгосрочной перспективе оказывают все более негативное воздействие.

По различным прогнозам, в период с 2070 по 2100 г. приземные температуры воздуха в Центральной Азии увеличатся в среднем на 3–7 °С, по сравнению с тем же периодом прошлого века [38]. В западных районах Туркменистана, Узбекистана и Казахстана климат станет более засушливым [39], а в горах Тянь-Шаня и в северной части региона увеличится среднегодовое количество осадков [40]. Специалисты МВФ обратили внимание на следующие особенности изменения климата в странах Центральной Азии: (1) темп роста температуры в регионе в последние годы в два раза превышает глобальные значения; (2) стало более непредсказуемым выпадение осадков (особенно в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане); и (3) увеличились частота и серьезность климатических катастроф [41. Р. 4–5].

В то время как отдельные регионы центральноазиатских республик, в особенности Казахстана, окажутся в выигрыше [42. Р. 1330], для государств в целом последствия будут неблагоприятными. Согласно прогнозам Томаса Компаса, Ван Ха Фам, Туонг Нху Че, глобальное потепление на 3 °С приведет к негативному влиянию на ВВП Казахстана и Киргизии к 2100 г. на –0,82 и –0,93% соответственно, а при потеплении на 4 °С – на –1,14 и –1,50% от ВВП стран соответственно [43. Р. 1160]. Изменение климата прежде всего повлияет на объемы местного сельскохозяйственного производства: вследствие нарастания дефицита воды в регионе к 2050 г. урожай сократится на 10–25% [44]. Дополнительные издержки сельскохозяйственные производители могут понести в случае разрушения оросительных каналов и насосных станций из-за наводнений и внезапных паводков.

Увеличение температуры в странах Центральной Азии негативно отразится на состоянии здоровья населения региона, способствуя развитию сердечно-сосудистых заболеваний и неблагоприятно влияя на развитие плода у женщин в период беременности [18. Р. 48–49]. По расчетам Всемирного банка, к 2050 г.

в Центральной Азии около 2,4 млн человек станут климатическими мигрантами. Люди будут преимущественно покидать населенные пункты на юге Казахстана, районы вокруг Ферганской долины и расположенные вдоль реки Амударья на востоке Туркменистана и на юге Узбекистана [45]. Следовательно, без вмешательства со стороны правительств для защиты наиболее уязвимых к изменению климата слоев общества можно ожидать увеличение количества бедного населения в Центрально-Азиатском регионе.

Следует обратить внимание на то, что рост уровня бедности в центральноазиатских республиках и сопровождающая его радикализация общества несет риски прежде всего для политической стабильности государств. Йоро Диалло и Рене Тапсоба, исследовавшие корреляцию между климатическими потрясениями и внутренними конфликтами в странах Африки в период с 1990 по 2018 г., пришли к выводу, что природные катаклизмы на 38% увеличивают вероятность межобщинных (но не межправительственных) конфликтов, причем эффект усиливается в странах с более неравномерным распределением доходов среди населения [46].

Помимо негативного влияния климатических изменений, на темпах экономического роста экспортно-ориентированных стран скажутся меры, принимаемые развитыми государствами для борьбы с изменением климата. Так, ежегодные потери Казахстана после введения Европейским союзом механизма корректировки «углеродных границ» (*англ.* Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM)), в случае его распространения на сырую нефть, составят 250 млн долл. из доходов от экспорта продукции черной металлургии и до 1,5 млрд долл. из доходов от нефти [47. С. 12].

Если изменение климата не отражается на макроэкономических показателях стран одномоментно (т.е. его эффекты, как правило, растянуты во времени и сопровождаются иными факторами, которые могут усугубить или, наоборот, ослабить пагубное воздействие природных процессов), то такие природные явления, как, например, масштабные стихийные бедствия, сопровождаются большими экономическими потерями в год, когда наблюдалось это явление, и позднее. Как выяснили специалисты Центра экономических исследований (Узбекистан), для достижения прежних уровней национального дохода государству после масштабной климатической катастрофы может потребоваться до двух десятилетий [27]. Стихийные бедствия приводят к разрушению инфраструктуры государства, провоцируя возникновение «эффекта домино» для других сфер человеческой жизни. Так, сбои в энергосистеме могут негативно отразиться на функционировании объектов здравоохранения и информационно-коммуникационных технологий. Оставшаяся в исправном состоянии после климатической катастрофы инфраструктура испытывает дополнительные нагрузки в случае необходимости эвакуации населения из зоны бедствия и поставки туда гуманитарной помощи. В ряде случаев климатические катастрофы могут приводить к разрыву региональных и глобальных цепочек поставок, влияя на уровень цен в странах, не пострадавших от стихийного бедствия.

Азиатский банк развития провел расчеты влияния стихийных бедствий на экономики стран Центральной Азии. Сопоставление полученных данных позволяет заключить, что в настоящее время среднегодовые потери региона от стихийных

бедствий составляют 0,51% от совокупного ВВП Центральной Азии (1507,6 млн долл.), включая 0,37% (1088,5 млн долл.) от наводнений и 0,14% (419,1 млн долл.) от землетрясений. Ежегодно число пострадавших от стихийных бедствий превосходит 2 млн человек, в том числе от наводнений — 692 тыс. человек, от землетрясений — 412 тыс. человек и от инфекционных заболеваний — 973 тыс. человек. Наибольшие потери среди стран региона несет Таджикистан. При этом в данном государстве существующее страховое покрытие не покрывает событий, происходящих раз в 5 лет, что является наихудшим показателем среди государств Центрально-Азиатского региона (табл. 2).

Однако, как считают эксперты Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана, основной проблемой для региона является засуха, из-за нее происходит большая часть (70%) чрезвычайных ситуаций природного характера, которым подвержено около 3/4 территории Центральной Азии [48. С. 40].

Следует отметить, что, несмотря на наличие значительного количества принимаемых развитыми странами исследований с оценками потенциальных потерь государств региона от изменения климата и мер по борьбе с ним, существенной остается вероятность возникновения комплексного риска, когда одно событие (даже случившееся в соседней стране) приведет к дополнительным внешним шокам.

Мероприятия по борьбе с изменением климата в странах Центральной Азии должны быть увязаны с мерами, принимаемыми для преодоления бедности в регионе, поскольку изменение климата и происходящие вследствие него процессы внутри региона и в странах — основных торговых партнерах центральноазиатских республик, в средне- и долгосрочной перспективе приведут к замедлению темпов роста экономик стран Центральной Азии, к увеличению количества бедного населения и, как следствие, к радикализации общества и повышению социально-политической нестабильности в центральноазиатских республиках.

Возможности региональных институтов развития

На национальном уровне страны Центральной Азии в последние годы принимали шаги по адаптации к последствиям изменения климата, включая разработку соответствующих национальных стратегий и планов действий. Однако, по мировым меркам, финансовых средств, выделяемых правительствами центральноазиатских государств на борьбу с изменением климата и в целом на защиту окружающей среды, оставалось недостаточно. Хотя, по расчетам МВФ, объем ежегодных вложений в реализацию адаптационной политики в регионах Центральной Азии и Кавказа в зависимости от страны должен колебаться в пределах 0,6—3,3% ВВП [54. Р. 41], в Казахстане доля инвестиционных и текущих расходов на охрану окружающей среды составила 0,2% ВВП в период с 2015 по 2017 г. [55. Р. 26], а инвестиции в других государствах были еще ниже. К примеру, в Узбекистане доля инвестиций в охрану окружающей среды в период с 2012 по 2019 г. составила 0,02% ВВП, достигнув в 2017 г. пика всего в 0,15% [56. Р. 54].

Устойчивость развития экономик Центральной Азии по-прежнему зависит от помощи международных доноров, среди которых иностранные государства и многосторонние финансовые организации. Ими за последние годы были инициированы различные проекты и программы в регионе. По подсчетам

Таблица 2

Потери центральноазиатских республик от стихийных бедствий

Показатель	Казахстан	Киргизия	Таджи- кистан	Туркме- нистан	Узбеки- стан
Экономические потери в ближайшие 100 лет, млн долл. (в % от ВВП)	1800,0 (1,0%)	680,0 (7,7%)	550,0 (6,6%)	н. д.	н. д.
Потери от землетрясений в ближайшие 100 лет, млн долл. (в % от ВВП)	1100,0 (0,6%)	1160,0 (13,1%)	885,6 (10,6%)	н. д.	н. д.
Среднегодовые потери от наводнений, млн долл. (в % от ВВП)	419,0 (0,2%)	73,3 (0,8%)	60,8 (0,7%)	139,8 (0,3%)	395,6 (0,7%)
Среднегодовые потери от землетрясений, млн долл. (в % от ВВП)	57,6 (0,03%)	72,4 (0,8%)	63,5 (0,8%)	11,3 (0,03%)	214,3 (0,7%)
Среднегодовая численность пострадавших от наводнений, тыс. человек (в % от численности населения)	156 (0,8%)	27 (0,4%)	220 (3,4%)	69 (1,2%)	220 (0,7%)
Среднегодовая численность пострадавших от землетрясений, тыс. человек (в % от численности населения)	44 (0,2%)	38 (0,6%)	160 (1,7%)	10 (0,2%)	160 (0,5%)
Среднегодовая численность пострадавших от инфекционных заболеваний, тыс. человек (в % от численности населения)	160 (0,9%)	67 (1,0%)	351 (3,8%)	44 (0,7%)	351 (1,1%)
Частота событий, при которых потери от наводнений превышают существующее страховое покрытие	1 в 10 лет	1 в 10 лет	1 в 5 лет	н. д.	1 в 5 лет
Частота событий, при которых потери от землетрясений превышают существующее страховое покрытие	1 в 75 лет	1 в 10 лет	1 в 5 лет	н. д.	1 в 10 лет

Источник: составлено автором по материалам Азиатского банка развития [49. С. 9; 50. С. 9; 51. С. 9; 52. С. 9; 53. С. 9].

Всемирного банка, страны Центральной Азии только за последнее десятилетие получили около 2,5 млрд долл. инвестиций, ориентированных на изменение климата [58. Р. 4]. При этом объем вложений России в регион в сопоставлении с другими донорами в данные мероприятия остается небольшим⁴.

Введенные государствами Запада санкционные ограничения в отношении отдельных российских физических и юридических лиц, а также непосредственно в отношении Российской Федерации, существенно сократили инструментарий, который мог бы быть использован нашей страной, в том числе через национальные институты развития, для помощи центральноазиатским республикам. В этой связи оптимальным видится использование потенциала многосторонних институтов с преобладающей долей участия России — таких как Евразийский банк развития (далее — ЕАБР) или Евразийский фонд стабилизации и развития (далее — ЕФСР).

Привлечение региональных организаций к решению проблем с изменением климата оправдано с точки зрения регионального характера угроз, с которыми сталкиваются центральноазиатские государства. К примеру, проблема совместного водопользования на протяжении всего периода независимости центральноазиатских государств остается источником напряженности в экономическом сотрудничестве не только Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, но и стран — членов Евразийского экономического союза — Казахстана и Киргизии. Так, по неофициальным данным, в августе 2023 г., после того как в расположенные на юге Казахстана населенные пункты перестала подаваться вода из Кировского и Орто-Токойского водохранилищ, расположенных на территории Киргизии, на казахстанско-киргизской границе образовалась пробка из 600 грузовых автомобилей, ожидавших таможенного оформления [60].

По состоянию на конец 2023 г. активы ЕАБР составляли 8,2 млрд долл., из которых 28,9% пришлось на займы, предоставленные клиентам, а около 50% — на денежные средства и их эквиваленты. Высокая доля денежных средств в активах банка свидетельствует о его недостаточной инвестиционной активности в регионе операций.

Более того, географическая структура распределения займов, в которой большая часть средств направляется в наиболее развитую экономику Центральной Азии — Казахстан, демонстрирует наличие значительных резервов для принятия ЕАБР рисков по работе в других государствах региона. Учитывая планы руководства банка по доведению доли «зеленых» проектов в кредитно-инвестиционном портфеле ЕАБР с 12 до 25% в 2026 г. [62. С. 12], полагаем, что расширению масштабов деятельности банка могло бы способствовать большее вовлечение банка в решение вопросов адаптации к изменению климата, в том числе финансирование строительства устойчивой инфраструктуры в Киргизии и Таджикистане.

Оценить финансовое положение ЕФСР сложнее, чем ЕАБР, так как отчетность фонда опубликована только до 2019 г. включительно. Исходя из представленной в ней информации следует, что из взятых на себя обязательств по внесению более чем 8,5 млрд долл., в ЕФСР государствами-участниками было внесено чуть более

⁴ Подробнее см. статью Е.С. Романчук [59].

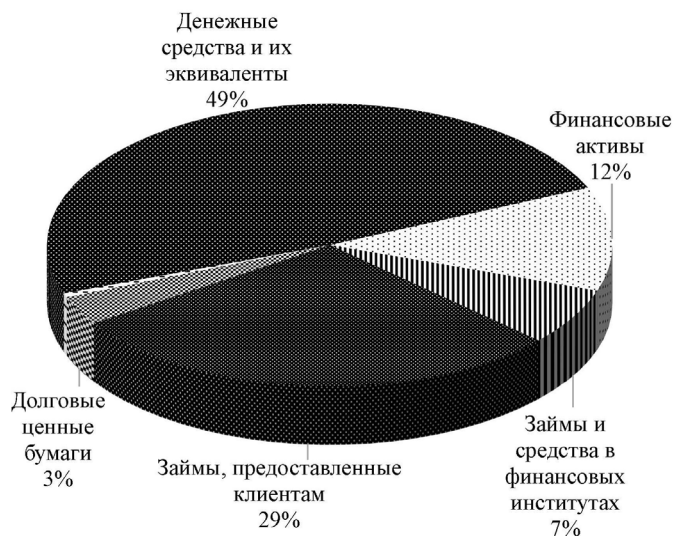

Рис. 1. Состав активов ЕАБР

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности ЕАБР за 2023 год [61. С. 3].

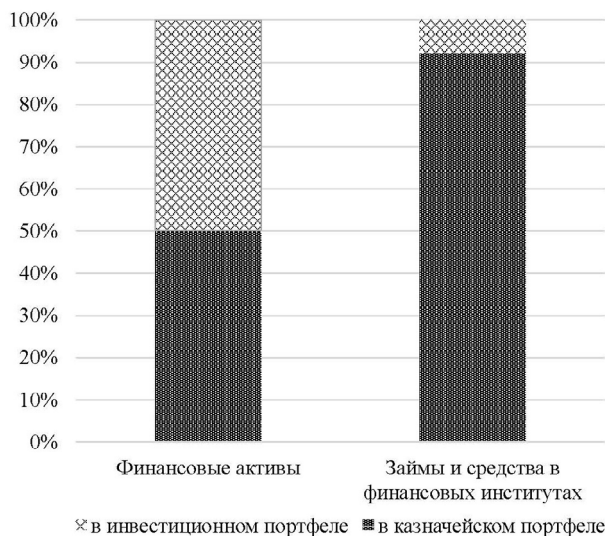

Рис. 2. Состав финансовых активов, займов и средств в финансовых институтах

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности ЕАБР за 2023 год [61. С. 3].

3 млрд долл. [63. С. 5] Еще 5,5 млрд долл. было оформлено в качестве простых, необращаемых и беспроцентных векселей. При этом чуть более четверти активов было вложено в облигации, выпущенные правительствами стран и финансовыми организациями [Там же. С. 2]. Следовательно, потенциал ЕФСР к настоящему времени использован менее чем наполовину.

По нашему мнению, двум институтам целесообразно действовать совместно, выработав единую стратегию работы в Центральной Азии, так как их функционал

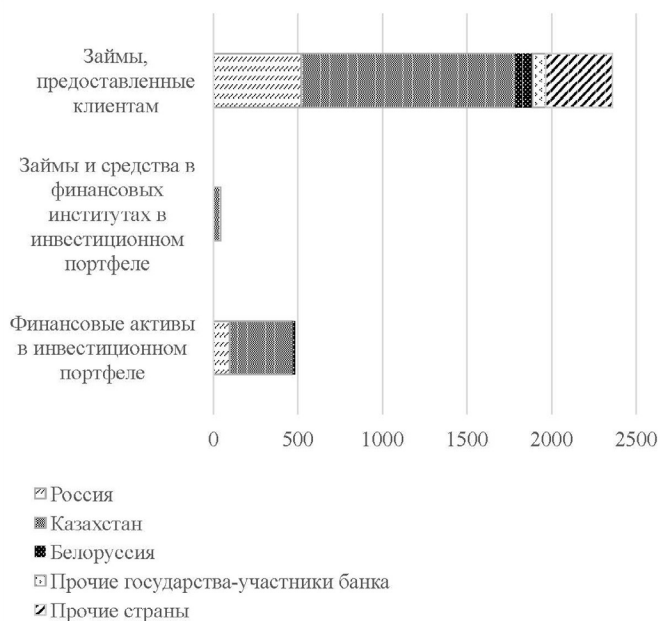

Рис. 3. Географическое распределение займов ЕАБР

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности ЕАБР за 2023 г. [61. С. 70].

дополняет друг друга: фонд оказывает содействие правительствам государств, тогда как банк финансирует частные инициативы. Наряду с финансированием таких инициатив, как строительство дополнительных объектов инфраструктуры и повышение эффективности коммунальных служб по передаче электроэнергии, ЕАБР и ЕФСР необходимо инвестировать средства в моделирование возможных рисков и составление планов по их нивелированию, ориентируясь на формирование большей связанности государств региона с Россией.

Изменение климата и сопровождающие его процессы как непосредственно в Центрально-Азиатском регионе, так и за его пределами в среднесрочной перспективе могут привести к увеличению уровня бедности и неравенства в республиках, вызвав социально-политическую напряженность. Наиболее уязвимыми к изменению климата являются граждане Киргизии, Таджикистана, а также жители отдельных регионов Узбекистана и Туркменистана. Несмотря на то что на фоне других центральноазиатских республик положение Казахстана выглядит наиболее обнадеживающим, снижение экспортных доходов вследствие введения европейскими государствами мер по борьбе с изменением климата несет существенные риски для экономики данной страны.

Поскольку государства Центральной Азии не имеют возможности вкладывать достаточные финансовые ресурсы, для того чтобы самостоятельно решить ряд накопившихся за годы независимости проблем, предлагается увеличить объем средств ЕАБР и ЕФСР, инвестируемых в мероприятия по адаптации экономик, прежде всего Киргизии и Таджикистана, к изменению климата.

Литература

1. *Levyson M.* Connectivity in Central Asia at the Crossroads of International Crises: Transport, Energy and Water from Interdependence to New Cooperation Ways. *Russie. Nei. Reports*, № 41, Ifri, 2022.
2. *Vakulchuk R., Daloz A. S., Overland I., Sagbakken H. F., Standal K.* A void in Central Asia research: climate change // *Central Asian Survey*. 2023. V. 42 (1). P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2059447>
3. *Cevik S., Jalles J. T.* Eye of the Storm: The Impact of Climate Shocks on Inflation and Growth. Washington D.C.: International Monetary Fund (Working Paper WP/23/87), 2023.
4. Defying Global Turmoil, Poverty Rates Fall Across Central Asia (Press Release). World Bank official web-site, October 17, 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/10/17/defying-global-turmoil-poverty-rates-fall-across-central-asia#:~:text=The%20World%20Bank%20panel%20presented,upper-middle%20income%20countries%20like%20Kazakhstan> (дата обращения 10.04.2023).
5. Asian Development Bank. Key Indicators for Asia and The Pacific 2022 (53rd Edition). Manila: Asian Development Bank, 2022.
6. *Molina G. G., Montoya-Aguirre M., Ortiz-Juarez E.* Addressing the cost-of-living crisis in developing countries: Poverty and vulnerability projections and policy responses. Geneve: UNDP (United Nations High-Level Political Forum on Sustainable Development), 2022.
7. Multidimensional Poverty Index 2023. Briefing note for countries on the 2023 Multidimensional Poverty Index (Uzbekistan). UNDP, 2023. URL: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/MPI/UZB.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
8. Multidimensional Poverty Index 2023. Briefing note for countries on the 2023 Multidimensional Poverty Index (Kyrgyzstan). UNDP, 2023. URL: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/MPI/KGZ.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
9. Multidimensional Poverty Index 2023. Briefing note for countries on the 2023 Multidimensional Poverty Index (Tajikistan). UNDP, 2023. URL: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/MPI/TJK.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
10. FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Urbanization, agrifood systems transformation and healthy diets across the rural–urban continuum. Rome: FAO, 2023.
11. Dashboard of the Sustainable Development Goals Achievement in 2023 (Kazakhstan). Sustainable Development Goals Transformation Centre, 2023. URL: <https://dashboards.sdindex.org/static/profiles/pdfs/SDR-2023-kazakhstan.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
12. Dashboard of the Sustainable Development Goals Achievement in 2023 (Kyrgyz Republic). Sustainable Development Goals Transformation Centre, 2023. URL: <https://dashboards.sdindex.org/static/profiles/pdfs/SDR-2023-kyrgyz-republic.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
13. Dashboard of the Sustainable Development Goals Achievement in 2023 (Tajikistan). Sustainable Development Goals Transformation Centre, 2023. URL: <https://dashboards.sdindex.org/static/profiles/pdfs/SDR-2023-tajikistan.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
14. Dashboard of the Sustainable Development Goals Achievement in 2023 (Turkmenistan). Sustainable Development Goals Transformation Centre, 2023. URL: <https://dashboards.sdindex.org/static/profiles/pdfs/SDR-2023-turkmenistan.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
15. Dashboard of the Sustainable Development Goals Achievement in 2023 (Uzbekistan). Sustainable Development Goals Transformation Centre, 2023. URL: <https://dashboards.sdindex.org/static/profiles/pdfs/SDR-2023-uzbekistan.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
16. Туркменистан. События 2022 года. Human Rights Watch. 2022. URL: <https://www.hrw.org/ru/world-report/2023/country-chapters/turkmenistan> (дата обращения 10.04.2023).
17. *Зеітц У.* Где они живут. Показатели уровней бедности, среднего потребления и среднего класса в Центральной Азии на районном уровне. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/210801569934716898/pdf/Where-They-Live-District-Level-Measures-of-Poverty-Average-Consumption-and-the-Middle-Class-in-Central-Asia.pdf> (дата обращения 10.04.2023).
18. *Novikov V., Kelly C.* Climate Change and Security in Central Asia. Geneve: The Environment and Security Initiative, 2015.

19. *Тукушева А.* На ТЭЦ в Экибастузе ликвидируют последствия повреждений на золотопроводе. Информационное агентство «KZ.KURSIV.MEDIA», 10.12.2023. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-12-10/tksh-tecz-ekibastuz-avaria/> (дата обращения 10.04.2023).
20. Энергетический кризис в Узбекистане: в холода — без тепла и света. Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 10.01.2023. URL: <https://cabar.asia/ru/energeticheskij-krizis-v-uzbekistane-v-holoda-bez-tepla-i-sveta> (дата обращения 10.04.2023).
21. Столица Таджикистана осталась без света и тепла. EADaily, 01.03.2024. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/03/01/stolica-tadzhikistana-ostalas-bez-sveta-i-tepla> (дата обращения 10.04.2023).
22. *Аматбекова А.* Смог над Бишкеком. Как зеленый город стал самым загрязненным в мире. Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 16.02.2023 URL: <https://cabar.asia/ru/smog-nad-bishkekom-kak-zelenyj-gorod-stal-samym-zagryaznennym-v-mire> . (дата обращения 10.04.2023).
23. World Health Organization. Burden of Disease Attributable to Unsafe Drinking-Water, Sanitation and Hygiene, 2019 update. Geneva: World Health Organization; 2023.
24. *Кудрявцев И.Ю.* Статистика злокачественных новообразований женской репродуктивной системы в навоийском регионе Республики Узбекистан: заболеваемость, смертность и социально-экономический ущерб // Вестник РОНЦ им. Н. Н. Блохина РАМН. 2009. Т. 20. № 2. С. 28—33.
25. *Toichuyev R.* World's largest stockpiles of toxic pesticides buried in Central Asia. The Third Pole, November 6, 2020. URL: <https://www.thethirdpole.net/en/pollution/buried-in-central-asia-worlds-largest-stockpiles-of-toxic-pesticides/#:~:text=Suzak%20district%20of%20Jalal-Abad,from%20all%20these%20burial%20sites> (дата обращения 10.04.2023).
26. Природные вызовы Центральной Азии (По данным исследований ЦЭИ) // Экономическое обозрение. 2018. № 11 (227). С. 12—17.
27. *Hsiang S.M., Jina A.S.* The Causal Effect of Environmental Catastrophe on Long-Run Economic Growth: Evidence from 6700 Cyclones. Cambridge: National Bureau of Economic Research (Working Paper 20352), 2014.
28. *Acevedo S., Mrkaic M., Novta N., Pugacheva E., Topalova P.* The Effects of Weather Shocks on Economic Activity: What are the Channels of Impact? // J. Macroeconomics. 2020. V. 65. P. 1—21. <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2020.103207>
29. *Burke M., Tanutama V.* Climatic Constraints on Aggregate Economic Output. Cambridge: National Bureau of Economic Research (Working Paper 25779), 2019.
30. *Kahn M.E., Mohaddes K., Ng R.N.C., Pesaran M.H., Raissi M., Yang J.-Ch.* Long-Term Macroeconomic Effects of Climate Change: A Cross-Country Analysis. Federal Reserve of Dallas: Globalization Institute Working Paper 365, 2019.
31. *Akyapi B., Bellon M., Massetti E.* Estimating Macro-Fiscal Effects of Climate Shocks From Billions of Geospatial Weather Observations. Washington, DC: International Monetary Fund (Working Paper No. 22/156), 2022.
32. *Gallup J., Sachs J., Mellinger A.* Geography and Economic Development // International Regional Science Review. 1999. V. 22. P. 179—232.
33. *Nordhaus W.* Geography and Macroeconomics: New Data and New Findings // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2006. V. 103. P. 3510—3517.
34. *Dell M., Jones B., Olken B.* Temperature Shocks and Economic Growth: Evidence from the Last Half Century // American Economic Journal: Macroeconomics. 2012. V. 4. P. 66—95.
35. *De Bandt O., Jacolin L., Lemaire T.* Climate change in developing countries: global warming effects, transmission channels and adaptation policies. Banque de France Working Paper No. 822, 2021.
36. *Roberts M., Schlenker W.* Identifying supply and demand elasticities of agricultural commodities: implications for the US ethanol mandate // American Economic Review. 2013. V. 103 (6). P. 2265—2295.
37. *Chandio A.A., Jiang Y., Rehman A., Rauf A.* Short and long-run impacts of climate change on agriculture: An empirical evidence from China. Int. J. Clim. Chang. Strateg. Manag. 2020. V. 12. P. 201—221.
38. *Ozturk T., Turp M.T., Türkes M., Kurnaz M.L.* Projected changes in temperature and precipitation climatology of Central Asia CORDEX Region 8 by using RegCM4.3.5 // Atmos. Res. 2017. V. 183. P. 296—307.

39. *Lioubimtseva E. Henebry G.M.* Climate and environmental change in arid Central Asia: impacts, vulnerability, and adaptations // *Journal of Arid Environments*. 2009. V. 73 (11). P. 963–977.
40. *Jiang J., Zhou T., Chen X., Zhang L.* Future changes in precipitation over Central Asia based on CMIP6 projections // *Environmental Research Letters*. 2020. V. 15. P. 1–8.
<https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab7d03>
41. *Duenwald Ch., Abdih Y., Gerling K., Stepanyan V., Agoumi L., AlHassan A et al.* Feeling the heat: adapting to climate change in the Middle East and Central Asia. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
42. Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate Change 2014. Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part B: Regional Aspects / Eds. V.R. Barros and others. New York: Cambridge University Press, 2014.
43. *Kompas T., Van Ha Pham, Tuong Nhu Che.* The effects of climate change on GDP by country and the global economic gains from complying with the paris climate accord // *Earth's Future*. 2018. V. 6. № 8. P. 1153–1173.
44. World Bank. Uzbekistan: Overview of Climate Change Activities. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/5b7b6c5e-d0a9-5f6a-996f-e7d37f890967/content> (дата обращения 10.04.2023).
45. *Идрисов. Т.* Изменение климата и водные ресурсы в Центральной Азии: растущая неопределенность // Central Asian Bureau for Analytical Reporting (дата обращения 10.04.2023). URL: <https://cabar.asia/ru/izmenenie-klimata-i-vodnye-resursy-v-tsentralnoj-azii-rastushaya-neopredelyonnost?pdf=56344> (дата обращения 10.04.2023).
46. *Diallo Y., Tapsoba R.* Climate Shocks and Domestic Conflicts in Africa. Washington D.C.: International Monetary Fund (Working Paper WP/22/250), 2022.
47. Группа Всемирного банка. Страновой доклад о климате и развитии (Казахстан). Вашингтон: Всемирный банк, 2022.
48. Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана Центр по чрезвычайным ситуациям и снижению риска стихийных бедствий. Исследование по оценке проблем засухи и моделей мониторинга засух в Центральной Азии. Алматы: Центр по чрезвычайным ситуациям и снижению риска стихийных бедствий, 2020.
49. Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Профиль страновых рисков: Казахстан. Манила: Азиатский банк развития, 2022.
50. Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Профиль страновых рисков: Кыргызская Республика. Манила: Азиатский банк развития, 2022.
51. Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Профиль страновых рисков: Таджикистан. Манила: Азиатский банк развития, 2022.
52. Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Профиль страновых рисков: Туркменистан. Манила: Азиатский банк развития, 2022.
53. Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Профиль страновых рисков: Узбекистан. Манила: Азиатский банк развития, 2022.
54. *Gigineishvili N., Teodoru I. R., Karapetyan N., Ustyugova Y., van Houtte J., Jonas J. et al.* Paving the Way to More Resilient, Inclusive, and Greener Economies in the Caucasus and Central Asia. Washington D.C.: International Monetary Fund, 2023.
55. OECD. Measuring Green Finance Flows in Kazakhstan, Green Finance and Investment. Paris: OECD Publishing, 2020. <https://doi.org/10.1787/3ef6618c-en>.
56. United Nations Economic Commission for Europe. Third Environmental Performance Review of Uzbekistan (Environmental Performance Reviews Series No. 52). Geneva: United Nations, 2020.
57. *Mechler R., Mochizuki J., Hochrainer-Stigler S.* Disaster Risk Management and Fiscal Policy. Narratives, Tools, and Evidence Associated with Assessing Fiscal Risk and Building Resilience

- (Background Paper). Washington D.C.: The World Bank Group (Policy Research Working Paper 7635), 2016.
58. The World Bank. Financing Climate Actions in Central Asia. A Survey of International and Local Investments. Washington D.C.: Regional Environmental Centre for Central Asia, 2020.
59. Романчук Е.С. Особенности российской помощи развитию стран Центральной Азии // Общество и экономика. 2022. № 5. С. 88–106. <https://doi.org/10.31857/S020736760020123-4>
60. Бассарова О. В пробке на границе Казахстана и Кыргызстана стоят 600 грузовиков. Это связывают с «водным вопросом» между странами. Информационное агентство «KZ.KURSIV.MEDIA», 23 августа 2023 г. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-08-23/lbsb-probkazkyrvod/> (дата обращения 10.04.2023).
61. Евразийский банк развития. Финансовая отчетность и Аудиторское заключение независимого аудитора за год, закончившийся 31 декабря 2023 года. URL: https://eabr.org/upload/iblock/27d/EDB_FS_RUS_2023.pdf (дата обращения 10.04.2023).
62. Винокуров Е., Альбрехт К., Забоев А., Клочкова Е., Малахов А., Перебоев В. Глобальная зеленая повестка в Евразийском регионе. Евразийский регион в глобальной зеленой повестке. Доклады и рабочие документы 23/2. Алматы: Евразийский банк развития, 2023.
63. Евразийский фонд стабилизации и развития. Финансовая отчетность и Аудиторское заключение независимого аудитора за год, закончившийся 31 декабря 2019 года. URL: https://efsd.org/upload/iblock/657/EFSD_FS_2019_rus.pdf (дата обращения 10.04.2023).

Yekaterina Romanchuk (e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

Postgraduate Student, Junior Researcher,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

ON THE CONSEQUENCES OF CLIMATE CHANGE FOR THE MOST VULNERABLE POPULATIONS IN THE CENTRAL ASIAN REGION

The article reveals the problem of the impact of climate change in the Central Asian region on the most vulnerable segments of its population. The analysis identifies factors that negatively affect the level of poverty in the region, which include aging infrastructure and environmentally harmful economic activities in Central Asian countries. Climate change and its accompanying phenomena such as the increased incidence of natural disasters will lead to deterioration of the macroeconomic indicators of the Central Asian republics in the medium and long-term run and will increase in the number of people living below the international and national poverty lines. In this regard, the author proposes to attract the resources of the Eurasian Development Bank and the Eurasian Fund for Stabilization and Development already present in the region to assist the countries of Central Asia in overcoming the problems caused by climate change and adapting to this phenomenon.

Keywords: Central Asia, climate change, poverty, Eurasian Development Bank, Eurasian Fund for Stabilization and Development.

DOI: 10.31857/S0207367624060071, **EDN:** bwovxf

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике. Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться сведения об авторе (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «Мои публикации» станет активной кнопка «Добавление Публикации», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «Комментарии для редактора». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Сохранить и отправить».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал “Общество и экономика” можно следующими способами:

1. На электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/>;
2. Через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати xx.xx.2024 г.
Дата выхода в свет: xx.xx.2024 г.
Тираж 150 экз. Зак. 14/5а. Цена свободная
70*1001/16. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099,
г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099,
г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.